ЧЕЛОВЕК ПРЕСТУПНЫЙ

КЛАССИКА КРИМИНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ВЛАДИМИР БЕХТЕРЕВ

НАЕДИНЕ С УБИЙЦЕЙ

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНИКОВ

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)
Б 55

Бехтерев В.М.

Б 55 Наедине с убийцей. Об экспериментальном психологическом исследовании преступников / В.М. Бехтерев. – М.: Алгоритм, 2017. – 320 с. – (Человек преступный. Классика криминальной психологии).

ISBN 978-5-906914-39-2

Владимир Михайлович Бехтерев – выдающийся русский психиатр, невропатолог, психолог, физиолог и морфолог, один из основателей русской экспериментальной психологии. Вклад В.М. Бехтерева в медицину огромен. Помимо самой известной своей работы – «Проводящие пути спинного и головного мозга» – ученый создал немало других выдающихся трудов, в том числе он стал одним из первых изучать вопросы преступности с точки зрения психиатрии. Его необычные и зачастую противоречивые суждения и по сей день не потеряли былой актуальности. В настоящее издание вошли лучшие статьи психиатра, посвященные психике преступника.

УДК 82-311.9
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906914-39-2 © ООО «ТД Алгоритм», 2017

Художественно-литературное издание

Владимир Михайлович Бехтерев

НАЕДИНЕ С УБИЙЦЕЙ.
ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПНИКОВ

Редактор Е.О. Мигунова
Художник Б.Б. Протопопов

ООО «ТД Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.12.16. Подписано в печать 10.01.17.
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 10. Тираж 1500 экз. Заказ №

СОДЕРЖАНИЕ

Об экспериментальном психологическом
исследовании преступников 7
Психологическое определение личности 11
Личность и условия ее развития и здоровья 14
Органическая и социальная сфера личности 20
Бессмертие человеческой личности
как научная проблема 23
Внушение и его роль в общественной жизни
Предисловие 65
Различные взгляды на природу внушения 66
Определение внушения 77
Внушение и убеждение 84
Внушение в гипнозе 88
Внушение в бодрственном состоянии 92
Значение веры 99
Невольное внушение и взаимовнушение 102
Коллективные или массовые иллюзии
и галлюцинации 108
Стереотипные обманы чувств и значение
самовнушения 116
Внушение как фактор в самоистребительных актах
наших сектантов 118
Судорожные эпидемии в истории 119
Эпидемии колдовства и бесоодержимости 124
Эпидемии кликушества и порчи 134
Другие психопатические эпидемии религиозного
характера 140
Параноик Малеванный как виновник своеобразной
психопатической эпидемии 147

Эпидемия малеванщины 165
Татарская психопатическая эпидемия
в Казанской губернии 173
Супоневская психопатическая эпидемия
в Орловской губернии 179
Сектантские сборища и эпидемии 184
Китайская эпидемия секты И-хе-туан 186
Канадская психопатическая эпидемия
среди русских духоборов 188
Эпидемическое распространение
мистических учений 191
Паники среди людей и животных 194
Психические эпидемии во времена исторических
народных движений 199
Спекулятивные эпидемии 202
Значение народных сборищ в распространении
психических эпидемий 205
Значение внушения в общественных группах 210

Приложение
Мысленное внушение или фокус? 222
Внушение и воспитание 225
Об опытах над «мысленным» воздействием
на поведение животных 253
Взаимовнушение, взаимоподражание
и взаимоиндукция как объединяющие
факторы 276
Внушения и чудесные исцеления 301

Примечания 313

Об экспериментальном психологическом исследовании преступников[1]

Чем более мы углубляемся в изучение преступных лиц, тем более убеждаемся в сложности тех психических и моральных условий, которые лежат в основе преступности. Уже один факт, что мы до сих пор не можем условиться относительно различных категорий преступных лиц, указывает на особенную сложность психической основы преступления. Факт этот объясняется тем, что в таком деле, как преступление, отражается вся личность субъекта и даже, более того, вся его психофизическая организация, причем в одних случаях в основе преступления лежит особая порывистость чувственной сферы, ее необычайная раздражительность, ее импульсивность, это так называемые преступники по страсти, в других случаях преступность в своей основе имеет природный недостаток чувственной сферы, выражающийся недоразвитием нравственных чувствований, благодаря чему этой категории преступники совершают обыкновенно преступления с заранее обдуманным намерением, ради удовлетворения потребностей своей натуры без большого труда, это преступники, лишенные нравственного чувства, чаще всего врожденные преступники, приближающиеся к категории известной формы — moral insanity[2], в третьих случаях преступления совершаются вследствие недостатка в интеллектуальной сфере, вследствие невозможности оценки значения прав собственности и более или менее ясного различения между злом и добром. Это так называемые слабоумные преступники или душевнобольные преступники. В четвертых случаях мы имеем преступников с ослабленной волей, вследствие алкоголизма или других при-

чин, которые отличаются ленью, неспособностью к систематическому труду и для которых преступление является единственной возможностью существования. Но все эти деления преступников на те или другие категории, которых предлагалось и предлагается многое множество, страдают большой условностью. Как психическую сферу нормального человека мы только условно можем разделять на ум, чувство и волю, в действительности же наша психическая сфера представляет одно общее целое, неразрывно связанное в своих отдельных частях, так точно и вышеуказанные деления преступных типов пригодны нам лишь для общей и притом предварительной ориентировки среди массы преступников, в действительности же никто не станет отрицать, что преступность есть явление крайне сложное и далеко не вмещающееся в вышеуказанные категории, не говоря о массе индивидуальных особенностей преступных лиц в каждом отдельном случае. Мне кажется, что несмотря на толчок, данный криминально-антропологическим направлением изучению преступности в последний период времени, мы в сущности мало подвинулись в изучении преступных лиц и специально антропологическое исследование преступников, которое предполагало открыть особый атавистический преступный тип Ломброзо, не дало нам положительных результатов, самое же существование преступного типа в смысле Ломброзо подвергается, как известно, большому сомнению и мало кем признается. Этим, конечно, ничуть не умаляется значение того огромного фактического материала, который был собран в отношении физического сложения преступников Ломброзо и его учениками и который указывает ближе всего на отношение известной категории преступников к вырождению. С другой стороны, психологическое исследование преступников, которое велось уже издавна и которое получило особенный толчок со времени развития уголовно-антропологической школы, уже в значительной степени использовано многочисленными

авторами, работавшими в указанном направлении, и хотя в этом направлении, без сомнения, много еще может быть сделано, но главные результаты в этом отношении уже намечены. Тем не менее остается еще одна область психологического исследования, которая до сих пор не получила пока применения в должных размерах к исследованию преступных лиц и которая, на мой взгляд, обещает быть в этой сфере наиболее плодотворной, так как приобретаемые ею результаты отличаются большей точностью и возможной научной устойчивостью. Я говорю об экспериментально-психологическом исследовании преступников. Само собой разумеется, что здесь идет речь не об исследовании элементарных психических процессов как простой и сложной реакции, хотя и за исследованиями этого рода нельзя отрицать известного значения, главным же образом, по моему мнению, следует иметь в виду экспериментально-психологическое исследование чувственной реакции, памяти, ассоциации идей, этических представлений, соображения, внимания и проч., следовательно, тех явлений психической жизни, которые входят в область главным образом того отдела экспериментальной психологии, который носит название индивидуальной психологии. Сравнение полученных таким образом данных у преступников с теми, которые мы можем иметь относительно нормальных и честных лиц того же слоя общества, может дать нам более или менее верные указания относительно различия психического склада преступников по сравнению с честными лицами. Что касается специально нравственной сферы, то есть нравственных чувствований и представлений, то мне кажется, что и она при известной осторожности может быть также исследована путем ассоциаций, путем суждений, опросов и проч. Не следует, конечно, думать, что правильные нравственные воззрения должны совпадать с нравственностью лица вообще, так как мы видели, что преступность может корениться в нарушении не нравственных суждений и не интеллекту-

альной сферы вообще, а в нарушении чувственной сферы или сферы воли. Поэтому было бы ошибочно из данных, полученных при исследовании в области сферы нравственных суждений у преступников, выводить заключения об их нравственной сфере вообще, об исправимости преступника и проч., но они могут тем не менее войти в общую характеристику данного психологического типа, как необходимый ингредиент. Мне нет надобности прибавлять, что экспериментально-психологическое исследование преступников должно производиться совместно с подробным обследованием физического состояния преступников, так как при оценке психического склада того или другого лица должно принимать во внимание и физическую его природу. Ввиду важности, которую мы придаем экспериментально-психологическому исследованию преступников, я полагаю, что наше общество нормальной и патологической психологии могло бы оказать свою посильную помощь изысканиям подобного рода, выработав общий руководящий план исследования преступников вообще, преимущественно в психологическом отношении и в особенности в экспериментально-психологическом отношении, и тем самым облегчило бы работу отдельных исследователей в этом направлении.

1902

Психологическое определение личности

Для врачей-психиатров представляется совершенно избитой истиной, что психические болезни и состояния вырождения суть болезни личности. Ввиду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильного ее развития составляет ту непосредственную цель, к которой прежде всего должен стремиться каждый из врачей, посвящающих себя изучению душевных расстройств. Руководясь этим, я полагаю, что собравшиеся здесь не посетуют на меня, если я займу их внимание вопросами, связанными с личностью и охраной ее здоровья и правильного развития с точки зрения врача-психиатра.

Прежде всего, мы должны выяснить для себя, что следует понимать под названием личности?

Должно иметь в виду, что в отношении психологического определения личности мы встречаемся еще с большими противоречиями в науке. Действительно, по поводу понятия личности высказывались различные взгляды и мнения в зависимости от того направления в своих основных воззрениях, которого держались различные психологические школы. <…>

Мы полагаем, что кроме объединяющего начала под личностью следует понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека.

Таким образом, кроме внутреннего объединения и координации личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий.

В этом определении наряду с субъективной стороной выдвигается, как легко видеть, и объективная сторона личности. Мы думаем, что в вопросах психологических мы не должны ныне пользоваться одними субъективными определениями. Психическая жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений.

В этих объективных явлениях собственно и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний мир. Мы скажем более! Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению, и только они одни составляют объективную ценность.

По Рибо, «реальная личность — это организм и его высший представитель — мозг, заключающий в себе остатки всего, чем мы были, и задатки всего, чем мы будем. В нем начертан индивидуальный характер со всеми своими деятельными и пассивными способностями и антипатиями, своим гением, талантом и глупостью, добродетелями и пороками, неподвижностью и деятельностью».

Мы не погрешим против истины, если скажем короче: личность с объективной точки зрения есть психический индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям.

Должно иметь в виду, что ни оригинальность ума, ни творческие способности, ни то, что известно под названием воли, в отдельности ничто не составляет личности, но общая совокупность психических явлений со всеми их особенностями, выделяющая данное лицо от других и обусловливающая ее самодеятельность, характеризует личность с объективной ее стороны.

Умственный кругозор представляется неодинаковым между лицами различно образованными, но ни один из них не теряет права на признание в нем личности, если только он проявляет в той или другой мере свое индиви-

дуальное отношение к окружающим условиям, представляясь самодеятельным существом. Только утрата этой самодеятельности делает человека вполне безличным; при слабом же проявлении самодеятельности мы можем говорить о слабо развитой или пассивной личности.

Итак, личность с объективной точки зрения есть не что иное, как самодеятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру.

Личность и условия ее развития и здоровья[3]

<...> Какие же причины пагубно влияют на развитие личности, приводят к ее упадку и какие причины содействуют ее развитию?

Обращаясь к разрешению первого вопроса, мы не будем здесь останавливаться на том, в какой мере на развитии личности отражается окружающая ее природа. Вопрос этот, хотя и не лишен значения, чтобы его обойти молчанием, но и настолько широк, что не позволяет на нем остановиться подробнее. Здесь можно лишь указать как на не подлежащий сомнению факт, что умеренный климат для развития личности является более благоприятным, нежели суровый климат севера и жаркий климат тропиков.

Вряд ли также кто-нибудь станет оспаривать наряду с климатом важное значение иных метеорологических, а равно и географических условий. Великие пустыни, малопригодные для человеческого житья, и все те местности, где человеку приходится затрачивать много сил и энергии на борьбу с окружающей природой, не благоприятствуют развитию личности. Равным образом неблагоприятные почвенные и метеорологические условия, характеризующиеся эндемическим[4] развитием тех или других общих болезней, не могут не отражаться пагубно на развитии личности, подтачивая в корень физическое здоровье организма.

Не останавливаясь далее на этих внешних малоподвижных и малоизменяемых влияниях, действующих на развитие личности, мы перейдем к рассмотрению иных факторов, отражающихся резким образом на состоянии и развитии личности.

Первым и основным условием правильного развития личности является природа организма, наследие его отцов или те антропологические особенности, которые составляют почву для развития личности.

Вряд ли кто может сомневаться в значении расы в указанном отношении. Наилучшим примером может служить тот факт, что из трех человеческих рас черная, несмотря на свою многочисленность, далеко не достигла того культурного развития, как две другие расы.

При всей своей многочисленности представители этой расы никогда не играли выдающейся роли в истории. Этот важный факт нельзя не сопоставить с тем антропологическим фактом, что вместимость черепа и вес мозга этой расы меньше, чем у двух других рас, в особенности белой.

Другим примером влияния антропологических особенностей на развитие личности являются народы древней Эллады, достигшие удивительной культуры и не менее удивительного развития личности и затем погибшие вследствие особых исторических условий.

Когда возникла борьба за освобождение греков от турецкого ига, многие представляли себе, что дело идет о восстановлении того же свободолюбивого народа, который оставил после себя замечательные памятники мысли и культуры, хранящиеся в различных музеях. Эта мысль увлекала многих, она возбудила симпатии к грекам со стороны лучших умов того времени, и война за их освобождение сделалась сразу популярной в Европе.

Но когда час освобождения наступил, что же оказалось?

Древнего грека с его живым умом и чувством и с сильной волей уже нельзя было признать в греках новейшей формации, обладающих иными качествами. И это потому, что древние греки переродились в другую нацию, характеризующуюся другими антропологическими чертами, они переродились частью вследствие выселения и рабст-

ва, главным же образом вследствие смешения их с другими племенами[5].

Итак, несмотря на то что остались те же географические условия, какие были в Греции и в минувшие века, несмотря на то что центр цивилизации до сих пор остается, как и ранее, на материке Европы, современные нам греки, вследствие приобретенных ими новых антропологических особенностей в период долгого рабства, по-видимому, не обещают сделаться великим народом, каким они несомненно были в древности.

Приведенные примеры показывают, что уже в антропологических особенностях расы кроются те основы, которые определяют развитие личности. Вот почему должно быть ясно для всех, в какой мере судьба племени находится в связи с принадлежащими ему расовыми отличиями и в какой мере последние отражаются на проявлении и чертах народного гения.

Не меньшего внимания заслуживает другой фактор, влияющий на развитие личности. Это — фактор биологический, связанный с условиями зачатия и развития человеческого организма.

Здесь мы не можем не отметить важного значения в развитии личности тех элементов, которые известны под названием вырождения и которые коренятся в условиях неблагоприятного зачатия и развития плода. От каких бы причин эти условия ни зависели — от неблагоприятной психо- или невропатической наследственности, физических недостатков, болезней матери во время зачатия и беременности, алкоголизма родителей, тяжелых физических и психических моментов в течение беременности, последствием их, как мы знаем, являются дегенеративные особенности потомства, которые в конце концов сводятся к разложению личности и к ее упадку. Вполне понятно, что развитие личности как высшего проявления психики находится в зависимости от физических условий. Это положение не может возбуждать и тени сомнения, коль ско-

ро мы примем во внимание тесное соотношение между физическим и психическим, между «телом и душою», как принято выражаться. «Mens sana in corpore sano[6]», гласит древняя философская мудрость, и это положение остается незыблемым и поныне.

Во всяком случае нельзя не принять во внимание тот факт, что только гармоническое развитие тела и духа обеспечивает правильное совершенствование личности. Если физическое развитие от природы слабо, если человек с раннего возраста подвергается физическим невзгодам и целому ряду общих инфекционных болезней, особенно с затяжным течением, если вместе с тем у него развиваются такие общие болезненные поражения, коренящиеся в недостаточном и неправильном питании организма, как анемия, золотуха, рахитизм и проч., то уже полный расцвет личности будет в той или иной мере задержан. Если затем и в более возмужалом возрасте продолжаются физические невзгоды, то упадок личности обнаруживается уже вполне ясно. <...>

<...> На развитие личности оказывают существенное влияние неблагоприятные экономические условия, приводящие последовательно к физическому ослаблению организма, на каковой почве развивается ряд истощающих физических болезней, подрывающих в корне питание организма и нарушающих правильное развитие мозга, а следовательно, и личности. Да и помимо этих болезней недостаточное питание населения, подрывающее физические его силы и приводящее к развитию физического истощения и малокровия, — разве это не условия, содействующие ослаблению питания мозга, быстрой истощаемости умственных сил и вместе с тем препятствующие полному расцвету личности? <...>

Далее, важным фактором, приводящим к недостаточному развитию личности, является отсутствие общественной деятельности. Где нет общественной деятельности, там нет и полного развития личности. Без обществен-

ной деятельности личность останавливается на известной ступени своего развития, представляясь более или менее равнодушною к общественным потребностям; она является пассивным членом общества, лишенным той самодеятельности, которая служит залогом нормального развития общественной жизни и прочного развития государственности.

Народы, у которых общественная деятельность отсутствует или слабо развита, подготовляют в своей среде по сравнению с другими в общем менее развитые и более пассивные личности, что в конце концов отражается на всех отраслях культуры.

К этому надо добавить, что естественным последствием отсутствия правильно организованной общественной деятельности в форме самоуправления является праздность и бездеятельность, которая находит в этом случае особенно благоприятные условия преимущественно в более обеспеченных классах общества. Между тем праздность, чем бы она ни обусловливалась, приводит естественным образом к понижению умственной работоспособности, к невознаградимой утрате умственного материала за время бездеятельности, к недостаточному усовершенствованию нервно-психических механизмов, что доказывается между прочим также и психометрическими исследованиями, и вообще к умственному и телесному обессилению, а последовательно — к нравственному и физическому вырождению, особенно если к праздности присоединяются ее естественные спутники — алкоголизм и другие излишества. <...>

Не меньшего внимания в смысле развития личности заслуживают и воспитание, и обучение.

Как для правильного развития тела необходимо правильное физическое питание, так для умственного развития, приводящего к развитию личности, необходимо правильное доставление пищи духовной. Ясно, что для цельного развития личности правильное воспитание и

обучение составляют существенную сторону дела. Но вопросы воспитания и обучения чрезвычайно деликатны и требуют большой осмотрительности в своем применении. Прежде всего здесь нужно иметь в виду при соблюдении физической и умственной гигиены постепенное приучение к систематическому труду, развитие самостоятельного мышления с широким миросозерцанием и критическим взглядом и стойкость характера. <...>

Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что основы будущей личности коренятся еще в дошкольном возрасте, и, следовательно, правильное и рациональное воспитание должно начинаться с первых дней жизни человека. Существуют неоспоримые факты, из которых выясняется с несомненностью, что уклонения характера начинаются еще в раннем возрасте благодаря тем или иным условиям, которые своевременно могли быть легко устранены.

Не меньшего внимания заслуживает также и правильное направление умственного развития. Так как невежество и недостаток образования есть главное условие недоразвития личности, то очевидно, что эта сторона в вопросе о развитии личности должна быть выдвинута на первый план. И мы знаем действительно, что культурные страны соперничают между собою в правильной постановке и развитии школьного дела.

Органическая и социальная сфера личности[7]

‹…› Личная сфера, концентрируя в себе запас важнейшего для жизни организма прошлого опыта, как бы образует собою главный центр нервно-психической деятельности, лежащей в основе активно-самостоятельного отношения живого организма к окружающему миру.

Отсюда очевидно, что образование этого интимного ядра нервно-психической сферы, предполагающее сохранение в центрах следов от рефлексов, стоящих в связи с внутренними раздражениями и постоянно оживляющихся под влиянием вновь возникающих внутренних и стоящих в соотношении с ними внешних раздражений, является залогом самостоятельного индивидуального отношения организма к окружающему миру, причем эта самоопределяющаяся активность, как ясно из предыдущего, определяется внутренними условиями, вытекающими из запаса постоянно оживляемых следов, входящих в личную сферу.

С развитием общественной жизни личная сфера человека не ограничивается только следами психорефлексов, стоящими в соотношении с органическими воздействиями, но в теснейшей связи с ними происходит и образование следов, обусловленных теми или другими отношениями, вытекающими из условий общественной жизни. Таким образом, в связи с личной сферой органического характера развивается личная сфера социального характера, лежащая в основе так называемых нравственных и социальных отношений между людьми. Последняя, таким образом, является дальнейшим развитием основного ядра невропсихики, которое, возвышаясь до оценки социальных отношений, приводит к образованию личности

как самобытной психической особи в социальной жизни народов.

«Личность с объективной точки зрения, — говорю я в одной из своих работ, — есть психический индивид со всеми ее самобытными особенностями, — индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям» («Личность и условия ее развития и здоровья»).

Эта личность представляет собою как бы две тесно связанные друг с другом совокупности следов, из которых одна теснее связана с органической, другая — с социальной сферой, причем в зависимости от большего или меньшего развития той или другой совокупности следов мы имеет преобладание в личности так называемого эгоизма или альтруизма.

Как органическая сфера личности является, как мы видели, главнейшим руководителем ответных реакций на раздражения окружающего мира, имеющие то или иное отношение к органической сфере, т. е. к поддержанию или понижению благосостояния организма, так с социальной сферой личности связывается высшее руководство действиями и поступками, имеющими целью установление отношений между личностью и другими членами сообщества, в котором она вращается.

По крайней мере при более высоком развитии невропсихики социальная сфера личности является важнейшим руководителем всех реакций, имеющих связь с общественными отношениями между людьми.

Необходимо иметь в виду, что сложный процесс развития социальной сферы личности ничуть не устраняет органическую сферу личности, он ее только дополняет и частью подавляет, как бы наслаивая на нее новые сочетания, вытекающие из воздействий, относящихся к условиям социальной жизни.

Нет надобности говорить, что социальная сфера личности в своих более элементарных проявлениях обнару-

живается уже в животном царстве, но несомненно, что у человека, как существа не только социального, но и культурного, мы встречаем развитие социальной сферы личности в такой мере, что при известных условиях она, несомненно, обнаруживает преобладание над органической сферой личности, выражаясь поступками и действиями альтруистического характера, нередко в явный ущерб или даже вопреки органическим потребностям индивида.

Таким образом, социальная сфера личности, развиваясь на почве органической сферы, расширяет ее в зависимости от социальных условий жизни до степени, когда органические воздействия подавляются прошлым опытом социальных отношений и социальными воздействиями.

Как внешние раздражения, возбуждающие органические реакции, служат естественным возбудителем всех вообще следов личной сферы, входящих в соотношение с органическими раздражениями, так и социальные отношения являются возбудителями следов, оживляющих в большей или меньшей степени внутренние же или органические реакции, чем и обусловливается соотношение социальной сферы с органической сферой личности.

Таким образом, социальная сфера личности является объединяющим звеном и возбудителем всех вообще следов психорефлексов, возникающих на почве общественной жизни и оживляющих те ли иные органические реакции.

Бессмертие человеческой личности как научная проблема[8]

В те моменты истории, как переживаемое нами время, когда почти каждый день приносит известие о гибели многих сотен и тысяч людей на полях сражений, особенно настойчиво выступают вопросы о «вечной» жизни и о бессмертии человеческой личности. Да и в обыденной жизни мы сталкиваемся на каждом шагу с потерей близких нам лиц — родных, друзей, знакомых — от естественной или от насильственной смерти.

«Произошел выстрел, и человека не стало». «Болезнь отняла от нас друга, который отошел в другой мир». Так говорят обыкновенно над свежей могилой. Но так ли это на самом деле? Ведь если бы наша умственная или духовная жизнь кончалась вместе с тем, как велением рока обрывается биение сердца, если бы мы превращались вместе со смертью в ничто, в безжизненную материю, подлежащую разложению и дальнейшим превращениям, то, спрашивается, чего стоила бы сама жизнь? Ибо, если жизнь кончается ничем в смысле духовном, кто может ценить эту жизнь со всеми ее волнениями и тревогами? Пусть даже жизнь скрашивается стремлениями в лице лучших умов к вечным идеалам истины, добра и красоты, но для самого человека, живущего и действующего, чем можно было бы оправдать преимущества этих идеалов по сравнению с теми или иными своекорыстными стремлениями? Ведь если нет бессмертия, то в жизни нет и морали, и тогда выступает роковое: «все дозволено!».

В самом деле, к чему мне заботиться о других, когда все — и я, и они перейдут в «ничто» и когда вместе с этим «ничто» устраняется вполне естественно и всякая

моральная ответственность. Смерть человека без вечного духа, который признают все религии и в который веруют все народы, разве не устраняет почву из-под всякой вообще этики и даже из-под всех стремлений к лучшему будущему?

Если вместе со смертью навсегда прекращается существование человека, то, спрашивается, к чему наши заботы о будущем? К чему, наконец, понятие долга, если существование человеческой личности прекращается вместе с последним предсмертным вздохом?

Не правильнее ли тогда ничего не искать от жизни и только наслаждаться теми утехами, которые она дает, ибо с прекращением жизни все равно ничего не останется. Между тем иначе сама жизнь, как дар природы, протечет без тех земных удовольствий и наслаждений, которые она способна дать человеку, скрашивая его временное существование.

Что же касается заботы относительно других, то стоит ли вообще об этом думать, когда все — и «я», и «другие» завтра, послезавтра или когда-нибудь превратятся в «ничто». Но ведь это уже прямое отрицание человеческих обязанностей, долга и вместе с тем отрицание всякой общественности, неизбежно связанной с известными обязанностями.

Вот почему человеческий ум не мирится с мыслью о полной смерти человека за пределами его земной жизни, и религиозные верования всех стран создают образы бесплотной души, существующей за гробом человека в форме живого бестелесного существа, а мировоззрение Востока создало идею о переселении душ из одного существа в другие.

Таким образом народный эпос и религиозное умозрение как бы предуказывают то, что должно быть предметом внимания науки и что до позднейшего времени оставалось вне ее поля зрения. Правда, философии не чужда идея бессмертия, ибо она уже давно ставила проблему

бессмертия человеческой души как таковую, которая требует своего разрешения, и, как известно, еще Спиноза, а затем и Кант, не говоря о некоторых других философах, признавали бессмертие духа.

Наш великий моралист Л. Толстой высказывается по этому поводу следующим образом: «Если признают жизнь не в теле, а в духе, то нет смерти, есть только освобождение от тела. Мы признаем в душе нечто такое, что не подлежит смерти. Объяви только в своей мысли то, что нетелесно, и ты поймешь то, что в ней не умирает».

Из новейших авторов, как известно, американский философ Джемс, недавно скончавшийся, «был столь убежден в существовании загробного мира, что обещал после своей смерти найти способ духовного общения со своими друзьями». На это наш ученый Мечников не без иронии заметил, что он «до сих пор не выполнил своего обещания».

Некоторые из философских умов в этом вопросе даже примыкали к доктринам христианства. Как известно, христианское учение говорит о всеобщем воскресении мертвых, и наш известный философ Соловьев[9] опирается именно на эту сторону христианского учения в своих диалектических возражениях по адресу морального аморфизма.

«Отрицая различные учреждения, моральный аморфизм, — говорит он, — забывает об одном довольно важном учреждении — о смерти, и только это забвение дает доктрине возможность существования».

«Ясно, что это учение, умалчивая о смерти, носит ее в себе самом. Оно выдает себя за восстановление подлинного христианства, но слишком очевидно и психологически, и исторически, что проповедь Евангелия не забывала о смерти; прежде всего эта проповедь опиралась на воскресение Одного, как на совершившееся событие, и на будущее воскресение всех, как на обеспеченное обещание. Общее воскресение есть создание совершенной фор-

мы для всего существующего, крайнее выражение и осуществление благого смысла вселенной и потому конец и цель истории».

Таким образом, наш маститый философ принимал христианскую доктрину так, как она передается нам в священной книге, в прямом смысле слова, и рассматривал перспективу общего воскресения как обеспеченное обещание, как непреложный факт будущего, забывая при этом, что в известных случаях слова вообще должны быть понимаемы не по внешней их форме, а по их сокровенному смыслу.

Не будем умалять значения христианского учения для цивилизованного мира. Возвышение «духа» над телом, любовь к ближнему, непротивление злу насилием и самопожертвование ради торжества истины и ради общего блага — вот те нравственные принципы, которые выдвинуло христианство.

Эти принципы, опрокинувшие некогда древний языческий мир, поборовшие его великим страданием самого Учителя и последующими страданиями его учеников, привели к обновлению мира, создав новую эру для современного человечества. Но даже приняв во внимание заявление В. Соловьева относительно обеспеченного обещания в христианском учении, следовательно, факта в будущем, люди науки скажут: в общее воскресение надо верить, ибо общее воскресение есть высшее чудо, научная же мысль давно отрешилась от всего чудесного и не может опираться на веру.

Вот почему даже столь сильные умы, как наш Мечников, стоят на точке зрения полного отрицания загробной жизни.

Но прежде чем разрешать этот вопрос, мы сойдем с плоскости религии и примыкающей к ней в этом вопросе философии и обратимся к научному анализу вопроса о бессмертии человеческой личности, то есть к тому знанию, которое признается точным, и посмотрим, как будет

решаться вопрос о бессмертии человеческой личности с научной точки зрения.

Не очень давно научное воззрение держалось на трех китах — на признании физической энергии, материи и духа, несводимых будто бы путем научного анализа к более общим формам мировых явлений и в то же время не имеющих между собой ничего общего. Еще покойный Менделеев не считал возможным отрешиться от этих, так недавно считавшихся общепризнанными, взглядов.

Но за истекшее столетие в лице Майера и Гельмгольца наука обогатилась одним незыблемым законом — законом постоянства энергии. Этот закон гласит, что энергия может подвергаться превращению из одного ряда в другой, но она не тратится и не убывает.

Ранее того был установлен, как известно, принцип постоянства материи. Предполагалось, что материя при всех возможных превращениях остается в смысле своего веса одной и той же, иначе говоря, количество материи, несмотря на всевозможные превращения, остается постоянным.

Однако позднейшие научные открытия, особенно же открытие радиоактивных веществ, а также открытие рентгеновских лучей и другие приобретения науки, пошатнули это положение, ибо стал очевидным переход, хотя и медленный и постепенный, материи в энергию. С другой стороны, наукой установлено, что и материальные атомы, разлагающиеся на электроны, представляют собой не что иное, как центры энергии, а следовательно, в физическом мире мы можем говорить лишь об энергии как сущности, которая вмещает в своем понятии и физическую энергию, и видимую и осязаемую нами материю.

Иначе говоря, можно признать, что энергия при известных условиях скрытого потенциального состояния дает начало веществу — материи или массе, последняя же в конце концов при тех или других условиях может быть разложена на ряд физических энергий. В этом отношении

еще Декарт подходил к решению задачи, говоря, что материя есть «движение» или «сила».

Г. Лебон, задаваясь вопросом: «Материя не есть ли энергия?» — замечает: «Всякому, следившему за моими работами, известно, что мне удалось доказать, что свойства солей радия суть не более как свойства каждого тела природы, только в радии они более ярко выражены. Всякое тело обладает истечением частиц в более слабой степени, чем радий. Это показывает, что материя имеет свойства медленно рассеиваться. Радиоактивность и рассеивание (диссоциация, распад) материи, ее дематериализация — это синонимы. Электричество и солнечное тепло — не что иное, как разъединенная материя. Можно доказать, что элементы, извергаемые полюсами, одинаковы с элементами, отделяющимися от радия»[10].

Но за всем тем остается мир духовный, или так называемая психическая, точнее — нервно-психическая деятельность, которая непосредственно познается нами как мир явлений, открываемых путем самонаблюдения и самоанализа. Этот мир тем самым противополагается миру объективному, ибо последний не подлежит самонаблюдению, но в то же время познается нами лишь не иначе, как при посредстве наших внутренних переживаний, то есть путем того же субъективного мира, открываемого при посредстве самонаблюдения и самоанализа.

Но это противоположение остается лишь до тех пор, пока мы о нервно-психической деятельности судим по своим переживаниям, то есть признаем ее деятельностью исключительно субъективной, не имея в то же время возможности проникнуть во внутреннюю природу явлений внешнего мира. Но та научная дисциплина, которую я стремлюсь установить под наименованием «Объективной психологии» или — точнее — «Рефлексологии»[11], рассматривает нервно-психическую resp. соотносительную деятельность со строго объективной точки зрения, как совокупность высших или сочетательных рефлексов, имею-

щих свои внешние причины или внешние воздействия, предоставляя в то же время субъективной психологии изучать проявление субъективного характера этих рефлексов путем самонаблюдения.

Со строго объективной точки зрения разнообразные действия Человека могут и должны быть сопоставлены по аналогии с движениями псевдоподий таких простейших животных, как амеба, и то, что мы понимаем под высшими или сочетательными рефлексами, в конце концов представляет собой производное сократительности живого вещества в случае ответа его на сопутствующие раздражения. Отсюда ясно, что связываемый с высшими рефлексами психизм в живой природе вообще, где бы он ни проявлялся и в каких бы формах ни обнаруживался, должен быть сведен также на особый вид энергии, разнообразные проявления которой мы имеем в телах окружающей нас живой природы[12].

При этом мы знаем, что в основе соотносительной деятельности высших организмов лежит нервный ток, являющийся сам по себе производным сократительности протоплазмы, ибо нет ни одного соотносительного (нервно-психического) процесса, который бы не происходил в мозгу, основой же деятельности мозга, как мы знаем, является нервный ток, переходящий путем сокращения мышц и смещения членов в механическую энергию[13].

Как известно, импульсами для возбуждения нервного тока служат внешние заряды, которые действуют на воспринимающие органы внешней и внутренней поверхности тела, играющие, как я указал еще в 1896 году, роль особых трансформаторов внешних энергий[14]; обеспечением же правильного проведения тока по нервным волокнам является непрерывный приток крови к мозгу.

Другие факты не оставляют сомнения в том, что при условиях нормального мозгового кровообращения усиление субъективных сознательных процессов сопутствуют замедлением и даже задержкой движения, то есть ослаб-

лением механической работы, и наоборот — ускорение и усиление производимой механической работы сопровождается ослаблением ее сознательности. Отсюда вытекает противоположение между субъективными проявлениями сознания и объективными двигательными процессами, а это говорит за то, что при активной психической деятельности происходит задержка энергии в центрах, точнее говоря, в клетках нервной ткани[15].

Всем известно, что активная умственная работа идет медленнее автоматической. Достаточно сделать усиленное напряжение мысли при ходьбе, стремясь внимательно производить каждый шаг, и тотчас же ходьба замедляется и даже наступает ее приостановка, и наоборот — при ослаблении внимания или в состоянии так называемой рассеянности процесс ходьбы становится более планомерным и свободным.

В основанном мною совместно с В. Т. Зиминым Педологическом институте в Петрограде непосредственными опытами над новорожденными было доказано, что всякое внешнее впечатление, привлекающее внимание ребенка, действует успокаивающим образом на его движения и в особенности на его дыхание, которое всегда при этом выравнивается.

Таким образом, необходимо признать, что сознательное или, выражаясь философским языком, духовное связано с задержкой нервного тока, сам же нервный ток, как мы видели, является трансформированной физической энергией того или иного рода. Отсюда ясно, что духовная сторона человеческой личности, если понимать под этим все вообще происходящие в ней субъективные процессы и тесно связанные с ними внешние проявления, в конце концов оказывается производной внешних энергий и является результатом задержки и, следовательно, наивысшего напряжения энергии в центрах.

Очевидно, таким образом, что и между нервно-психической и так называемыми физическими энергиями

не только нет никакого противоположения, как полагали раньше, а, наоборот, имеется взаимоотношение, основанное на переходе одной в другие и обратно[16].

Поэтому необходимо признать, что все явления мира, включая и внутренние процессы живых существ или проявления «духа», могут и должны быть рассматриваемы как производные одной мировой энергии, в которой потенциально должны содержаться как все известные нам физические энергии, так равно и материальные формы их связанного состояния и, наконец, проявления человеческого духа.

В окончательном выводе энергия должна быть признана единой сущностью во Вселенной, причем все вообще превращения материи или вещества и все вообще формы движения, не исключая и движения нервного тока, представляют собой не что иное, как проявление мировой энергии, непознаваемой в своей сущности, но являющейся первоосновой известных нам физических энергий, являющихся также лишь определенной формой проявления мировой энергии, то есть проявления ее при определенных условиях окружающей среды.

Новейшие научные воззрения, правда, говорят об электронах как наименьших элементах, служащих носителями энергии, но ничуть не исключена возможность, что электрические атомы, или электроны, предполагающие существование в них положительного или отрицательного зарядов, не являются еще пределом разложения видимого и невидимого физического мира. Да и вообще в этих воззрениях об электронах, постоянно двигающихся друг около друга, сказывается невозможность человеческого ума отрешиться от идеи разделения познаваемого мира на мельчайшие частицы и признать полное разложение материи в энергию без всякого в ней остатка самой материи. К тому же в физических гипотезах нашего времени, как справедливо указал профессор Хвольсон в сво-

ей брошюре «Знание и вера», господствует вера, а не научные доказательства[17].

В конце концов необходимо признать, что сущность мировой энергии по ограниченности нашего мышления, черпающего свой материал лишь из видимого материального мира, остается недоступной нашему познанию.

Но одно несомненно, что мировая энергия в конце концов служит началом и материального, и духовного мира, следовательно, в потенциальном состоянии она должна содержать в себе и материальное, и духовное. «Называя все это — материю, энергию, дерево — физическими продуктами, касаемся ли мы их последней реальности? Уверены ли мы даже совершенно в том, что то, что мы называем физическим миром, есть в конце концов физический мир? Преобладающим научным взглядом в настоящее время является, что это не так. Самое выражение „материальный мир“ есть, говорят нам, неверное выражение; мир есть мир духовный, только употребляющий „материю“ для своего обнаружения»[18].

Как бы то ни было, в последних частицах беспредельного дробления материи, пример которого мы видим в радиоактивности тел, мы уже не находим никаких свойств материи, а лишь качества, присущие энергии, равно как и в конечном анализе психические процессы лишаются свойств психического в истинном смысле слова и должны быть сводимы на бессознательные процессы, связанные с затрачиваемой энергией.

Таким образом, мы не только не видим основания противополагать друг другу физическую энергию, материю и дух, они не только не представляются нам особыми сущностями, что признавалось за истину еще недавно, но мы должны в этом отношении держаться взгляда о единой основе всего сущего в виде мировой энергии, служащей началом и всего материального, и всего духовного во Вселенной. Это учение, как объединяющее все мировые явления, мы обозначаем именем эволюционного мониз-

ма, ибо в данном случае к монизму мы приходим путем выяснения и анализа эволюционного процесса, приводящего все вообще внешние проявления видимого мира к единой «мировой» энергии как началу всего сущего[19].

Эта мировая энергия обусловливает движение всего во Вселенной, ибо во всем познаваемом пространстве нет ничего без движения, и мы не знаем вообще ни одного явления в природе, ни одного процесса, который не сопровождался бы движением.

С движением связаны и энергия притяжения и отталкивания, лежащая в основе законов тяготения небесных тел, и энергия химического сродства и сцепления атомов, и, наконец, энергия того подвижного соединения молекул коллоидных веществ, которое, лежа в основе жизненных процессов, обладает свойством раздражимости, а следовательно, и всех вообще ответных реакций или рефлексов живой материи, входящей в состав организмов.

Мало того, необходимо признать, что все движется как бы в одной непрерывной цепи, благодаря непрерывному переходу одной энергии в другую. Отсюда постоянная и непрерывная зависимость одного явления от другого, благодаря ему весь мир представляет собой бесконечную систему взаимодействий, устанавливающую так называемый закон относительности.

«В обширной экономии природы… взаимная зависимость части от части является неизменно установленной. Система вещей от вершины до основания есть непрерывный ряд взаимодействий. Царство согласуется с царством, органическое с неорганическим».

«Действительно, все вступает в жизнь благодаря чему-нибудь другому. Вещество Земли создано из содействующих друг другу атомов; она обязана своим существованием, своим положением и своей устойчивостью содействующим светилам. Растения и животные созданы из содействующих друг другу точек, нации состоят из содействующих друг другу людей. Природа не делает ни одно-

го движения, общество не выполняет ни одной цели, компас не подвигается ни на шаг вперед без зависимости от кооперации; и по мере того как несогласия мира исчезают с ростом знания, наука с возрастающей ясностью раскрывает универсальность ее взаимных соотношений»[20].

В конце концов все силы природы полны взаимодействия и соучаствуют в творении человека и тем самым сливают его с бесконечным началом.

Но и этого еще недостаточно; для уяснения мирового процесса необходимо признать, что живая и мертвая природа подчинены закону эволюции — тому закону, по которому одно развивается из другого и которым обеспечивается поступательный ход всего сущего, всего вообще мирового процесса и в том числе человека как высшего живого существа на земле.

В пояснение величия закона эволюции и его значения даже в моральной сфере приведем здесь слова Г. Друммонда, который говорит: «В обширном поступательном движении природы, в этом зрелище всех вещей, с самого начала движущихся снизу кверху, от неоконченности к завершению, от несовершенства к совершенству, моральная природа признает во всей его высоте и глубине вечное право на самое себя. Цельность, совершенство, любовь всегда составляли требование человека. Но никогда ранее на естественной почве не были они провозглашены голосами столь повелительными или подтверждены санкциями столь великими и рациональными».

С этими предварительными сведениями перейдем к рассмотрению интересующего нас вопроса.

Посмотрим, действительно ли наука бессильна в выяснении вопроса о существовании человеческой личности за пределами ее жизни.

Когда человек умирает, организм разлагается и прекращает свое существование — это факт. Путем разложения сложных белковых и углеводных веществ тело разлагается на более простые вещества. Благодаря этому энер-

гия частью освобождается, частью же вновь связывается, служа основой для произрастания растительного царства, в свою очередь служащего питательным материалом для жизни и, следовательно, условием развития энергии в новых организмах. Таким образом, то, что называется физической стороной организма, то, что обозначают именем тела, распадается, истлевает, но это не значит, что оно уничтожается, оно не тратится, а лишь превращается в другие формы, служа к созданию новых организмов и новых существ, которые путем закона эволюции способны к бесконечным превращениям и совершенствованию. Следовательно, круговорот энергии не прекращается и после смерти организма, содействуя развитию жизни на земле.

Но, спрашивается, что же делается с индивидуальным сознанием человека или, вернее, с его психической деятельностью? Мы приведем здесь слова Мечникова, большого скептика в вопросе о бессмертии человеческой личности. «До нашего рождения, — говорит он, — и столь часто на пути нашей жизни сознание отсутствует, но никогда оно не превращается ни во что другое, нам каким бы то ни было образом ведомое. Даже то видоизменение нашего сознания, которое мы воспринимаем в сновидениях, нам большей частью неприятно, так как оно обусловливается нарушением правильной деятельности мозга. Без последнего же для нас наступает именно ничто, которое, хотя и превращается в природе в нечто, но в столь же отличное от сознания, как наш мозг, нормально функционирующий, отличается от мозга, превращенного в культуру гнилостных бактерий или в содержимое кишечного канала трупных насекомых».

Однако все ли этим сказано в вопросе о дальнейшем бытии или небытии человеческой личности?

Если нервно-психическая деятельность должна быть сведена на энергию, то нужно признать, что закон сохранения энергии, провозглашенный Майером, поддержанный затем Гельмгольцем и теперь являющийся общепри-

знанным, должен получить свое полное применение и по отношению к нервно-психической, или соотносительной деятельности.

Таким образом, энергетизм, на котором основывается и та научная дисциплина, которую мы называем рефлексологией, дает нам возможность не только рассматривать нервно-психическую деятельность человека в ее высших проявлениях с точки зрения строго объективной, как все вообще явления природы, не противополагая притом духа материи, как это делалось и делается еще многими и доныне, но и применить к явлениям нервно-психической деятельности закон сохранения энергии[21].

Этот закон по отношению к данному предмету может быть выражен так: ни одно человеческое действие, ни один шаг, ни одна мысль, выраженная словами или даже простым взглядом, жестом, вообще мимикой, не исчезают бесследно. И это потому, что всякое вообще действие, слово или вообще тот или иной жест или мимическое движение неизбежно сопровождается для самого человека определенными органическими впечатлениями, что в свою очередь должно отразиться в его личности, претворившись в новые формы деятельности в последующий период времени.

Но особые свойства нервно-психической деятельности обусловливают то, что этим «самовлиянием» дело не ограничивается.

Дело в том, что если действие человека, его слово, мимическое движение или жест производятся в присутствии других лиц, способных усваивать все, что они видят и слышат, то ясно, что эти явления, будучи воспринятыми другими, либо претворятся путем непосредственного подражания, внушаемости и усвоения в те или другие формы их нервно-психической деятельности, либо, встретив со стороны их противодействие, вызовут тем самым особую в них реакцию, словом, так или иначе отразятся на их последующей деятельности в окружающем мире.

«Душа наша, как неуловимая жидкость, всюду проникающая, беспрепятственно оказывает свое влияние и на внешний мир в ее животных проявлениях; она, сообразно с этими проявлениями, изменяет ту материальную среду, где они происходят. Присутствие добродетельного человека улучшает окружающие воздух и почву; зло и беззаконие, напротив того, распространяют вокруг физическую заразу»[22].

В конце концов всякий человек представляет собой существо, проявляющее себя в зависимости от тех влияний, которые воздействуют на него со стороны других лиц. Человек является существом, принявшим от рождения известную часть биологического богатства своих предков, а затем получившим путем усвоения при воспитании результаты опыта старших поколений и в том числе моральные приобретения, сделанные ранее другими лицами, находящимися с ним в общении. Вместе с тем он обогащается и собственным жизненным опытом, вырабатывая определенные навыки.

Таким образом, всякий человек обладает известным запасом энергии, заимствованной от предков в силу рождения, и запасом энергии, приобретенной им самим путем воспитания и жизненного опыта, а потому действующие на него внешние влияния оказываются действительными в той мере, в какой мере они в состоянии побудить к активному проявлению или направить в известную сторону приобретенную им ранее запасную энергию. В противном случае действие этих влияний затормаживается.

Тем не менее и в этом случае оно не остается бесследным, а так или иначе проявляет себя хотя бы более или менее скрытым образом или вызывая известную реакцию противодействия. К тому же торможение есть лишь акт временной задержки, а не полное уничтожение явления.

Да может ли и быть иначе. Если нервно-психическая деятельность человека должна быть сведена на энергию, то ясно, что эта энергия, проявляясь в речи, мимике, жес-

тах, действиях и поступках одних людей, путем воздействия этих внешних проявлений, то есть речи, мимики, жестов, действий и поступков на воспринимающие органы других лиц, должна отражаться в свою очередь на речи, жестах, мимике, действиях и поступках этих последних, а это и гарантирует социальную преемственность фактов и событий в исторической жизни народов.

Можно сказать, что ни один вздох и ни одна улыбка не пропадают в мире бесследно. Кто слышал последний вздох умирающего узника в тюрьме, а между тем этот вздох с проклятием на устах воскресает затем на улицах и митингах, в кликах восставшего народа, проклинающего тиранов, гноивших в тюрьмах своих политических врагов. Кто мог заметить улыбку на лице невесты, провожающей своего жениха на войну, а между тем она делает его героем в предстоящем сражении, ибо он уловил ее смысл и не может вернуться домой для новой встречи с ней без победных лавров.

Нервно-психическая деятельность как выражение энергии, заимствуемой человеком по праву рождения от родителей и накопляемой им в течение жизни, благодаря превращению в нервный ток внешних энергий, действующих на воспринимающие органы, и вследствие тех внешних проявлений, которыми она характеризуется, имеет все условия для распространения от одних лиц к другим и для передачи из поколения в поколение.

Отсюда мы имеем основание говорить о том, что «духовная» личность человека, имея самодовлеющую ценность, никогда не исчезает бесследно и таким образом каждая человеческая личность, имеющая в себе опыт предков и свой личный жизненный опыт, не прекращает своего существования вместе с прекращением индивидуальной жизни, а продолжает его в полной мере во всех тех существах, которые с ней хотя бы косвенно соприкасались во время ее жизни, и таким образом живет в них и в потом-

стве как бы разлитой, но зато живет вечно, пока существует вообще жизнь на земле.

Можно сказать, что в течение своей жизни человек, если можно так выразиться, рассеивает свою энергию среди близких и неблизких ему лиц, которые в свою очередь передают приобретенное другим, а те — третьим и так далее до пределов человеческих взаимоотношений, причем в претворенном виде это влияние личности на других, себе подобных, в свою очередь будет воздействовать на саму личность, первоначально давшую толчок к воздействию на других.

В собирательной человеческой личности все взаимно связаны друг с другом, и нет ни одного происшествия, которое не отразилось бы в той или иной мере всюду. Один подвиг вызывает преемственно другой подвиг, и одно преступление влечет за собой другое преступление.

Обращаясь к фигуральному сравнению и принимая во внимание беспредельность взаимоотношений людей вообще, мы должны сказать, что человек в течение своей жизни распространяет свое влияние в большей или меньшей мере на всю собирательную человеческую личность и в свою очередь испытывает на себе влияние со стороны других лиц подобно тому, как плывущий по морю корабль дает начало отходящим от него в разные стороны волнам, которые в конце концов, докатившись до берегов и получив обратное направление, вновь докатываются до того же корабля.

Само собой разумеется, что в отношении своего влияния на других каждая человеческая личность сталкивается с действием распространяющегося влияния целой совокупности других личностей нередко противоположного характера, создающим таким образом род тормоза для распространения влияния одной личности. Но торможение в научном смысле, как уже говорилось раньше, есть лишь задержка, и притом временная, а не полное уничтожение. Следовательно, с устранением задержки при тех

или иных условиях и эта преграда распространению влияния личности на других отпадает.

Таким образом совершается кругообращение энергии от человека к человеку, благодаря чему происходит не всегда уловимое, но постоянное взаимодействие между людьми и даже не между людьми только, но и между людьми и теми существами, с которыми человек вообще обращается в условиях своей жизни. В конце концов взаимовлиянием людей друг на друга создается одна общая духовная личность среды, из совокупности — духовная личность народа, а совокупность народных личностей создает общечеловеческую личность.

Но если постоянное взаимовлияние есть факт непреложный в человеческой жизни, то ясно, что человек, умирая физически, не умирает духовно, а продолжает жить и за гранью телесной формы человеческой личности, ибо все то, в чем эта личность уже проявилась, чем она заявила себя в течение своей жизни, в умах и сердцах людей все это, претворяясь в окружающих людях и в потомках в новые нервно-психические процессы, переходит от человека к человеку, из рода в род, оставаясь вечно двигающим импульсом, побуждающим людей, его воспринявших, к той или иной форме деятельности.

Вот почему так называемая загробная жизнь, то есть жизнь за гранью телесной формы человеческой личности, несомненно существует в форме ли индивидуального бессмертия, как определенного синтеза нервно-психических процессов, проявившегося в данной личности, или в форме бессмертия более общего характера, ибо содержание человеческой личности, распространяясь как особый стимул вширь и вглубь по человеческому обществу, как бы переливаясь в другие существа и передаваясь в нисходящем направлении к будущему человечеству, не имеет конца, пока существует хотя бы одно живое человеческое существо на земле.

В этом отношении учение Востока о переселении душ как бы предвосхитило за много веков воззрение, которое в этом отношении создается на основании строго научных данных.

Мы приходим, таким образом, к идее социального бессмертия всякого вообще человека. Это бессмертие необходимо и неизбежно вытекает из положения о неисчезании энергии во внешнем мире, вследствие чего нервно-психическая деятельность одного человека, как выражение энергии его центров, проявляясь внешним образом в той или иной форме и воспринимаясь всеми окружающими, или посредством особых органов, как своего рода трансформаторов[23], служит импульсом к возбуждению процессов в других существах и, следовательно, дает тем самым толчок к новым их проявлениям во внешнем мире.

Таким образом идет беспрерывная передача энергии от одного лица к другому и от старшего поколения к младшему из века в век, путем того, что в обыденной жизни называется влиянием или взаимовлиянием, и которое обозначают этим именем лишь тогда, когда вышеуказанная передача энергии от этого лица к другому становится более или менее явной и очевидной; между тем в действительности эта передача, хотя и не всегда заметна, но обязательна и неизбежна каждую минуту и даже каждую секунду при общении человека с другими людьми, причем влияние личности продолжается и после ее смерти.

Поэтому прав Надсон, восклицающий в поэтическом вдохновении:

> Не говорите мне: «он умер» — он живет,
> Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает,
> Хоть роза сорвана — она еще цветет,
> Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает.

Из предыдущего ясно, что речь идет не о бессмертии индивидуальной человеческой личности в ее целом, кото-

рая при наступившей смерти прекращает свое существование как личность, как особь, как индивид, как уже говорилось выше, а о социальном бессмертии ввиду неуничтожаемости той нервно-психической энергии, которая составляет основу человеческой личности, или, говоря философским языком, речь идет о бессмертии духа, который в течение всей индивидуальной жизни путем взаимовлияния как бы переходит в тысячи окружающих человеческих личностей, путем же особых культурных приобретений (письмо, печать, телеграф обыкновенный и беспроволочный, телефон, граммофон, те или другие произведения искусства, различные сооружения и проч.) распространяет свое влияние далеко за пределы непосредственных отношений одной личности к другой, и притом не только при одновременности их существования, но и при существовании их в различное время, то есть при отношении старших поколений к младшим. Можно сказать, что личность всеми своими сторонами и индивидуальными особенностями как бы переливается в целый ряд других личностей, с ней сосуществующих и за ней следующих.

Вот почему в той мере, в какой жизнь человечества может считаться вечной, могут и должны считаться вечно преемственными и все вообще проявления человеческой личности. Поэтому понятие о загробной жизни в научном смысле должно быть сведено, в сущности, к понятию о продолжении человеческой личности за пределами ее индивидуальной жизни в форме участия ее в совершенствовании человека вообще и в создании духовной общечеловеческой личности, в которой живет непременно частица каждой отдельной личности, хотя бы уже и ушедшей из настоящего мира, и живет не умирая, а лишь претворяясь в духовной жизни человечества, иначе говоря, бесконечного ряда человеческих личностей.

Нечего говорить, что каждая личность делает тот или иной, то больший, то меньший, то положительный, то отрицательный вклад в общечеловеческую духовную куль-

туру своей деятельностью и своим трудом вообще, производя созидательную или разрушительную работу, и это опять-таки заставляет признать, что личность не уничтожается вместе со смертью, а, выявляясь в течение всей жизни своими различными сторонами, живет и дальше, и живет вечно, как известная частица в творениях общечеловеческой духовной культуры, которая является слагаемой из производительного труда всех вообще отдельных человеческих личностей.

В самом деле, разве творения Праксителя, Фидия, Микеланджело, Рафаэля, Шекспира, Ньютона и других великих и менее крупных мастеров искусства и науки не живут среди нас и разве не оживляются перед нами образы самих творцов этих произведений? «Угасший гений — все же гений, он вечно мощен и велик, над нами власть его творений, и в нас не молкнет их язык». Да, наконец, вся вообще наша духовная культура, это бесценное наследие отцов, разве не представляет собой выражения коллективной деятельности наших предков?

Надо здесь особенно подчеркнуть, что вечное существование человеческой личности мы усматриваем не в ее соучастии в создании собственно материальной культуры народов, ибо эта культура так же тленна, как и человеческое тело, но в прогрессе самой мысли. Здесь припоминается известный стих Державина: «Река времен в своем теченьи уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей». Да, исчезают с лица земли народы, забываются их боги и цари, но достигнутый народами духовный прогресс, который возводит дикаря на степень цивилизованного человека, не исчезает и не утрачивается, а, накопляясь из поколения в поколение, приводит к совершенствованию человеческой личности и тем самым дает дальнейший толчок развивающейся духовной человеческой культуре. Материальные блага гибнут, но духовная культура человека остается, и, если она утрачивает благоприятную почву в месте своего первоначаль-

ного развития, она переходит в другие страны, продолжая здесь развиваться с новой силой. Так, в древнем мире мы видим средоточие духовной культуры на берегах Средиземного моря, сначала в Египте, затем в Греции, после того в Риме, затем в Испании, после чего оно переходит в страны Западной Европы и частью в Америку, затем, быть может, перейдет к Востоку. Но, несмотря на перемещение человеческой культуры в разные эпохи, она не утрачивала ни однажды своей преемственности.

Могут сказать, что когда речь идет о создании духовной человеческой культуры, этого живого духовного общечеловеческого организма, то имена огромного числа предков, несомненно участвовавших в созидании этой культуры, утрачиваются навсегда и в потомстве сохраняются только имена отдельных личностей, счастливо выделившихся в ходе истории человеческой культуры. Но разве в именах дело.

Много ли мы знаем, например, о создателях халдейской культуры или создателях недавно открытой древней культуры американских инков?

А между тем та и другая культура есть, несомненно, факт. Очевидно, и тогда были громкие и прославленные имена, которые затерялись во тьме прошлых веков, а где они ныне?

Что в мире нашем значит слава?
Лишь звук гремящий и пустой,
Она коварная отрава
Средь общей пошлости людской.
Как фимиам благоухает
Пред ликом дивного Творца,
Она ревнивый слух ласкает
Подобно голосу певца;
Но как с дыханьем непогоды
Повянут нежные цветы,
Так под капризом строгой моды
Померкнет слава — дань мечты.

Да нужно ли вообще знать, кто именно были создатели тех или других творений человеческого духа, например «Илиады» или «Слова о полку Игореве»? Так ли уж важно знать, принадлежат ли именно Шекспиру творения, ему приписываемые? «Кто был творец Макбета, Гамлета, Лира? — говорит Гнедич. — Да не все ли равно? Я повторяю слова Твена: „Бэкон ли это был, другой ли кто — актер ли, сын мясоторговца из Стратфорда. Важно то, что до нас дошли изумительные перлы человеческого творчества, перед которыми склоняются писатели всего мира. Все Гомеры, Овидии, Данте, Гюго, Расины, Мольеры, Гете, Шиллеры, Байроны меркнут перед ярким солнцем ослепительного творчества Шекспира“».

В конце концов, «что в имени тебе моем?». Достаточно знать, что эти великие творения, до сих пор действующие обаятельным образом на современного человека, явились в результате синтетической работы большого ума той или иной эпохи, и в этом вся суть.

Я напомню здесь один из эпизодов, бывших во время Великой французской революции, когда дух человека возвышался над обыденной действительностью. Во время работ под крышей одного дома двое рабочих внезапно почувствовали, что доска, на которой они держались, подломилась и им неизбежно грозила гибель. «Кому умирать — одному или обоим?» — мгновенно промелькнуло между ними. Один заявляет, что у него семья и дети, и мгновенно другой товарищ, будучи холостым, бросается вниз и погибает, спасая тем самым жизнь своего товарища-семьянина.

Во время Севастопольской кампании на поле чести остались друг возле друга два раненых врага — один из них был русский, другой француз. Оба страшно страдали от холода. Наутро русский проснулся бодрым и заметил, что он был прикрыт плащом француза, который лежал возле него мертвым.

Во время бывшей русско-японской войны одно русское военное судно, после боя не будучи в состоянии сопротивляться, уже сделалось добычей неприятеля, но в то время, когда его влекло японское судно в плен, два русских моряка, оставшиеся на судне и не замеченные другими, спустились в его трюм и, открыв кингстоны, потопили и себя и судно в пучине моря, спасая тем самым честь Андреевского флага.

Во время гибели «Титаника», сопровождавшейся столькими человеческими жертвами, когда для всех открылась безбрежная могила океана, от гибнущего корабля отчаливает вместе с другими до крайности перегруженная людьми спасательная лодка, среди которых преобладают женщины и дети. Вдруг рулевой заявляет, что всем грозит гибель, если лодка не будет облегчена, и три пассажира-англичанина немедленно выбрасываются за борт и гибнут вслед за тем, спасая тем самым других, оставшихся в лодке.

Имена всех вышеприведенных героев и других, им подобных, остаются неизвестными. Но что ж из этого? Разве от этого в какой-либо мере умаляется значение самих фактов в человеческой жизни, разве эти самые факты будут меньше волновать других своим геройством, оттого что мы не знаем имен самих героев? Разве безвестный герой оставляет меньше следа в нас своим подвигом? Ничуть! Скажу, напротив. Безвестность героя в моих глазах еще больше говорит за безукоризненность самого подвига. В конце концов в общечеловеческом прогрессе имеет значение конечный результат в форме проявленного действия как синтеза всей жизнедеятельности человеческой личности данной эпохи.

Кто полагает, что оставление своего собственного имени в потомстве обеспечивает ему неувядаемую о себе память и, так сказать, вечную жизнь среди последующих поколений, тот глубоко заблуждается, и прежде всего потому, что это по существу неверно, ибо память на имена в

человечестве, вообще говоря, коротка и, во-вторых, потому, что дело не в имени, а в той сознательной деятельности, которую проявила данная личность в течение жизни и которая входит как известная частица в общечеловеческую духовную культуру.

Пусть эта частица окажется крупинкой, крайне малой величиной в эволюции общечеловеческой духовной культуры, но нельзя представить себе, приняв во внимание закон сохранения энергии и понимая нервно-психическую деятельность как проявление этой энергии, чтобы какая бы ни было человеческая личность не вносила самой себя хотя бы в виде малейшей, пусть даже неизмеримо малой частицы, в общечеловеческую духовную культуру. А это и обеспечивает ей вечную жизнь за периодом ее земного существования. Таким образом, нет основания гоняться непременно за большими делами, ибо и малые дела столь же необходимы человечеству, как и большие.

Если та или другая личность в общем ходе эволюции человеческой культуры заявляет себя отрицательно, это, само собой разумеется, большой минус для последней, ибо процесс культуры идет не прямолинейно, а зигзагами и скачками. При этом нельзя забывать, что все отрицательное имеет часто и положительную сторону хотя бы тем, что оно вызывает большую силу протеста и затрату на него энергии со стороны личностей, вносящих положительную струю в духовную общечеловеческую культуру, оттеняя тем самым все положительное, все морально более высокое. Таким образом, отрицательные стороны в деятельности той или другой личности в конце концов только задерживают временно развитие общечеловеческий духовной культуры, не останавливая окончательно ее поступательного хода в истории народов.

Мы ведем, например, войну, и какие бы лозунги ни выдвигались в борьбе народов, как бы ни было ценно отстоять значение права над силой, но несомненно, что сам факт войны противоречит общечеловеческой идее брат-

ства народов, как смертная казнь противоречит идее перевоспитания преступных людей.

Но кончится война, и поверьте, что слова «мир» и «братство», быть может, никогда не прозвучат так пленительно, так искренно для человечества, как непосредственно вслед за войной, особенно если мир заключим на справедливых началах.

Да и сама война выдвигает так много моральных и общечеловеческих вопросов, вопросов, связанных с развитием народоправства в разных странах и в особенности у нас, что имеется немало оснований думать, что эта именно война явится горнилом очищения для человечества за те социальные неустройства, в которых оно жило столько веков.

Известно, с другой стороны, какое отвратительное впечатление вызывает зрелище совершенной казни, и не потому ли, чтобы поддерживать институт смертной казни, этот позор человечества, защитники казни даже вынуждены скрывать выполнение ее от взоров публики.

Но как бы то ни было, личности, которые борются за общие блага человечества, которые руководятся идеями права и гуманности, должны быть признаны настоящими творцами духовной общечеловеческой культуры и, следовательно, вместе с вечной жизнью имеют права и на вечное признание человечества не в смысле только прославления их имени в потомстве, которое в конце концов все равно забудется в течение миллионов лет, а в смысле тех посевов, которые взрастут и останутся навсегда результатом их творческой деятельности в духовной общечеловеческой культуре и приведут к созданию лучшего человека в будущем.

В мире все движется, все течет, мир есть вечное движение, беспрерывное превращение одной формы энергии в другую, так говорит наука. Нет ничего постоянного, одно сменяется другим. Люди рождаются и умирают, возникают и разрушаются царства. Ничего не остается ни

на минуту одинаковым, и человеку лишь кажется, что со смертью он разлагается и исчезает, превращаясь в ничто, и притом исчезает навсегда. Но это неверно. Человек есть деятель и соучастник общего мирового процесса. Нечего говорить, что новый шаг в науке, технике, искусстве и морали остается вечным, как этап нового творческого начала. Но и повседневная деятельность человека не исчезает бесследно.

Представьте себе, что вы побывали в театре. Плоха или хороша виденная вами пьеса, это зависит от самой пьесы, но что она оставила в вас тот или иной след, можно ли в этом сомневаться? Пусть этот след со временем даже забудется, но значит ли это, что он не отразился известным образом на зрителе и не дал своих последствий, что он тем или иным способом не отразился на вашей последующей жизни? Не то ли самое нужно допускать и в жизни? Вы видите деятельность окружающих вас лиц, слышите их беседу, суждения, и вам может показаться, что все это проходит бесследно, исчезает, не вызывая никаких последствий; а между тем может ли быть так с точки зрения неуничтожаемости энергии?

Ведь энергия проявлялась в другом человеке в его поступках, словах, мимике, жестах и других проявлениях, и может ли она исчезнуть бесследно? Конечно, нет. И если мы говорили о вечности наиболее выдающихся творений человеческого ума, то это лишь обозначает, что такие творения остаются вечными сами по себе как таковые, тогда как все остальные проявления человеческой деятельности служат лишь теми или иными импульсами для действий других лиц, но преемственно, передаваясь из поколения в поколение, они также вечны и служат теми агентами, которые с течением времени в ряде поколений проявятся снова в каком-либо новом творении, претендующем на вечность как таковое.

Возьмем продукты человеческого творчества в литературе. Около 300 лет тому назад человечество обога-

тилось неизгладимыми в памяти потомства творениями Сервантеса и Шекспира. Творения эти признаются вечными, ибо в них оказалось то, что живет вечно в человеке, в глубинах его личности. В лице Дон Кихота вы имеете бедного рыцаря, фанатика, близкого к сумасшествию и, может быть, даже немножко сумасшедшего, но в котором проявлялось безграничное служение идеалу. «За свободу и честь человек должен жертвовать жизнью, потому что рабство составляет величайшее земное бедствие», — вот слова Дон Кихота своему оруженосцу Санчо Пансе — слова, которые и олицетворяют это бескорыстное служение идеалу.

В произведениях Шекспира вы имеете такие типы, как король Лир, которого автор переводит из положения счастливого обладателя царской власти и богатства в бедного, лишенного прав изгнанника. Этот переход от счастья к страданию не мог не привести короля Лира к состраданию, ибо счастье заглушает в человеке чувство справедливости и сострадания: «Учись, богач, учись на деле нуждами меньших братьев, горюй их горем и избыток свой им отдавай, чтоб оправдать тем Небо». Наконец, испивший чашу испытаний до дна, король Лир поднимается до ступеней высшей справедливости и высшего служения долгу, когда он восклицает: «Нет в мире виноватых! Нет, я знаю, я заступаюсь за всех!».

И, наконец, Гамлет, вечно сомневающийся во всем и в самом себе, чувствующий себя безвольным, изверившимся во всем, лишним и ненужным человеком. Но Гамлет, признавая свое бессилие и безволие, сознает и величие человеческого духа, когда говорит:

«Велик тот истинно, кто без великой цели не восстает, но бьется за песчинку, когда задета честь».

Это вечная истина, сказанная человечеству в прекрасных образах творческой мысли двумя великими писателями. Но разве эти произведения и сами Сервантес и Шекспир явились как deus ex machina[24]? Разве вся предшест-

вующая творческая деятельность человечества, ведшего неустанную борьбу за идеалы, за честь, за лучшие блага, не подготовили всего того, что дали человечеству эти великие произведения?

И что бы вы ни взяли из того, что признается вечным, вы должны признать, что вечное, в конце концов, есть плод бесконечного ряда предшествующих условий, созданных творческой рукой человека.

В будущем человечества, как в синтезе, должна отражаться вся предшествующая совокупная работа человеческого гения, а следовательно, и морали, ибо будущий человек есть прямой наследник всей предшествовавшей человеческой жизни с ее борьбой за лучшие блага и со всеми ее приобретениями в поступательном ходе человеческой цивилизации.

В этом отношении будущее человечество представит собой действительную картину достигнутого всеми предшествующими поколениями человечества, как бы их духовным наследием, но лишь в форме общего синтеза. В последнем, однако, ни одна новая черточка, ни одно малейшее зернышко, которые внес тот или другой ранее живший человек в сокровищницу общечеловеческой культуры, не останутся бесследными, ибо оно всегда даст свои ростки, которые позднее будут развиваться и расти. Даже лица, не давшие ничего нового своей жизнью, являющиеся как бы подражателями других, уже самим своим существованием, как живые существа, действующие и вступающие в отношения с другими, как своего рода передаточные среды, оставят свой след (хороший или дурной — это другой вопрос), который не может не сказаться на духовном лике будущего человечества, являющегося, как уже сказано, синтезом всего прошедшего и воспроизводящего все приобретения прошлого человеческого опыта в его конечных выводах и следствиях.

Дело в том, что если человеческая личность бессмертна и остается жить в будущем как частица духовной обще-

человеческой культуры, то она же живет и в прошедшем, ибо она есть прямой продукт прошедшего, продукт всего того, что она восприняла из прошлой общечеловеческой культуры путем преемственности и унаследования.

При этом мы понимаем не одну только биологическую наследственность, которая преемственно передает из поколения в поколение внешние формы человеческой личности и ее внутреннюю организацию в смысле биохимических процессов, отражающуюся на человеческом темпераменте и его характере, но и тот процесс, который мы обозначаем именем социальной наследственности и благодаря которому из рода в род передаются все приобретения жизненного опыта предшествующих поколений[25].

В сущности, каждый человек составляет неповторяющуюся единицу бесконечного ряда предшествующих единиц живой силы, преемственно передающихся от одних живых существ другим. Как внешняя форма амебы путем эволюции послужила основанием для развития всех разнообразных и более совершенных форм живой природы, так и первичная раздражительность протоплазмы, лежащая в основе жизни, путем той же эволюции привела к последовательному развитию в животном мире сложнейших сочетательных рефлексов, совокупность которых достигает своего высшего развития в мире человека.

Поэтому и все то, что мы называем подвигом, и все то, что мы называем преступлением, непременно оставляют по себе определенный след в общечеловеческой жизни, который имеет соответствующие ему последствия в преемственном ряде поколений.

Вместе с тем каждый человек, явившийся наследником прошлых поколений, есть деятель, творец и созидатель будущего. Он не имеет права говорить о своем бессилии или бесплодности труда, ибо в нем самом заключается рождение будущего.

С другой стороны, представляются жалкими те люди, которые всегда и везде цепляются за саму жизнь как за па-

нацею счастья, хотя их внутренний голос должен был бы подсказать, что в известных случаях жертвой своей жизни и тяжким страданием они созидают духовную, а следовательно, и моральную основу жизни грядущих поколений. Это не значит, конечно, что человек должен пренебрегать своей жизнью и не беречь ее там, где не только ее лишение, но даже и ущерб здоровью сократил бы или уменьшил бы творчество человеческой индивидуальности. Самоубийство вообще, как самоубийство по индивидуальным мотивам, не может получить никакого оправдания с социально-этической точки зрения, но жертва жизнью за благо человечества в будущем есть высший этический порыв, который дается немногим. Наконец, бессмыслен и страх смерти, столь свойственный многим.

Неизвестность, что будет после смерти и особенно будущим превращением в ничто, является всегдашним источником страха перед нею.

По словам Метерлинка, изложившего свои мысли в «Le Figaro», имеется лишь одна причина страха смерти, это — «боязнь неизвестности, в которую она нас повергает». По его мнению, главное наше желание — это сохранение сознания нашей личности. «Мне совершенно безразлично, говорит себе наше „я“, ограниченное и упорное в своем непонимании, чтобы самые возвышенные, самые свободные и самые прекрасные черты моего духа жили вечной жизнью и светились в вечном блаженстве. Они уже не мои, и я их поэтому не признаю. Смерть перерезала сплетение нервов или воспоминаний, связанных с каким-то страхом, в котором находится точка, дающая ощущение моего целого „я“. Раз они оторваны от меня и блуждают в пространстве и времени, то судьба лучших черт мне так же чужда, как и судьба самых отдаленных звезд».

Однако так ли это? Неужели человек столь эгоистичен вообще, что для него безразлично, что будет последователем его самого, хотя бы это последствие было не он сам, а нечто от него обособленное, подобно, например,

потомству, которое он произвел на свет. Но разве дети, эта плоть от плоти нашей и наследники духовной культуры предшествующих поколений, для нас безразличные существа, и разве их судьба для нас является совершенно чуждой и безразличной?

Путем строгого размышления о роли личности как одного из звеньев бесконечного ряда жизней, преемственно наследующих одна другую в своем внутреннем содержании и во внешней форме, человек должен найти примирение с тем сроком, который уделила ему судьба для исполнения возложенной на него созидательной работы. Ощущаемый страх смерти только и доказывает, что человек рассматривает самого себя как нечто самодовлеющее и обособленное от всего мира, которое будто бы утрачивает свое бытие вместе со смертью, что, как мы видели, неправильно по существу.

По словам Мечникова: «Высокое умственное развитие обусловило сознание неизбежности смерти, а животная природа сократила жизнь вследствие хронического отравления ядами, вырабатываемыми бактериями кишечной флоры. Эта основная дисгармония человеческой природы может быть устранена правилами рациональной гигиены, чем дается возможность человеку прожить полный и счастливый цикл жизни, заканчивающийся спокойной естественной смертью. Это и есть так называемый ортобиоз[26], на который можно смотреть как на цель рационального человеческого существования».

Не отрицая ортобиоза как жизни по правилам гигиены, обещающей после 120—150 лет привести к естественной физиологической старости, можно ли, однако, на ортобиоз смотреть как на цель рационального человеческого существования?

Ведь это значило бы сказать, что трудолюбивая, умеренная и долгая жизнь по правилам гигиены есть цель, к которой должны стремиться как к конечному идеалу. Но разве мы не знаем тысячи примеров, когда люди, прожив-

шие короткий век, оставили после себя духовное наследство, которое несравненно по ценности с тем, что оставляют люди, живущие долгий век?

А если это так, то ортобиоз, или жизнь по правилам гигиены, составляет не цель, а лишь одно из средств для осуществления лучших моральных идеалов, ибо она дает возможность беспрерывного умственного и морального самоусовершенствования, для которого телесное благосостояние является лишь одним из благоприятных условий, ничуть не более. Но помимо всего сказанного человек, доживающий до естественного конца по правилам ортобиоза, разве тем самым неизбежно освобождается от страха смерти, разве его сознание неизвестности за порогом жизни просветляется от «долготы дней»? Ведь все в этом отношении остается прежним, разве только дряхлость будет настолько тяготить, что возникает сама собой потребность «вечного покоя», или же сознание будет угашено под влиянием старости как у человека, уже умственно ослабевшего. Если это имел в виду Мечников, говоря о своем ортобиозе, то я бы спросил, будет ли в общем даже для общечеловеческой культуры полезно не только в материальном, но и в моральном отношении, обременение всего человечества людьми дряхлыми, слабосильными, вообще немощными и с притупленной умственной деятельностью — этим печальным свойством глубокой старости, которую ведь ортобиоз не устраняет, устраняя лишь преждевременную дряхлость.

По нашим взглядам, человек, умирающий в предназначенный ему судьбой срок, безразлично, преждевременной ли будет его смерть или он воспользовался полным сроком своей жизни, расставаясь с ней и переходя в вечный сон без сновидений, составляющий, по словам Метерлинка, истинное благо в течение всей жизни человека, должен не страшиться самой смерти, как вечного сна, а лишь жалеть о том, что он не все совершил, что мог сделать для общего блага, и утешаться мыслью о сде-

ланном. Но именно и нужно, чтоб было чем утешаться перед расставанием с жизнью. А у многих ли есть это утешение общеполезности проведенной жизни, что не может не нарушать спокойствия духа перед наступающей смертью? Те, кто умирает при сознании, что они служили правому делу, смерти не боятся. Вспомните смерть первых христиан, переносивших страшные муки со славословием Божества на устах. Вспомните смерть Гуса с молитвой на костре. А разве мало приявших смерть как высшую дань своему долгу из тех, которые умерли за свою родину, а равно и из тех, кого судьба сделала жертвой за свои политические убеждения?

Разве это не примеры живой моральной силы, победы духа над плотью? Что, в самом деле, может быть выше и, скажу даже, завиднее того, когда даже лютая смерть не только не перестает быть страшной, но радостна, как жертва на благо человечества в его настоящем и будущем…

Друг, не страшись, что смерть настанет
И сердцу биться вновь не даст,
Что твой потухший взор не взглянет
На все, что гений вновь создаст.

Поверь, мой друг, кругом все тленно,
Чем жив и славен Божий свет,
Твоя душа лишь будет ценна,
Когда оставит добрый след.

Дабы не меркли идеалы
От века суждено судьбой,
Чтоб старость дряхлую сменяла
Улыбка жизни молодой.

Твои дела, твои сомненья
В младые души западут,
В них закипят опять волненья,
Чем сердце к подвигам зажгут.

И вот я скажу, чтобы побороть страх смерти, нужно жить так, чтобы оставалось сознание не бесплодно прожитой жизни, и нужно быть в постоянной готовности умереть.

Мы погрязаем в мелочах своей жизни так, что забываем о вечном институте смерти и только вспоминаем о нем, когда смерть постигает друга, когда по улице двигается погребальный кортеж, и даже в эти моменты мы не всегда думаем о том часе, который неизбежно наступит для нас самих. А между тем об этом именно часе и следовало бы вспоминать почаще, но не для того, чтобы горевать и плакаться, а для того, чтобы бодрить себя к деятельности, побуждать к мысли о связи нашей личности со всем человечеством и со всем вообще миром с беспредельным его движением и беспредельным совершенствованием, частицу которого мы осуществляем.

Можно ли, однако, говорить о вечной жизни, если наша планета имеет, в конце концов, ограниченное существование, хотя бы от медленного, но постоянного охлаждения солнца? Но если заходить так далеко, то надо признать, что так как границ совершенствования человеческой личности не существует, то вполне допустимо в будущем общение человечества с другими планетными мирами Вселенной, тем более что задача о межпланетном общении поставлена уже ныне некоторыми из астрономов.

А что жизнь существует не на одной Земле, а и на других планетах, где имеются условия, приблизительно сходные с земными, можно ли в том сомневаться? Ведь мировые законы одни и те же как для Земли, так и для других планет, и если на Земле в отдаленное от нас время возникла жизнь в силу общих мировых законов, то она также должна была возникнуть и на других, сходных по внешним условиям планетах. С другой стороны, так как силы природы безграничны, а силы человеческого ума, являющегося отражением мировой энергии, неиссякаемы, то и надо признать, что задача межпланетных сигнализаций

между существами, их населяющими, не может быть признана неразрешимой в течение грядущих веков. А вместе с этим устранится и ограничение будущей жизни человечества условиями существования земной планеты — этой песчинки, кружащейся вокруг своего Солнца, ибо тогда будет установлена преемственность духовной культуры живых существ, населяющих различные планеты беспредельного мирового пространства.

С понятием о вечной жизни человеческой личности в духовной жизни всего человечества необходимо связывается, как мы видели, и вопрос о нравственной ответственности отдельной личности, о чем была речь уже выше, но вопрос сам по себе так важен, что мы считаем необходимым к нему вернуться вновь.

В самом деле, представим себе, что человек умирает, причем вместе со смертью утрачивается и духовная его сторона вполне и навсегда. Представим себе, что мы имеем при этом дело с атеистом, который совершенно исключает веру в загробную жизнь в смысле христианского учения. На что он может опираться в своих действиях и поступках, что он может мыслить о себе, о своем существовании, о смысле жизни? Чем будет оправдываться добродетель, чувство долга, подвиг? На чем будет основываться человеческая совесть, и, наконец, возможна ли при таких условиях даже общечеловеческая духовная культура, ибо она предполагает духовный прогресс или совершенствование духовной личности человечества, а как оно возможно при полной духовной смерти отдельных личностей?

Если «я» не существую после себя, если меня нет в будущем, как нет и в прошлом, что же тогда мной будет руководить? Какие идеалы возымеют перевес — личные или общечеловеческие, и что может меня соблазнять в пользу общечеловеческих идеалов? Благодарная память потомства? Но ведь она недолговечна. О доисторической жизни народов мы уже мало что знаем. Да и память в потомстве суживается с течением времени до личностей наибо-

лее сильных, гениальных, оставивших особенно крупный по себе след. А много ли таких, которые не только могут считаться гениями, но хотя бы уподоблялись им, и что остается мыслить остальным, которые относят себя к категории обыкновенных смертных? Такие лица или вовсе не мирятся с жизнью и тогда прекращают свою жизнь самоубийством, или же, не осмысливая цели жизни, мирятся с идеей бренности своего существования, бессмысленности общечеловеческих идеалов, бесцельности труда на общую пользу и успокаиваются на мысли «живи, пока живется», а как — в свою ли утробу или на пользу других — для них этого вопроса даже не существует.

Между тем развиваемая выше точка зрения исключает подобную доктрину, выдвигая и вопрос о моральной ответственности каждой отдельной личности перед потомством, точнее говоря, перед всем человечеством.

Ответственность за свои поступки и действия является совершенно естественной, если каждый поступок, каждый шаг, каждое слово, каждый жест, каждое мимическое движение и даже каждый произнесенный человеком звук не остаются бесследными, а так или иначе отражаются в других, претворяясь здесь в новые формы воздействия на внешний мир и передаваясь путем социальной преемственности будущим поколениям человечества.

А если это так, то для всякой человеческой личности возникает и необходимость нравственного совершенствования в течение жизни. Необходимо, чтоб каждая личность, благодаря тому запасу энергии, который она приобретает как со своим рождением, так и в течение своей жизни путем трансформирования энергий окружающей природы, возможно полнее участвовала в общей созидательной работе над развитием духовной культуры человечества и вносила бы всю силу своей творческой деятельности в окружающий мир. Это есть моральная обязанность каждой вообще личности, вытекающая из всего

строя посылок, который был передан нами в предыдущем изложении.

Жизнь, как и весь мир, не есть покой, а беспрерывное движение и деятельность.

Труд, связанный с затратой энергии, есть физиологическая необходимость для человека. Но труд сам по себе, как всякая деятельность, встречающая на пути своем те или другие препятствия, приводит человека к совершенствованию, которое продолжается от самого младенчества до прекращения человеческой жизни, если в нем не будет преждевременно убита склонность к труду, а следовательно, и к совершенствованию, тем или другим болезненным недугом. Нельзя забывать, что противодействия, встречаемые на пути той или иной деятельности, не препятствуют вполне совершенствованию, они только его задерживают на то или другое время, но в то же время усиливают энергию к преодолению препятствий.

Однако взаимное соперничество не может быть ни целью жизни, ни даже одним только средством совершенствования, ибо уже и в биологии наряду с естественным отбором, основанным на борьбе, действует везде и всюду, как я доказываю, так называемый социальный отбор, причем если первый, то есть естественный отбор лежит в основе биологического прогресса, то второй, то есть социальный отбор, основанный на сотрудничестве и разделе труда, лежит главнейшим образом в основе социального прогресса[27].

Из предыдущего ясно, что человек не только способен к совершенствованию, но он и не может не совершенствоваться, находясь в условиях окружающей его среды, и потому совершенствование его идет то скорее, то медленнее, но безостановочно всю жизнь до ее предела. Каждый миг его жизни есть только ступень для поднятия вверх к высшим формам проявления индивидуальности — вот основной закон нормального развития человеческой жизни. Но человек в то же время существо социальное, и без

социальности нельзя представить себе совершенствующейся человеческой личности. Вот почему совершенствование одного не только не должно мешать совершенствованию других, а даже содействовать тому, иначе и собственное совершенствование оказывалось бы социальным ущербом, а не совершенствованием.

Таким образом, мы можем сказать, что жизнь, согласованная с социальностью, есть совершенствование, а следовательно, и добро.

Но жизнь есть неизбежное и неустранимое явление в мировом процессе, являющееся результатом определенного сочетания энергий. При этом никакие вообще планетные катаклизмы не могут прекратить окончательно жизни в мировом пространстве, ибо, исчезнув на одной планете, она воскресает на другой планете при соответствующих условиях и опять развивается по установленным законам естественного и социального отбора[28], приводя к физическому и моральному совершенствованию живых существ. Отсюда должно быть ясно, что стремление к добру существует вечно, как вечна и сама жизнь.

И прав поэт К. Р., воспев любовь как вечное животворящее начало:

Пусть говорят, как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь, —
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,
Угаснут в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возженный,
Пребудет в вечности веков.

В заключение заметим, что закон эволюции заставляет нас искать первоначальные корни современной человеческой жизни не только в доисторической эпохе, относящейся к первоначальному периоду существования челове-

ка, но в период первоначального развития органической жизни на Земле, в первом зачатке появившейся на земном шаре живой материи. Так как, с другой стороны, последняя является сложным продуктом энергии, то начало человеческой жизни, а следовательно, и духа должно искать в той самой мировой энергии, которая служит началом всего видимого и невидимого мира.

Эту истину инстинктивно признавали уже древние народы, поклоняясь солнцу и свету, то есть той энергии, которая является живительным началом для нашей планеты. Современная научная мысль идет в том же направлении, но она устремляет свой взор дальше воззрений мудрецов древности, видя не в солнце только, этом живительном светиле нашей планеты, начало всех начал, а в той мировой энергии, которая служит основой мироздания и началом всего сущего, в том числе и самого солнца.

Но и в видимом нами мире, доступном нашему уму, нет ничего абсолютного, ибо существа мира мы не знаем, а постигаем только отношения в нем и разные их формы. Энергии, какие мы знаем, также не представляют сами по себе чего-нибудь абсолютного, форма энергии — это принятие, выражающее количественное отношение видимых и осязаемых вещей, но существа самой энергии мы все же не знаем. Оно для нас непостижимо. Тем не менее мы знаем, что мировая энергия в конце концов дает начало высоким моральным достижениям человеческой личности. Когда вся она отдается на бескорыстное служение другим и в особенности всему человечеству до самозабвения, до уничтожения своих личных интересов, мы признаем ее достойной обожествления ввиду приближения ее к высшему моральному идеалу, именуемому Богом.

Наивное религиозное воззрение непременно представляет себе Бога в человеческом образе. Но ведь это есть антропоморфизм, недопустимый с логической точки зрения. Какое основание именно представлять Бога в человеческом образе? Не только не необходимо, чтобы

Бог — духовное начало — уподоблялся физическому образу человека, каковым его рисует человеческое воображение, но и должно быть логически исключаемо.

Правда, человек, согласно религиозному воззрению, создан «по образу и подобию» божества, и это не противоречит научному воззрению, ибо иначе не было бы никакого соотношения между человеком и высшим добром или богом, и человек перестал бы искать Бога. Но соотношение здесь предполагается духовное, то есть которое в человеке может быть признано проявлением высшего духовного начала, идущего в соответствии с социальностью. А если это так, то ни о каком совпадении внешних форм человека и божества не может быть и речи. В конце концов и христианское учение, олицетворяя в образе Христа Богочеловека, признает в нем божественной не физическую природу, а его духовную сторону, иначе говоря, его учение, полное высших и недосягаемых моральных ценностей, и его деятельность как действенное их осуществление и лучшее отражение мировой энергии.

С совершенствованием человеческой личности связан и тот божественный принцип, который обеспечивает существование добра на земле, проникающего жизнь в различных ее проявлениях и являющегося в высших своих формах венцом мирового прогресса. Вот почему можно не только верить и питать надежду, но и высказать убеждение, что мировой процесс, двигаясь по тому же пути, приведет в конце концов путем прогенерации человеческого рода к созданию того высшего в нравственном смысле человеческого существа — назовем его прогенеративом, — которое осуществит на земле царство любви и добра. Это случится через много веков, но случится непременно, ибо законы, управляющие жизнью вообще и жизнью человека в частности, столь же непреложны, как и законы, управляющие движением небесных светил.

А так как идеалы всегда предвосхищают будущее, то мы, руководясь этими идеалами и сами являясь носите-

лями мировой энергии, будем стремиться к тому, чтобы все в нашей жизни было проникнуто божественным духом, следовательно, все общечеловеческое, гуманное и жертвенное нашло возможно полное отражение в нашем собственном существе и тем самым служило бы созданию лучшего человека в будущем. К созданию этого лучшего, то есть морально более высокого человека — будущего человеческого прогенератива и должны быть направлены все наши усилия, сущность которых должна заключаться в непрерывном совершенствовании своей собственной личности в соответствии с интересами общечеловеческого коллектива и одновременно в совершенствовании общественных форм человеческой жизни.

1918

Внушение и его роль в общественной жизни

Предисловие

Термин «внушение», заимствованный из обыденной жизни и введенный первоначально в круг врачебной специальности под видом гипнотического или послегипнотического внушения, в настоящее время вместе с более близким изучением предмета получил более широкое значение. Дело в том, что действие внушения ничуть не связывается обязательным образом с особым состоянием душевной деятельности, известным под названием гипноза, как то доказывают случаи осуществления внушения, производимого в бодрственном состоянии. Более того — внушение, понимаемое в широком смысле слова, является одним из способов воздействия одного лица на другое даже при обыденных условиях жизни.

Ввиду этого внушение служит важным фактором нашей общественной жизни и должно быть предметом изучения не одних только врачей, но и всех вообще лиц, изучающих условия общественной жизни и законы ее проявления. Здесь во всяком случае открывается одна из важных страниц общественной психологии, которая представляет собою обширное и мало еще разработанное поле научных исследований.

Настоящее сочинение в первом своем издании представляло собою речь, произнесенную в актовом собрании Военно-медицинской академии в декабре 1897 года, и потому было ограничено определенными размерами. Но интерес и важность затронутой темы побудили автора существенно расширить рамки своего труда, вследствие чего

это второе издание выходит значительно пополненным против первого и уже не в форме речи.

Не претендуя и в настоящем издании на желательную полноту изложения затрагиваемого предмета, автор полагает, что уже правильное его освещение может быть небесполезным для лиц, интересующихся ролью внушения в общественной жизни.

В. Бехтерев

Различные взгляды на природу внушения

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве «живого контагия» (contagium vivum) или так называемых микробов, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о «психическом контагии» (contagium psychicum), приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и не видимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются чрез слова, жесты и движения окружающих лиц, чрез книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни находились, в окружающем нас обществе мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

Вот почему мне представляется не только своевременным, но и небезынтересным остановиться на внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни, факторе, полном глубокого значения, как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов.

Правда, этот вопрос еще не в достаточной мере освещен наукой, и потому я не могу скрыть опасения, что в кратком изложении вряд ли мне удастся дать полное представление о затрагиваемом здесь предмете; но такова уж природа человеческой мысли: пока вопрос недостаточ-

но изучен, он представляет живой интерес для всех и каждого, но как только тот же самый вопрос рассмотрен всесторонне в науке и сделался достоянием обширного круга лиц, он уже значительно утрачивает долю своего интереса. Руководясь этим, я полагаю, что не заслужу со стороны читателя большого упрека, если я остановлю его внимание на вопросе о так называемом внушении и психической заразе.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себе внушение?

Вопрос о природе внушения есть один из важнейших вопросов психологии, получивший в последнее время огромное практическое значение, благодаря в особенности изучению гипнотизма, хотя теперь твердо установлено, что внушение вообще является актом гораздо более широким, нежели собственно гипнотическое внушение, так как оно проявляется и в бодрственном состоянии и притом в жизни наблюдается везде и всюду, то есть при весьма различных условиях.

Несмотря, однако, на огромную практическую важность внушения, его психологическая природа до сих пор представляется еще крайне мало изученной.

Еще недавно этот термин не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно научное значение вместе с расширением наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными.

Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области

внушения, а потому прежде всего мы должны подумать об определении и точном ограничении этого термина.

Нужно заметить, что уже многие авторы давали этому термину то или другое определение. Если мы обратимся к литературе предмета, то мы встретимся с самыми разнообразными определениями внушения.

По определению д-ра Лефевра, явления внушения и самовнушения состоят в ассимиляции мыслей превращении в движения, в ощущения или в акты задержки[29].

Льебо под внушением признает вызывание словом или жестами в гипнотике представления, следствием которого возникает то или иное физическое или психическое явление.

По Бернхейму, внушение есть такое воздействие, при посредстве которого вводится в мозг представление, которое им и принимается.

Лоуэнфельд под внушением понимает представление психического или психофизического характера, которое своим осуществлением проявляет необыкновенное действие,, вообще каких-либо идей, допущенных им без мотива и случайно и в их быстром вследствие ограничения или прекращения ассоциационной деятельности[30].

Тот же автор в своей книге приводит и целый ряд определений внушения, сделанных другими авторами. Из этих определений мы приведем лишь наиболее существенные.

Форел под внушением понимает вызывание такого динамического изменения нервной системы, когда возникает представление, что это изменение наступило, наступает или наступит.

Молл дает сходственное этому определение: по нему, внушением называется тот случай, когда результат обусловливается тем, что вызывают представление о его наступлении.

По Вундту, внушение есть ассоциация с сопутствующим ей сужением сознания по отношению к представле-

ниям, которые, возникая, не дают проявиться противоположным ассоциациям.

По Шренк-Нотцингу, внушение выражается ограничением ассоциаций в отношении определенного содержания сознания.

Винсент говорит, что «под внушением мы понимаем обыкновенно совет или приказание; в состоянии же гипноза внушение есть произведенное на психику впечатление, которое вызывает за собою непосредственное приспособление мозга и всего, от него зависящего».

По Хиршлаффу, под внушением следует понимать со стороны гипнотизирующего утверждение, не мотивированное и не соответствующее действительности, со стороны же гипнотизируемого — реализацию этого утверждения[31].

Если предыдущие определения представляются более или менее односторонними, противоречивыми и неточными, то последнее определение представляется крайне узким. Лоуэнфельд справедливо восстает против него, так как согласно этому определению пришлось бы исключить не только все терапевтические внушения, которые по Хиршлаффу должны быть рассматриваемы не как внушения, а как советы, надежды и пр., но также должен быть исключен из области внушения и целый разряд явлений, известный под названием противовнушений, так как они стоят в соответствии с действительностью. Да и сколько неопределенного в самом понятии «несоответствующий действительности». Например, дается спящему внушение: проснувшись, взять со стола папироску и закурить, и он беспрекословно выполняет это внушение. Спрашивается, много ли тут несоответствующего действительности? А между тем бесспорно, что мы здесь также имеем дело с внушением, как и в других случаях.

Приведение других определений здесь излишне и бесполезно, так как и вышеизложенного вполне достаточно,

чтобы видеть, как много путаницы, неясного и неопределенного вводится в понятие о внушении.

Очень характеристично по этому поводу начинает свою книгу Б. Сидис[32]. «Психологи употребляют термин „внушение“ так беспорядочно, что читатель часто не уясняет себе его настоящего значения. Иногда этим названием пользуются для означения тех случаев, когда одна идея ведет за собою другую, и таким образом отождествляют внушение с ассоциацией. Некоторые настолько расширяют область внушения, что включают в нее всякое влияние человека на своих собратий. Другие суживают внушение и внушаемость до простых симптомов истерического невроза. Так поступают сторонники Сальпетриерской школы. Нансийская же школа называет внушением причину, вызывающую то особое состояние духа, при котором явление внушаемости чрезвычайно выступает вперед».

Само собою разумеется, что столь неясное положение вопроса о внушении приводит, по Б. Сидису, к большой путанице в психологических исследованиях, относящихся до внушения, о чем мы уже и говорили выше. Сам Б. Сидис, поясняя внушение на нескольких примерах, останавливается между прочим на определении Больдвина, по которому «под внушением понимается большой класс явлений, типическим представителем которых служит внезапное вторжение в сознание извне идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать мышечные и волевые усилия — свои обычные последствия». Б. Сидис считает, однако, его недостаточным; он находит во внушении еще другие важные черты, которые состоят в том, что внушение воспринимается субъектом *без критики* и выполняется им почти *автоматически.*

Но независимо от того, по Б. Сидису, во внушении имеется еще элемент, без которого определение является неполным. «Этот элемент или фактор составляет преодоление, или обход противодействия субъекта. Внушенная идея насильно вводится в поток сознания, она нечто

чуждое, нежеланный гость, паразит, от которого сознание субъекта стремится избавиться. Поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость равновесия. Этот элемент противодействия имеет в виду д-р И. Гроссман, определяя внушение как „процесс, в котором какое-нибудь представление пытается навязаться мозгу“».

В конце концов Б. Сидис останавливается на таком определении внушения: «Под внушением понимается вторжение в ум какой-либо идеи; встреченная большим или меньшим сопротивлением личности, она наконец принимается без критики и выполняется без осуждения, почти автоматично»[33].

Определение это, выраженное в такой форме, стоит довольно близко к сделанному мною ранее определению внушения, еще в первом издании настоящей брошюры, но все же, благодаря некоторым вводным указаниям, оно не может быть признано вполне достаточным[34]. Прежде всего далеко не всегда внушение встречается тем или другим сопротивлением со стороны личности внушаемого лица. Это наблюдается чаще всего в тех гипнотических внушениях, которые касаются нравственной сферы внушаемого лица или же противоречат установившимся отношениям данного лица к тем явлениям, которые служат предметом внушения; в большинстве же других случаев внушение входит в психическую сферу без всякого сопротивления со стороны внушаемого лица, нередко оно проникает в его психическую сферу совершенно незаметно для него самого, не смотря даже на то, что действует в бодрственном состоянии.

Что это так, доказывает пример, заимствованный из книги Охоровича «О мысленном внушении», приводимый самим Б. Сидисом:

«Мой друг П., человек столь же рассеянный, сколь и остроумный, играл в шахматы в соседней комнате, а мы остальные разговаривали около двери. Я заметил, что

мой друг, когда совсем погружался в игру, имел обыкновение насвистывать арию из „Madame Angot“. Я уже собрался ему в аккомпанемент отбивать ритм на столе; но в этот раз от стал насвистывать марш из „Пророка“.

Послушайте, сказал я товарищам, мы сделаем с П. штуку: мы прикажем ему (мысленно) перейти с „Пророка“ на „La fille de madame Angot“.

Сначала я стал отбивать марш, потом, воспользовавшись несколькими нотами, общими обеим пьесам, немедленно перешел на более быстрый темп любимой арии моего приятеля. П. со своей стороны внезапно переменил мотив и начал насвистывать „Madame Angot“. Все рассмеялись. Мой друг был слишком занят шахом королевы, чтобы заметить что-нибудь. Начнем опять, сказал я, и вернемся к „Пророку“. Немедленно мы опять услыхали замечательную фугу Мейербера. Все, что мой друг знал, было только то, что он что-то насвистывал».

Нет надобности пояснять, что здесь не было мысленного внушения, а было внушение слуховое, которое проникало в психическую сферу совершенно незаметно для внушаемого лица и без всякого с его стороны сопротивления.

То же самое мы имеем и в других случаях. Возьмем еще примеры из Б. Сидиса:

«У меня в руках газета, и я начинаю ее свертывать; вскоре я замечаю, что мой друг, сидящий против меня, свернул свою таким же образом. Мы говорим, что это случай внушения»[35].

Мы можем привести и много других аналогичных примеров, где внушение входит в психическую сферу незаметно для самого лица и без всякой борьбы и сопротивления с его стороны.

Вообще можно сказать, что внушение по крайней мере в бодрственном состоянии гораздо чаще проникает в психическую сферу именно таким незаметным образом и во всяком случае без особой борьбы и сопротивления со сто-

роны внушаемого лица. В этом и заключается общественная сила внушения. Возьмем еще пример из того же Б. Сидиса:

«Среди улицы на площади, на тротуаре останавливается торговец и начинает изливать целые потоки болтовни, льстя публике и восхваляя свой товар. Любопытство прохожих возбуждено: они останавливаются. Скоро наш герой становится центром толпы, которая тупо глазеет на „чудесные“ предметы, выставленные ей на удивление. Еще несколько минут — и толпа начинает покупать вещи, про которые торговец внушает, что они „прекрасные, дешевые“».

«Уличный оратор взлезает на полено или на повозку и начинает разглагольствовать перед толпой. Грубейшим образом он прославляет великий ум и честность народа, доблесть граждан, ловко заявляя своим слушателям, что с такими дарованиями они должны ясно видеть, как зависит процветание страны от той политики, которую он одобряет, от той партии, доблестным поборником которой он состоит. Его доказательства нелепы, его мотивы презренны, и однако он обыкновенно увлекает за собой массу, если только не подвернется другой оратор и не увлечет в другом направлении. Речь Антония в „Юлии Цезаре“ представляет превосходный пример внушения».

Очевидно, что во всех этих случаях действие внушения не осуществилось бы, как скоро было бы *замечено* всеми, что торговец не в меру расхваливает свои товары, что уличный оратор преувеличивает значение своей партии, вздорным образом восхваляя ее заслуги. По крайней мере, все, для которых ясны вздорность и лживость уверений, в таких случаях тотчас же отходят в сторону от таких ораторов, вокруг которых остается только доверчивая толпа слушателей, мало понимающая в деле, не замечающая ни грубой лести, ни лживых заявлений и потому легко поддающаяся внушению.

Итак, в действии последнего, по крайней мере в приведенных случаях, нет ничего «насильственного», нет ничего такого, что должно быть «преодолеваемо», наконец, нет и ничего такого, от чего «сознание субъекта стремится избавиться».

Все происходит самым обычным, естественным порядком, и однако это есть настоящее внушение, которое вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия.

Нет, конечно, надобности доказывать, что в отдельных случаях внушение действительно встречает сопротивление со стороны внушаемого лица, и тем не менее оно проникает в сознание, как паразит, после известной борьбы, почти насильственным способом.

Один из прекрасных поэтических примеров внушения, проникающего в сознание после известной борьбы, представляет внушение со стороны Яго, направленное на Отелло, который встречает это внушение первоначально некоторым сопротивлением, но затем постепенно поддается ему, когда «яд ревности» начинает совершать в душе Отелло свою губительную работу. Точно так же и некоторые из внушений, производимых в гипнозе, иногда встречаются известным противодействием со стороны внушаемого лица. Особенно часто это случается с лицами, которым внушают произвести поступок, противоречащий их наиболее сокровенным нравственным убеждениям. Как известно, некоторые из французских авторов по степени сопротивления лица, которому производятся внушения, противоречащие общепринятым нравственным понятиям, находили возможным даже определять нравственность данного субъекта.

Очевидно, что даже в гипнозе личность не вполне устраняется, она только потухает в известной мере и, встречая внушение, противное убеждению, противодействует ему в той или другой мере.

Тем не менее ничего обязательного и даже характерного для внушения в противодействии со стороны внушаемого лица мы не имеем, так как множество внушений вступает в психическую сферу без малейшего сопротивления со стороны внушаемого лица. Одному лицу, находящемуся в бодрственном состоянии, я говорю, что у него начинает стягивать руку в кулак, что всю его руку охватывает судорога и ее притягивает к плечу, и это внушение тотчас же осуществляется. Другому я говорю, что он не может брать рукой окружающих предметов, что она у него парализована, и оказывается, что с этих пор на самом деле он не употребляет руки, и все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владеют своей рукой. Ни в том, ни в другом случае, как и во многих других, нет и тени сопротивления.

Поэтому мы не можем согласиться с Б. Сидисом, когда он говорит, что черта сопротивления есть *основная* часть внушения или что поток сознания индивидуума борется с внушаемыми идеями, как организм с бактериями, стремящимися разрушить устойчивость. В этой борьбе и в сопротивлении для внушения нет никакой необходимости, вследствие чего сопротивление личности не может и не должно входить в определение внушения. Нельзя также думать, что внушение не допускает критики.

Сопротивление внушению, где оно имеется, ведь и основано на критике, на уяснении внутреннего противоречия внушаемого с убеждениями данного лица, на несогласии с ним его «я», когда это «я» не вполне исключено. Иначе ведь не было бы и сопротивления. Отсюда очевидно, что внушение в известных случаях не исключает даже критики, не переставая быть в то же время внушением. Это обычно замечается в слабых степенях гипноза, когда личность, или «я», не будучи вполне устраненным, относится еще с критикой ко всему окружающему и в том числе к внушению.

Одному лицу я внушаю в гипнозе, что по пробуждении он должен взять со стола фотографическую карточку, которую он увидит. Когда он проснулся, он почти тотчас же осматривает поверхность стола и останавливает свой взор на определенном месте. «Вы что-нибудь видите?» — спрашиваю я. «Вижу карточку». Я прощаюсь с ним, намереваясь уйти; но он все еще обращает свой взор на стол. «Не нужно ли вам что-нибудь сделать?» — спрашиваю я. «Мне хотелось взять эту карточку, но мне ее не надо!» — отвечает он и уходит, не выполнив внушения и, очевидно, борясь с ним.

Очень хороший пример мы находим также у Б. Сидиса. Человеку, находящемуся в слабой степени гипноза, делается внушение, что он, услышав стук, возьмет сигаретку и зажжет ее. «Пробудившись, он помнил все. Я быстро стукнул несколько раз. Он встал со стула, но сейчас же сел опять и, смеясь, воскликнул: „Нет, я не стану этого делать!“. „Что делать?“ — спросил я. „Зажечь сигаретку, это бессмыслица!!!“ — „А вам очень хотелось это сделать?“ — спросил я, представляя желание прошедшим, хотя было ясно, что он теперь с ним борется. Он не ответил. Я снова спросил: „Вы очень желали это сделать?“. „Не очень“, — ответил он кротко и уклончиво».

Таким образом, «принятие без критики внушенных идей и действия» также не составляет безусловной необходимости для внушения, хотя и бесспорно, что большинство внушений входит в психическую сферу, как о том говорилось ранее, без всякого сопротивления.

Равным образом полного автоматизма мы не находим и в осуществлении внушения. Известно, как часто мы встречаем даже у лиц, погруженных в гипноз, что внушение осуществляется не без некоторой борьбы. То же мы наблюдаем и в случаях послегипнотического внушения. Иногда эта борьба кончается тем, что внушение, бывшее на пути к осуществлению, в конце концов остается неосуществленным вовсе, как это было в только что приведен-

ном примере. Правда, это противодействие бывает различно, смотря по силе внушения, по его характеру, по тем или другим внешним условиям, тем не менее оно возможно и во многих случаях существует. Следовательно, двигательный автоматизм далеко не может считаться неотъемлемой принадлежностью внушения.

Итак, внушение входит часто в психическую сферу незаметно, без всякого насилия, иногда вызывает борьбу со стороны личности внушаемого субъекта, подвергается с его стороны даже критике и выполняется, хотя и насильственно, но далеко не всегда автоматично.

Надо, впрочем, заметить, что в иных случаях внушение действительно входит в психическую сферу как бы насильственным образом и, будучи принято без всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполне автоматически.

Примером таких внушений может служить способ внушения аббата Фариа, действовавшего одним повелительным словом. К этому же порядку внушения относится и всем известная команда, которая основана везде и всюду не столько на силе страха за непослушание и сознания рациональности подчинения, сколько на действительности внушения, которое в этом случае врывается в сознание насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумывания и критики, приводит к автоматическому выполнению внушения.

Определение внушения

Очевидно, что сущность внушения заключается не в тех или других внешних его особенностях, а в особом отношении внушенного к «я» субъекта во время восприятия внушения и его осуществления.

Вообще говоря, внушение есть один из способов воздействия одних лиц на других, которое производится на-

меренно или ненамеренно со стороны воздействующего лица и которое может происходить или незаметно для внушаемого лица, или даже с его ведома и согласия.

Для выяснения сущности внушения мы должны иметь в виду, что наше восприятие может быть активным и пассивным. При первом обязательно участвует «я» субъекта, которое направляет внимание, сообразуясь с ходом нашего мышления и окружающих условий, на те или другие внешние впечатления. Последние, входя в психическую сферу при участии волевого внимания и усваиваясь путем обдумывания и размышления, становятся достоянием личного сознания или нашего «я».

Этот род восприятия, приводя к обогащению нашего личного сознания, лежит в основе наших взглядов и убеждений, так как дальнейшим результатом активного восприятия является работа нашей мысли, приводящая к выработке более или менее прочных убеждений. Последние, входя в содержание нашего личного сознания, временно могут скрываться в так называемой подсознательной сфере или в сфере общего сознания, но так, что каждую минуту по желанию «я» они вновь могут быть оживлены путем воспроизведения пережитых представлений.

Но кроме активного восприятия многое из окружающего мира мы воспринимаем пассивно, без всякого участия нашего «я», когда внимание наше чем-либо занято, например при сосредоточении на какой-либо мысли, или когда внимание наше, вследствие тех или других причин, ослаблено, как это наблюдается, например, в состоянии рассеянности.

И в том, и в другом случае предмет восприятия не входит в сферу личного сознания, а проникает в те области нашей души, которые мы можем назвать общим сознанием. Это последнее является в известной мере независимым от личного сознания, благодаря чему все, что входит в сферу общего сознания, не может быть нами *по произволу* вводимо в сферу личного сознания. Но тем не менее

продукты общего сознания при известных условиях могут входить и действительно входят в сферу личного сознания, причем источник их первоначального возникновения не всегда даже и распознается личным сознанием.

Целый ряд разнородных впечатлений, входящих в психическую сферу при пассивном восприятии без всякого участия внимания и проникающих непосредственно в сферу общего сознания, помимо нашего «я», образует те неуловимые для нас самих воздействия окружающего мира, которые отражаются на нашем самочувствии, придавая ему нередко тот или другой чувственный тон, и которые лежат в основе неясных мотивов и побуждений, нередко нами испытываемых при тех и других случаях.

Сфера общего сознания вообще играет особую роль в психической сфере каждого лица. Иногда впечатление, воспринятое пассивно, входит затем, благодаря случайному сцеплению идей, и в сферу личного сознания в виде умственного образа, новизна которого нас поражает. В отдельных случаях образ этот, принимая пластические формы, возникает в виде особого внутреннего голоса, напоминающего навязчивую идею, или даже в виде сновидения или настоящей галлюцинации, происхождение которой обычно лежит в сфере продуктов деятельности общего сознания. Когда личное сознание ослабевает, как это мы наблюдаем во сне или в глубоком гипнозе, то на сцену сознания выдвигается работа общего сознания, совершенно не считающаяся ни со взглядами, ни с условиями деятельности личного сознания, вследствие чего в сновидениях, как и в глубоком гипнозе, представляется возможным все то, чего мы не можем даже и представить себе в сфере личного сознания.

Таким образом, для выяснения способа внушения необходимо иметь в виду разделение нашей психической сферы на личное и общее сознание. Личное сознание, или так называемое «я», при посредстве воли и внимания обнаруживает существенное влияние на восприятие нами

внешних впечатлений; оно же регулирует течение наших представлений и определяет выполнение наших произвольных действий. Все, что входит в сферу психической деятельности при посредстве личного сознания, обычно подвергается нами большей или меньшей критике и переработке, приводя к развитию наших взглядов и убеждений.

Этот путь воздействия окружающей среды на нашу психическую сферу может быть назван путем «логического убеждения», так как конечным результатом упомянутой переработки всегда является в нас убеждение: «мы убедились в истине, мы убедились в пользе, мы убедились в неизбежности того или другого», — вот что мы внутренне можем сказать себе после того, как в нас совершилась упомянутая переработка внешних впечатлений, воспринимаемых при посредстве нашего личного сознания. Но независимо от того в нашу психическую сферу, как мы уже говорили, могут входить разнородные впечатления при отсутствии к ним какого-либо внимания, иначе говоря, в состоянии рассеянности, когда волевое внимание поглощено какой-либо работой. В таком случае внешние впечатления входят в психическую сферу помимо нашего личного сознания и, следовательно, помимо нашего «я». Они проникают в нашу психическую сферу уже не с парадного хода, а, если можно так выразиться, с заднего крыльца, ведущего непосредственно во внутренние покои нашей души. Это и есть то, что мы называем внушением.

Таким образом, внушение представляет собою непосредственное прививание тех или других психических состояний от одного лица к другому. Иначе говоря, внушение есть не что иное, как вторжение в сознание или прививание к нему посторонней идеи без прямого непосредственного участия в этом акте «я» субъекта, вследствие чего последнее в большинстве случаев является или совершенно, или почти безвластным его отринуть и изгнать из сферы сознания даже при том условии, когда оно

сознает его нелепость. Проникая в сознание без активного участия «я» субъекта, внушение остается вне сферы личного сознания, благодаря чему и все дальнейшие его последствия происходят без контроля «я» и без соответственной задержки. Благодаря этому внушение приводит к появлению той или другой навязчивой идеи, к осуществлению положительных и отрицательных галлюцинаций, или же вызывает развитие психически обусловленной судороги, контрактуры, паралича и т. п.

Вряд ли есть какая-либо возможность сомневаться в том, что внушение относится именно к порядку тех воздействий на психическую сферу, которые происходят помимо нашего «я» и проникают непосредственно в сферу общего сознания. Если нужно определение внушения в нескольких словах, то я должен повторить здесь то, что я сказал уже в первом издании своей брошюры — «Роль внушения в общественной жизни» (СПб., 1898):

«Внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, — прививанию, происходящему без участи воли (и внимания) воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания».

Ясно, что в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа непосредственного психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе, как при посредстве внимания и логического мышления и *с участием личного сознания.*

Все, что входит в сферу личного сознания, вступает в соотношение с нашим «я», и так как все в личном сознании находится в строгом соответствии и сочетании с «я» субъекта, — сочетании, служащем выражением единства личности, то очевидно, что все входящее в сферу личного сознания должно подвергаться соответственной критике и переработке со стороны «я».

Но также очевидно, что кроме этого способа влияния, действующего на другое лицо при посредстве личного сознания, есть другой способ воздействия в форме внушения, действующего на психическую сферу путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений и не требуя участия личного сознания и логики.

Очевидно, что внушение, в отличие от убеждения, проникает в психическую сферу помимо личного сознания, входя без особой переработки непосредственно в сферу общего сознания и укрепляясь здесь, как всякий вообще предмет пассивного восприятия.

Когда по внушению у человека развивается судорога в руке или, наоборот, рука совершенно парализуется, спрашивается, что обусловливает осуществление этого внушения? Очевидно, не что другое, как непосредственное проникновение внушаемой идеи в сферу общего сознания, не координированную с «я» субъекта, вследствие чего последнее не властно над этим внушением и не может ему противодействовать.

Но что мешает «я» с его волевым вниманием допустить внушение проникнуть в общее сознание? Отчего оно не вводит его при указанных условиях в сферу личного сознания?

Оттого, что воля или парализуется верой в силу внушения, или субъект не может на внушении сосредоточить волевого внимания; оно поэтому и входит в сферу общего, а не личного сознания, давая тем самым полный простор автоматизму.

Таким образом, если бы под внушением мы понимали всякое вообще непосредственное влияние на человека помимо его «я» или личного сознания, то мы могли бы отождествить эту форму воздействия на нас окружающих условий с формой пассивного восприятия, происходящего без всякого участия «я» субъекта.

Но под внушением обыкновенно принято понимать воздействие не всех вообще окружающих условий, а воз-

действие одного лица на другое, которое происходит при посредстве пассивного восприятия, то есть помимо участия личного сознания или «я» субъекта, в отличие от воздействия иного рода, происходящего всегда при посредстве активного внимания с участием личного сознания и состоящего в логическом убеждении, приводящем к выработке тех или других взглядов.

Лоуэнфельд между прочим настаивает на различии в определениях самого процесса внушения (suggerieren) от результата его, известного под названием собственно внушения (suggestion). Само собою разумеется, что это два различные процесса, которые не должны быть смешиваемы друг с другом. Но, по нашему убеждению, только такое определение и может быть признано наиболее подходящим и более правильным, которое обнимает и самый способ воздействия, характерный для процесса внушения, и результат этого воздействия.

Дело в том, что для внушения характерны не только самый процесс или способ воздействия на психическую сферу, но и результат этого воздействия. Поэтому-то и в слове «внушать» мы подразумеваем не только особый способ воздействия на то или другое лицо, но и возможный результат этого воздействия, и, с другой стороны, в слове «внушение» мы подразумеваем не только известный достигнутый результат в психической сфере данного лица, но и в известной мере тот способ, который привел к этому результату.

Как уже ранее было выяснено, в понятии внушения прежде всего содержится элемент непосредственности воздействия. Будет ли внушение производиться посторонним лицом при посредстве слова или воздействия, или оно будет производиться при посредстве какого-либо впечатления или действия, то есть имеем ли мы словесное или конкретное внушение, везде оно влияет не путем логического убеждения, а непосредственно воздействует на психическую сферу, помимо сферы личного сознания или,

по крайней мере, без переработки со стороны «я» субъекта, благодаря чему происходит настоящее прививание идеи, чувства, эмоции или того или иного психофизического состояния.

Равным образом и те состояния, которые известны под названием самовнушения и которые не требуют посторонних воздействий, возникают обычно непосредственно в психической сфере, когда, например, то иди другое представление проникло в сознание как нечто готовое, в форме внезапно явившейся и поразившей сознание мысли, в форме того или иного сновидения, в форме виденного примера и т. п.

Во всех этих случаях психические воздействия, возникающие помимо постороннего вмешательства, прививаются к психической сфере также непосредственно в обход критикующего и самосознающего «я» или того, что мы называем личным сознанием.

Таким образом, внушать — значит более или менее непосредственно прививать к психической сфере другого лица идеи, чувства, эмоции и другие психофизические состояния, иначе говоря, воздействовать так, чтобы по возможности не было места критике и суждению; под внушением же следует понимать непосредственное прививание к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний, помимо его «я», то есть в обход его самосознающей и критикующей личности.

Внушение и убеждение

Из вышеизложенного очевидно, что внушение и убеждение являются двумя основными формами воздействия одного лица на другое. Хотя в числе способов психического воздействия одних лиц на других кроме убеждения и

внушения мы можем различать еще приказание и пример, а также советы, пожелания и т. п., но несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению. Так приказ действует прежде всего силой страха за возможные последствия непослушания через сознание необходимости выполнения, в силу разумности подчинения в данном случае и т. п. В этом отношении приказание действует подобно убеждению.

Но независимо от того приказание действует, по крайней мере в известных случаях, и непосредственно на психическую сферу, как внушение. Лучшим примером влияния приказа как внушения служит команда. Последняя, бесспорно, есть форма приказания, а кто не знает, что команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или прививания известной идеи. С другой стороны, и пример, помимо своего влияния на разум путем убеждения в полезности того или другого, может еще действовать наподобие психической заразы, иначе говоря, путем внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

Кто не знает заразительного действия публичных казней? Кому не известно заразительное влияние самоубийства?

Всем известна, наконец, передача судорожных болезненных форм путем прямого подражания.

Таким образом, как приказание, так и пример действуют в одних случаях путем убеждения, в других случаях путем внушения; чаще всего они действуют одновременно и как убеждение, и как внушение. В силу этого они не могут быть рассматриваемы как самостоятельные способы воздействия одних лиц на других, подобно убеждению и внушению.

Равным образом и советы, пожелания, а равно и иные формы психического воздействия одних лиц на других также могут действовать на психику или в форме внушения, или в форме убеждения, смотря по отношению к ним того лица, которому они высказываются.

Итак, очевидно, что в то время как словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике. Оно действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем приказа или уговора, путем увлекательной и взволнованной речи, путем жестов и мимики.

Легко видеть отсюда, что пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения. Вот почему внушение в общем представляет собою более распространенный фактор, нежели убеждение.

Последнее может действовать преимущественно на лиц, обладающих здравой и сильной логикой, тогда как внушение действует не только на лиц со здравой логикой, но еще в большей мере и на лиц, обладающих недостаточной логикой, как, например, детей и простолюдинов.

Несомненно поэтому, что внушение или прививание психических состояний играет особо видную речь в нашем воспитании, по крайней мере до тех пор, пока логический аппарат ребенка не достигнет известной степени своего развития, позволяющего ему усваивать логические выводы не менее, нежели готовые продукты умственной работы других, усваиваемые с помощью так называемого механического заучивания и подражания, в которых немалую роль играет внушение, или психическая прививка со стороны воспитателей и окружающих лиц.

Равным образом и в простом классе населения внушение, или прививка идей, играет немаловажную роль, как фактор, существенно влияющий на мировоззрение отдельных лиц и даже целых обществ.

Всякий, обращавшийся с народом, знает это хорошо по собственному опыту и знает цену логических убеждений, которые если и имеют успех, то лишь путем медленного усваивания их, тогда как внушения в форме уговора или приказания здесь почти всегда действуют быстро и верно, в случае, конечно, если они не противоречат вкоренившимся убеждениям народа.

Влияние команды в войсках, как мы уже упоминали, сводится также преимущественно к внушению, которое действует сильнее всякого убеждения. Но и на интеллигентных лиц, обладающих вполне развитой логикой, внушение действует в известных случаях вряд ли менее сильно, нежели на детей и простолюдинов, по крайней мере в таких случаях, когда оно не противоречит установившемуся мировоззрению.

Если внушение, как было выяснено выше, есть не что иное, как воздействие одного лица на другое путем непосредственного прививания идеи, чувства, эмоции и других психофизических состояний без участия личного сознания внушаемого лица, то очевидно, что оно может проявляться легче всего в том случае, когда оно проникает в психическую сферу незаметно, вкрадчиво, при отсутствии сопротивления со стороны «я» субъекта, или, по крайней мере, при пассивном отношении последнего к предмету внушения, или же когда оно сразу подавляет психическое «я», устраняя всякое сопротивление со стороны последнего. Опыт действительно подтверждает это, так как внушение может быть вводимо в психическую сферу или мало-помалу путем постоянных заявлений одного и того же рода и уговора, или же сразу наподобие повелительного приказа.

Внушение в гипнозе

Хотя все вышеуказанное достаточно точно определяет самый предмет, тем не менее нельзя не упомянуть, что о действии внушения и о распространении психической инфекции или заразы мы не могли составить себе ясного представления до тех пор, пока не были ближе выяснены условия, необходимые для осуществления внушения и распространения психической заразы.

Эти условия мы получили возможность выяснить лишь в позднейшее время вместе с развитием учения о намеренном внушении, производимом в гипнозе. Как о распространении физической заразы еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний большею частью удается лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как вызванное определенными приемами видоизменение обыкновенного сна[36].

Как известно, в гипнозе легко удаются самые разнородные внушения. Впрочем, вопрос, можем ли мы внушить в гипнозе все, что мы пожелаем, до сих пор еще остается не вполне выясненным. По некоторым авторам, нет вообще никаких границ для внушения, другие, напротив того, держатся взгляда, что в гипнозе может быть внушаемо только то, что отвечает психической природе че-

ловека. Практически вопрос сводится главным образом к возможности внушать те или другие преступления, причем одни авторы были склонны утверждать, что гипнотик способен под влиянием внушения выполнить какое угодно преступление, тогда как другие авторы видели в этих утверждениях лишь простое увлечение лабораторными преступлениями, совершаемыми в гипнозе, справедливо замечая, что гипнотик не лишен вполне сознания, и потому, когда ему внушают то или другое преступление, то он отлично осознает, что это преступление дело не серьезное, что оно на самом деле есть только воображаемое преступление и что все это делается только для его испытания и потому он выполняет его без большого сопротивления, как невинную шутку.

Что касается меня, то, руководствуясь своим опытом, я ничуть не становлюсь на сторону тех авторов, которые приписывают внушению в гипнозе роль всесильного фактора, могущего из гипнотика сделать все что угодно. Сила его внушения в этом, как и в других случаях, зависит, бесспорно, не от одного лишь умения внушить и поддержать внушение, но еще и от той почвы, на которую действует внушение, иначе говоря, от психической натуры лица, подвергаемого внушению. Таким образом, психическое противодействие внушению, производимому в гипнозе, в значительной мере зависит как от большей или меньшей глубины гипноза, так и от того, в какой мере это внушение находится в противоречии с идеями, склонностями и убеждениями лица, подвергающегося внушению. При отсутствии такого противоречия внушение действует сильно и верно; напротив того, при встрече в сильной натурой, держащейся противоположных взглядов, внушение может оказаться бессильным.

Но умаляется ли отсюда значение внушения как важного психического фактора? Ничуть. Ведь людей с сильным характером и стойкими идеями далеко не много. Да

и мало ли есть людей настолько нравственно невоспитанных, что они не делают некоторых преступлений, например, против нравственности и имущественной собственности только в силу страха за ответственность перед законом? Не достаточно ли поэтому тем или другим способом усыпить в них путем внушения в гипнозе этот страх и вселить веру в возможность избегнуть ответственности пред законом, усилив в то же время в их воображении выгодные последствия преступления, чтобы склонить их на совершение этого преступления, которого при других условиях они никогда бы не сделали?

Но мы отвлеклись бы очень далеко, если бы подробно стали развивать этот вопрос. Поэтому, не касаясь более чисто практической стороны вопроса о значении гипнотических преступлений, мы заметим здесь, что гипноз представляет для нас глубокий интерес не с одной только практической стороны, но и в отношении изучения вопроса о наиболее благоприятных условиях внушения. Чем в самом деле объясняется то обстоятельство, что в гипнозе хорошо удаются внушения? Можно думать, что гипноз как состояние близкое или родственное нормальному сну сам по себе уже составляет благоприятное условие для внушения. Но опыт показывает нам, что не всегда степень внушаемости идет рука об руку с глубиною сна. Есть очень глубокие степени гипноза, как, например, летаргическая фаза Charcot, которые совершенно недоступны внушению. Напротив того, в других случаях уже слабые степени гипноза отличаются необычайною внушаемостью.

Известно также, что и обыкновенный сон большею частью не составляет благоприятного условия для внушения, хотя в некоторых состояниях естественного сна имеются условия, столь же благоприятные для внушения, как и в гипнозе.

Отсюда ясно, что степень внушаемости определяется не самим гипнозом или сном, а тем особым состояни-

ем сознания или психической деятельности, которое мы имеем в гипнозе, а иногда и в обыкновенном сне.

Эти условия, благоприятствующие внушению в гипнозе, заключаются в том, что при изменении нормального сознания, выражающемся большим или меньшим засыпанием «я» и не исключающем общения с внешним миром или, по крайней мере, не исключающем общения с гипнотизером, производимые последним внушения входят в психическую сферу непосредственно и независимо от личного сознания гипнотизируемого субъекта, иначе говоря, помимо его «я». Закрепляясь в тех глубинах души, которые нередко называли и называют бессознательными или подсознательными и которые правильнее называть сферой общего сознания, эти внушения впоследствии входят сами собой в сферу личного сознания и, не будучи распознанными как посторонние внушения, так как первоисточник их для личного сознания остается скрытым, подчиняют себе личное сознание в более или менее значительной мере.

Таким образом, вся сущность гипнотических внушений заключается в том, что у загипнотизированного наступает особое состояние пассивности, в силу чего внушения и действуют на него столь подавляющим образом.

Не подлежит, однако, сомнению, что состояние пассивности представляет собою лишь одно из благоприятнейших условий для введения внушения в бессознательную сферу. Оно составляет лишь подходящую обстановку для внушения, устраняя в большей или меньшей мере вмешательство личного сознания. Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиною сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиною гипноза.

Внушение в бодрственном состоянии

Опыт показывает далее, что есть лица, для которых бодрственное состояние сознания представляет почти столь же благоприятное условие для внушения, как и гипноз. У такого рода лиц удается всякое вообще внушение и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличности воли. Словом, у этих лиц внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как у других в состоянии гипноза.

Для действительности внушения от такого лица не требуется ничего, кроме того, чтобы он слушал и не противодействовал. Если он начинает противодействовать внушению, достаточно усилить последнее, а если этого недостаточно, то стоит только внушить, что сопротивление невозможно, и внушению открывается полный простор.

Вся особенность этих лиц сводится к тому, что они допускают в свое сознание вторгнуться посторонней идее пассивно, не вмешиваясь своим «я» в сущность и в критику этой идеи, иначе говоря, пропуская ее в свое сознание без активного внимания, подобно тому, как человек воспринимает что-либо в рассеянности.

Всякий знает, что, будучи рассеянными и невнимательными, мы можем давать на задаваемые вопросы совершенно не подходящие для нас ответы; можем признавать то, что мы, несомненно, отвергли бы, если бы отнеслись к вопросу с вниманием, нередко мы не знаем даже, что данный вопрос был нам задаваем, иначе говоря, мы имеем настоящую амнезию. С другой стороны, при отвлечении внимания мы не замечаем нередко своих ощущений, можем даже заглушить резкие болезненные ощущения. В других случаях мы испытываем без всякой видимой причины безотчетную тоску или душевную боль, или же нам незаметно для нас самих может быть навязан тот или другой мотив, привита та или другая идея и т. п.

Словом, в состоянии рассеянности, когда наше «я» чем-нибудь занято или отвлечено в известном направлении, мы получаем состояние, благоприятствующее внушению, вследствие чего, будучи введено в психическую сферу, оно проникает в него помимо «я» или, по крайней мере, без его активного участия и не может быть подвергнуто соответствующей критике и переработке.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что облегченная восприимчивость к внушениям наблюдается иногда и в нормальном психическом состоянии. Но суть в том, что в таком случае внушаемые лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия и подчиняются им совершенно пассивно.

Благодаря этому внушения легко входят в их психическую сферу помимо их «я», точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать, в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли и действуют так же неотразимо на субъекта, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же легко, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий случай.

Осенью 1896 года мы приняли в клинику молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов.

Этот паралич длился уже более полутора месяцев, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил таким образом перейти в те хронические параличи, которые длятся годами, не поддаваясь излечению.

Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники ему были закрыты глаза и затем путем внушения он был тотчас же совершенно излечен от паралича и уже в гипнозе начал ходить. Когда он был разбужен, то, к удивлению своему, убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить.

Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в кресле-коляске в состоянии полного паралича нижних конечностей.

С этих пор у больного оставались одни истеро-эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем, как демонстрировать больного на лекции перед студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно поправился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры, параличи, иллюзии и галлюцинации, словом, все что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами. У этого больного со временем, правда, проявились еще два или три слабых истерических припадка под влиянием особых поводов, но это были лишь изолированные припадки, которые затем после новых внушений более уже не повторялись.

В другом случае у наборщика, страдавшего ясными признаками свинцового отравления, имелось наряду с правосторонней гемианестезией и болями левой части головы гемихорея правой же стороны тела, особенно резко выраженная в правой руке. Больной должен был постоянно придерживать эту руку левой рукой, так как она его сильно беспокоила постоянными судорожными движениями, еще более усиливавшимися при всяком волнении и исследовании. Больной, будучи человеком несостоятельным, уже много месяцев оставался без всякой работы, будучи в полном смысле беспомощным человеком. Но достаточно было ему однажды внушить, не прибегая к гипнозу, что судороги его прекратились и он снова владеет рукой свободно, и оказалось, что судороги сразу исчезли совершенно. С тех пор у больного в любое время можно было вызывать судорогу по произволу, благодаря простому внушению, и так же просто ее уничтожить. То же самое оказалось возможным сделать с его болями и с гемианестезией, которые исчезли по одному слову внушения и могли быть вызываемы вновь в бодрственном состоянии любое число раз. Субъект этот по выздоровлении воспроизвел под влиянием внушения все свои болезненные расстройства, между прочим, и на лекции студентам и по внушению на той же лекции был от них избавлен.

Нет надобности говорить, что мы имели в клинике и в ее амбулатории много и других больных, у которых в бодрственном состоянии также легко осуществляются разнообразные внушения, как, например, иллюзии, галлюцинации и пр., и которые этими внушениями в бодрственном состоянии легко излечивались от разнообразных нервных припадков. Обыкновенно ежегодно на лекциях, читаемых мною о гипнозе, я демонстрирую целый ряд больных с прекрасной внушаемостью в бодрственном состоянии.

Вышеприведенные примеры, подобных которым можно было бы привести многое множество, не оставляют со-

мнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же просто осуществляемы и столь же действительны, как и внушения в состоянии гипноза. Но даже и в тех случаях, когда не имеется подобной внушаемости в бодрственном состоянии, для воздействия внушения часто нет существенной необходимости во сне. Нужна лишь вера в силу производимого внушения и возможно полное сосредоточение мысли на содержании этого внушения, иначе говоря, нужно, чтобы субъект отдался действию этого внушения вполне. Когда врач достигнет этих условий в бодрственном состоянии, тогда он свободно может обходиться при лечении внушением без гипнотического сна, который в некоторых случаях даже мешает внушению, если, например, больной, веря в магическую силу лишь внушений, производимых в гипнозе, не засыпает в достаточной мере глубоко.

Таким образом, для внушения, в сущности, не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может оставаться, как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания, или так называемого «я», действует на последнего как бы магически, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные же и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиник. Известно, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения, не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное целебное значение королевской руки, магическое действие хлебных пилюль, лечение желтым и красным электричеством Маттея, известное неко-

гда в Петербурге лечение барона В. с помощью простой невской воды и других индифферентных средств, магическое слово аббата Фариа, одним повелением исцелявшего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением и т. п.

Один из хороших примеров внушения в бодрственном состоянии, производимого на массу лиц одновременно, представляют известные сеансы месмеризма в период славы его основателя Месмера. Последний устроил особую лохань, вокруг которой одновременно магнетизировалось свыше тридцати лиц. Больные, разместившись вокруг лохани в несколько рядов и держась за подвижные резиновые ручки, связывались друг с другом веревкой вокруг туловища или соединялись друг с другом руками. Затем больные оставались в ожидании. При этих сеансах наблюдалась полная тишина, но из соседней комнаты раздавались обыкновенно звуки гармоники, фортепьяно или пение человеческого голоса. Явления, которые наблюдались у больных и которые объяснялись особыми магнетическими токами, по описанию очевидца Бальи, заключались в следующем:

«Некоторые больные совершенно спокойны и ничего не испытывают, другие же кашляют, харкают, чувствуют легкую боль, местную или общую теплоту и потеют; третьи ажитируются и впадают в конвульсии, необыкновенные по своей численности, продолжительности и силе; иногда эти конвульсии продолжаются более трех часов и характеризуются невольными порывистыми движениями всех членов, всего тела, спазмами горла, вздрагиваниями подвздошия и надчревия, помутнением и блужданием взора, пронзительными криками, слезами, икотою и неудержимым смехом. Им предшествует или затем следует состояние утомления или сонливости, особого рода изнеможение и даже сон.

При малейшем неожиданном звуке больные вздрагивали, всякое изменение тона или темпа в игре на фортепиано влияло до того, что одно какое-нибудь затем более интенсивное движение действовало потрясающим образом и возобновляло усиленные конвульсии.

Правда, находились и такие субъекты, которые, стараясь подавить в себе это состояние, обращались друг к другу, аффектированно болтали, смеялись, благодаря чему им естественно удавалось предотвратить кризис. Подчинившиеся же всецело магнетизеру быстро поддавались мнимому усыплению, его голос, жест и даже взгляд приводил их в себя.

Ввиду постоянства таких явлений нельзя воздержаться от признания могущественной силы, властвующей над больными и как бы исходящей от магнетизера. Это конвульсивное состояние называется кризисом. Замечено, что из больных, впадающих в кризис, большинство женщины, мужчин мало. Замечено также, что кризис наступает в течение одного или двух часов и что, появившись у одного, он затем постепенно, спустя немного времени, обнаруживается и у всех остальных».

Аналогичные примеры возможны и ныне[37]. Так, еще недавно в Берлине сильно обеспокоило власти распространение оккультизма, выразившееся между прочим в своеобразных способах врачевания. По словам газет, двумя англичанками, учительницами английского языка, в одном берлинском женском лицее была устроена своего рода клиника, в которой больных лечили без лекарств одними таинственными заклинаниями. Эти заклинания будто бы направляли на больного целительное веяние каких-то тайных сил, причем даже неверующие больные выздоравливали. Между прочим, очень многие дамы высшего берлинского общества уверовали в таинственный дар упомянутых англичанок. Успех их был чрезвычайный как в отношении славы, так и в отношении денег.

Значение веры

Вера вообще играет необычайную роль как фактор, способствующий внушению. Один из ярких примеров подобного влияния веры представляют недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шлятера, который, начав башмачником в Данвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением. С этих пор он закрывает свою торговлю и, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки. Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Заимствуем описание одной сцены, сделанное репортером и характеризующее яркими штрихами влияние Шлятера на толпу: «Со всех сторон были видны мужчины, женщины и дети с печатью душевного страдания на лице; с каждой минутой толпа увеличивалась, и скоро вся местность представляла море голов, насколько можно было охватить взглядом. Потом внезапное движение прошло по собранию, и всякий даже малейший шепот затих… пришел Schlater. Когда я приблизился к нему, мной овладел сверхъестественный страх, который было трудно проанализировать. Моя вера в этого человека росла вопреки моему разуму. Бодрствующее, контролирующее, мыслящее, рассуждающее „я“ стало колебаться, терять свою силу, а рефлекторное, подбодрствующее начало укрепляться. Когда он отпустил мои руки, моя душа признала какую-то силу в этом человеке, чему, по-видимому, противились мой ум и мой мозг. Когда он раскрыл мои руки, я почувствовал, что мог бы *упасть перед ним на колени и назвать его владыкой»*[38].

Особенной славой Шлятер пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним сталось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие — что он вознесся на небо. Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели — лже-Шлятеры.

В конце концов скелет настоящего Шлятера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьерра-Мадре в 50 милях от casas grandes в провинции Чигуагуе.

Этот поражающий пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всею яркостью, каково может быть действие внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого влияния.

Исстари известное целительное влияние веры, которому между прочим посвящены исследования Х. Тюка, Регнарда, Литтре, Барнвилля, Шарко и др. здесь сказалось со всею яркостью. Помимо всего прочего вера является столь благоприятной почвой для самовнушения, что она нередко совершает этим путем чудесные исцеления и там, где обыкновенное внушение оказывается бессильным. В этом отношении пример Шлятера делает нам понятными многие из тех внезапных исцелений во время религиозного воодушевления, которые известны были уже в древности (например, в египетских храмах Сераписа или в храмах Асклепия древней Греции), которые случались во все времена и которые повторяются еще и поныне. Особенно известны исцеления, происходившие в начале нашей эры, а также в период средних веков (исцеления на могиле Людовика IX, в базилике Сен-Дени и пр.), позднее — так называемые Сен-Медарские явления.

Иллюстрации ради я приведу здесь случай чудесного исцеления, случившегося несколько лет тому назад в Петербурге.

Мальчик Г. страдал параличом истерического происхождения, природа которого, к сожалению, осталась нераспознанною со стороны известного в Петербурге психиатра, признавшего его неизлечимым. Парализованный мальчик оставался беспомощным уже много лет, как вдруг однажды во сне он увидел лик Божьей Матери, приказавшей ему поклониться св. иконе, находящейся в часовне по Шлиссельбургскому тракту у Стеклянного Завода и известной тем, что ударом молнии в 1888 году было разрушено все внутри часовни, но сохранился лишь образ Божьей Матери, причем лик ее оказался усеянным в форме венца медными монетами из сборной народной кружки. Проснувшись, Г. настойчиво начал просить себя повезти к упомянутой иконе и, когда желание его было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна он получил возможность стоять на ногах и с этих пор начал ходить.

Не менее поучительный случай произошел несколько лет тому назад в Москве с одним приват-доцентом Д., у которого известным специалистом был поставлен диагноз неизлечимой кожной болезни на голове в форме sycosis. Оказалось, что для исцеления его было достаточно, чтобы одна старуха повела его в церковь и там помолилась вместе с ним.

Еще ранее того в Москве же был случай чудесного исцеления слепоты, очевидно истерического характера, при одном прикосновении к образу, бывшему в серебряной ризе, вследствие чего в период тогдашнего увлечения металлотерапией была склонность у некоторых врачей объяснять этот случай действием металла, тогда как он проще всего объяснялся влиянием веры. Целительное влияние последней мы видим и теперь при стечении богомольцев, как, например, во Франции в Лурде, в Ирландии в м. Кнок, у нас в Киеве и других местах, особенно же при тех или других торжественных случаях, например во время больших религиозных празднеств, когда религиозное вооду-

шевление стекающегося народа достигает необычайной степени.

Но не обнаруживается ли в большей или меньшей мере влияние веры и по отношению к врачу, подходящему к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоровляющее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно в буквальном смысле слова действует на больного суровый холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Сколько пациентов, обращаясь к врачу для лечения своей зубной боли, должны сознаться уже в приемной врача, что помощь им становится излишней вследствие того, что зубная боль исчезла еще прежде, чем больной мог увидеть своего врача.

Надо, впрочем, заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

Невольное внушение и взаимовнушение

Вообще надо признать, что, так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что действие внушения в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удается далеко не у всех. Для осуществления внушения в этих случаях именно и нужна та упомянутая выше подготовляющая обстановка, которая устраняет невольное сопротивление со стороны лица, подвергающегося внушению.

Тем не менее в обыденной жизни мы встречаемся нередко с действием невольного внушения, производимого при естественном общении одного лица с другим.

Это внушение происходит незаметно для лица, на которое оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомню здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одного веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного, монотонного делается очень веселым и оживленным.

В свою очередь, оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным *взаимовнушением.*

Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала.

Оно не ограничивается только отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собою разумеется, что и в отношении непроизвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и, следовательно, более доверчивые натуры, легче подда-

ются непроизвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение, таким образом, как мы его понимаем, есть явление более или менее всеобщее.

Возникает, однако, вопрос, каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это прививание происходит исключительно при посредстве органов чувств.

В науке неоднократно возбуждался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено, в сущности, ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанною.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, то есть при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому служит орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действительным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения. Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольно сжимание губ и обильное слюноотделение.

Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувства. Всякий знает, что взаимное пожимание рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами.

Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он отрезал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает.

Через несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то, что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Сальпетриере, причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно, следовательно, что и мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить различные органы чувств, не исключая осязания и мышечного чувства, но само собою разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как аппараты, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности, невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действует везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего обращаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между совместно живущими лицами, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической натуры и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты. Факт этот между прочим объясняет нам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое, очевидно, более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожительстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается, по-видимому, еще чаще, нежели в массе всех вообще браков.

Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собою ряд других истерик; с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и незаметного прививания или внушения.

Отличным примером этого может служить следующий случай, бывший во время американских душевных эпидемий, известных под именем возрождения: «Джентльмен и леди, достаточно известные в фешенебельном обществе, были привлечены на полевой митинг в Cave Ridge. По дороге туда они делали много презрительных замечаний по адресу бедных, потерявших голову созданий, валявшихся с воплями в грязи, и в шутку обещали друг другу помогать, если кем-нибудь из них овладеют конвульсии. Недолго они посмотрели на странную сцену, происходившую перед ними, как молодая женщина потеряла сознание и упала на землю. Ее спутник, забыв свое обещание, тотчас ее покинул и бросился бежать изо всех сил. Но бегство не спасло его. Еще не удалившись на 200 ярдов, он тоже упал в конвульсиях».

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного или, точнее, прививного помешательства (folie a deux[39]). В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и, с другой — передача болезненных психических состояний от одного лица другому. Известны примеры, когда случаи прививного помешательства, исследованного подробно Ласегом и Фалрэ, Леграном дю Солля, Шманном, Реджисом, Марандоном, Промьером, Яковенко, Агадраньянцем (из нашей клиники) и мн. др., наблюдались иногда даже в целой семье, состоящей из четырех, пяти и даже шести и восьми лиц. Эти случаи представляют таким образом уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других, и в таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (folie transformée).

Даже здоровые лица иногда усваивают бред больных (Солдер, Моро, Морель, Байларгер и др.).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное разъединение лиц, влияющих друг на друга.

Коллективные или массовые иллюзии и галлюцинации

В вышеприведенных примерах дело идет, без сомнения, о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако не подлежит сомнению, что в

некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченною и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются между прочим иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные, или массовые, галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собою одно из интереснейших психологических явлений. Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, то есть труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неописанный страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь.

Наутро дело разъяснилось. Вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставал штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, причем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет между прочим случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 году.

Фрегат «Belle-Poule» и корвет «Berceau» были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду корвет «Berceau» и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточного берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа «Belle-Poule» мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец однажды в жаркий солнечный день после полудня сигналистом, сидевшим на мачте, был замечен на западе вблизи берега корабль, лишенный мачт. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигналиста было справедливо.

Само собою разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели пред собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем с каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер «Archimede». День уже приходил к концу и начинала спускаться южная ночь, когда «Archimede» подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера «Archimede» видел погибавших на плоте людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега огромных деревь-

ев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля «Berceau» окончательно погибла, и самая их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море, сильно возбудили нервы пассажиров крейсера «Belle-Poule» и «Archimede», а беспокойство и страх за участь 300 сотоварищей, бывших на «Berceau», много содействовали известному направлению умов. Естественно, что мысли всех сосредотачивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигналист замечает на горизонте в стороне солнечного заката странный предмет с неясными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета в его глазах воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной иллюзии. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашаются, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствия. Такая общая иллюзия и галлюцинация длится до тех пор, пока посланные шлюпки не врезались в густую листву плавающих деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают. Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, несмотря на то, что современная аэронавтика не давала основания верить в действительность этих полетов. Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти

полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторилась ли та же история и с шаром Андре, улетевшим к северному полюсу? Сколько было получено в свое время телеграмм из разных концов северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц. Не имелось ли и здесь дело с массовой иллюзией или галлюцинацией подобно тому, как это было, по-видимому, с прусскими воздушными шарами? Такое объяснение по крайней мере напрашивается само собою, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или другой местности.

Не менее известны исторические примеры коллективных галлюцинаций. К числу таких галлюцинаций относится между прочим видение небесной рати одним отрядом русских войск пред Куликовской битвой, видение крестоносцами закованной в латы и нисходящей с неба небесной рати под предводительством св. Георгия, Димитрия и Теодора, видение светлого рыцаря на Елеонской горе, махающего крестом, во время штурма Иерусалима, известное видение креста на небе с надписью «сим победишь», испытанное Константином Великим и его свитой пред началом решительной битвы, и мн. др.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время. Так, в период тяжелой холерной эпидемии в 1885 году жители деревни Корано близ Неаполя начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на ближайшем холме, где стояла часовня. Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начал стекаться народ. Видение продолжалось до тех пор, пока правительство не предприняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят

отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось (Верга). Известна также галлюцинаторная эпидемия, развившаяся в среде крестьян Прирейнской провинции во время франко-прусской войны и выразившаяся массовыми видениями религиозного и военного содержания, как, например, видениями на коньках крыш, на стеклах и других предметах изображений Мадонны, распятия, зуавов, пушек и т. п.

По словам врача нашей клиники д-ра М. И. Никитина, во время недавних религиозных празднеств на глазах его произошла массовая галлюцинация.

В одном колодце многие из богомольцев стали видеть предмет своего поклонения так, как он обыкновенно изображался на иконах; некоторые видели даже, что лик производил движение рукой. Такое видение, испытанное большим количеством богомольцев одновременно, продолжалось в течение нескольких минут, пока одна только что подошедшая к колодцу богомолка, которая не была осведомлена о предмете видения в колодце, на вопрос — видит ли что-нибудь в глубине последнего — ответила решительно, что ничего не видит, кроме камней, лежащих на дне колодца. С этого момента массовая галлюцинация быстро рассеялась.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения взаимовнушения, совершенно невольного, со стороны одних лиц на других.

Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица, особенно с психическою неуравновешенностью, легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мысли, которые тотчас же путем невольного внушения, словесного или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

Особенно поучительным в этом отношении по сопутствующим обстоятельствам нам кажется рассказ очевидца переданной в «Разведчике» массовой галлюцинации, случившейся в ночь со 2-го на 3 июня в Андижанском гарнизоне вскоре после известной резни 18 мая. Андижанский гарнизон изнемогал под бременем все возраставших трудностей караульной службы. Арестованные росли в числе с каждым часом; конвойная служба и дальние разведки поглощали ежедневно всю андижанскую конницу; справедливо опасались возможной вспышки фанатизма к близившемуся моменту казни: бродили слухи, что туземцы готовы ринуться выручать своих святых, своих коноводов и вожаков, причем многочисленным толпам головорезов, казалось, легко было бы стереть с лица земли андижанскую горсточку русских людей, среди которых находились важные лица: временно командующий войсками со свитой, высшие военно-судебные лица…

Если тем, кто знал полностью андижанские обстоятельства, положение рисовалось далеко не в розовом свете, представьте же себе тех, до которых все это достигало в раздутых до химеричности формах, и вы себе легко представите состояние темной солдатской среды.

Особенно усердными поставщиками разных нелепостей в солдатскую среду были денщики.

Ночь, когда случилась в Андижане тревога, была темная-претемная южная ночь, пасмурная. Ей предшествовал дождь, кажется, с грозой.

Вновь прибывшие стрелки были расположены в казармах и в лагерях. Казармы тогда еще слабо освещались внутри, а бараки почти так же, как в роковую ночь 18 мая, то есть весьма скудно. Все остальное пространство и города, и окрестностей тонуло в густейшем мраке. Фонари в городе Андижане не зажигались в эту ночь по славному русскому обычаю не зажигать их, если по расписанию полагается луна, хотя бы ее скрывали тучи (sic!).

Было за полночь. Солдаты и в казармах, и в лагерях спали вповалку, крепко держа ружья и ощупывая впросонках патроны. Тишина царствовала поистине удручающая и томящая.

Вдруг откуда-то издалека долетел какой-то неясный шум, заставший всех нас вздрогнуть, а через секунду ужаснуться, а потом ахнуть, ибо шум все рос, рос… вот — уже это гомон толпы, вот вырываются отдельные дикие крики, потом целые снопы криков, визгов, воплей.

Потом ко всему этому присоединилось «ура», сперва редкое, потом громкое, потом громовое… победное «ура»… «Ура» все росло, охватывая лагерь, казармы.

Вдруг затрещала ружейная пальба. Свидетель пришел в лагерь, когда еще один дневальный, приложившись, пускал последний заряд вдогонку убегавшему врагу. В эту минуту все остальные люди стояли, уже построившись в своих бараках-навесах, старательно оглядываемые и успокаиваемые своими начальниками. Каждый откровенно говорил, куда он палил и сколько раз, но откуда пошла стрельба и тревога, никто толком не знал ни в лагерях, ни на постах.

Между тем причиной ложной тревоги было то, что раненый в бреду вскочил и с воплями пустился бежать: после того повскакали также и все остальные раненые.

Охотничья команда, ближайшая к лазарету, моментально разбуженная, схватила ружья и с криками «ура!» бросилась на выручку своих раненых.

Это всколыхнуло лагерь! Люди стали вскакивать, напяливать на себя что попало, загалдели, заорали. Гаркнули «ура», которое, разрастаясь и перекатываясь, докатилось до отдаленнейших уголков гарнизона.

Потом кто-то бухнул в темноту из винтовки, и массовая галлюцинация выросла во всей своей красе — все видали, слышали и стреляли врага. Люди сделались глухи на секунды к голосу начальников, к сигналам.

К счастью, все обошлось без потерь, если не считать нескольких ушибов и царапин.

Стереотипные обманы чувств и значение самовнушения

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большею частью роковое значение.

Известно, что в Габсбургском доме, например, такою галлюцинациею, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения чьей-либо кончины и передается из уст в уста в виде семейной, или родовой, внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретиться и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из роду в род передавались боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и, действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось, действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали от выстрелов из ружья или револьвера, или совершенно случайно, или намеренно в форме самоубийства.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и самовнушение, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное не посторонними влияниями, а внутрен-

ними поводами, источник которых находится в личности самого больного, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появлений иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив, действует нередко даже вопреки всякой логике.

Кому не известно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то, что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует.

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств.

Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольно настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, могут быть объяснены и некоторые другие темные психические явления, как, например, предчувствие.

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Этим путем, между прочим, объясняются различные стигматы и даже периодические кровоизлияния из тех областей тела, из которых сочилась кровь у распятого Христа, как показывает известный в медицинской литературе и тщательно проверенный видными научными авторитетами пример Луизы Лато.

Но мы отвлеклись бы далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задались целью подробнее разъяснять только что указанные явления нашей психической жизни.

Внушение как фактор в самоистребительных актах наших сектантов

Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектантства, выражающееся в крайне грубых формах. Кто не помнит изуверства тираспольских беспоповцев, еще так недавно проявившегося погребением и замуравливанием живьем в подземельях 25 человек с их собственного согласия и желания. Читая описание этого потрясающего события, пред которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что эти сектанты так спокойно шли на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведных.

Ковалев, выполнивший этот обряд погребения в Терновских хуторах над всеми сектантами, в числе которых были его мать, дочь и жена, сам, очевидно, также находился под внушением со стороны монахини скитницы Виталии, которая отдавала ему свои повеления даже в то время, когда уже находилась в числе шести человек в подземной нише и была забрасываема землею.

Бесспорно, что убеждения раскольников, признающих народную перепись за антихристову запись, за отчуждение от Христа и от истинной христианской веры, создают почву для самоистребительных стремлений; но отсюда до массового самосожжения, как это случалось уже не однажды с нашими раскольниками, до закапывания в

землю или до так называемого запощения или до уморения себя голодом еще далеко.

Надо, однако, заметить, что раскольничья среда в скитах, в некотором отчуждении от внешнего мира, при постоянном посте и молитвах представляет собою крайне благоприятные условия для поддержания и развития религиозного фанатизма. При этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодарную почву. Эта проповедь действует в подобных случаях не столько путем убеждения, сколько силой внушения и взаимовнушения, что и приводит к окончательному решению «соблюсти благочестие без отступления», согласно выражению самих раскольников.

Не подлежит никакому сомнению, что в Терновских происшествиях роль главного вожака играла Виталия, которая, действуя первоначально по убеждению, в значительной мере укрепляла себя в проповеднической роли благодаря самовнушению. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсуждения последней в ските, общая тревога и страх за последствия переписи поддерживали и укрепляли между членами скита путем взаимовнушения мысль о необходимости закопаться или запоститься; исполнитель же закапываний Ковалев, как человек недалекий, находился под внушением как Виталии, так и других лиц, поддерживавших общее настроение раскольничьего скита[40].

Судорожные эпидемии в истории

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях.

На этих психопатических эпидемиях отражаются прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности. Но не может подлежать никакому сомнению, что ближай-

шим толчком для развития этих эпидемий являются: внушение, взаимовнушение и самовнушение.

Господствующие воззрения являются здесь благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи от одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в средние века, бесспорно, носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано в значительной мере и силе внушения. Вот, например, средневековый пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи в одном из патетических мест, к ужасу слушателей, воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим следует другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоодержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужебных церемоний.

Когда укоренились известные верования о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит таким образом к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история средних веков.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекавшие из мировоззрения средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали наклонность к эпидемическому распространению.

Таково очевидно происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски св. Витта и св. Иоанна, народного танца в Италии, носящего название тарантеллы, и, наконец, так называемого квиэтизма. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Замечательна эпидемия самобичевания, распространившаяся из Италии по Европе в 1266 году, о которой историк сообщает следующее: «Беспримерный дух самообвинения внезапно овладел умами народа. Страх перед Христом напал на всех; благородные и простые, старые и молодые, даже дети лет пяти бродили по улицам без одежд с одним только поясом вокруг талии. У каждого была плеть из кожаных ремней, которой они бичевали со слезами и вздохами свои члены так жестоко, что кровь лила из их ран».

Затем в 1370 году не менее поразительным образом распространилась по Европе мания плясок, которая в Италии приняла своеобразную форму тарантизма. В это время танцоры наполняли улицы европейских городов. Все бросали свои обычные занятия и домашние дела, чтобы отдаться неистовой пляске.

В Италии пляска распространилась под влиянием уверенности, что укус тарантулом, часто случавшийся в Италии, становится безопасным для тех, кто танцевал под музыку так называемой тарантеллы. Эта мания тарантеллы распространилась с необычайной быстротой по всей Италии и, вследствие поглощения ею огромного количества жертв, сделалась в полном смысле слова социальной язвой Италии.

Не менее поразительны и эпидемии конвульсионерок. Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерках из Луи-Дебоннера:

«Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий внезап-

но впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю, и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки. Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются, их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыркаться и производить движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже по целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, параличными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений».

Прочитав это описание современника, кто из лиц, знакомых с нервными болезнями, не станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически?

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи Фигье.

«Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII веке с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионируют, и конвульсионировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионирующих как бы вперегонки друг с другом. Здесь мужчины бьются об землю, как настоящие эпилептики, в то время как другие немного дальше глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда десять или двенадцать мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье. Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Бешерон, который, чтоб быть на виду у всех, стоит на могиле. Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое „па“, знаменитый скачок карпа (saute de Carpe), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище. Однако эта мера не прекра-

тила безумных неистовств со стороны конвульсионеров. Так как было запрещено конвульсионировать публично, то припадки янсинистов стали происходить в частных домах, и зло от того еще более усилилось. Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для распространения ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию. Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионирующий предавался суду, специально учрежденному при арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не вывелись»[41].

Познакомившись с этими своеобразными общественными явлениями, можно ли сомневаться в том, что эпидемии конвульсионирующих развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий.

Эпидемии колдовства и бесоодержимости

Очевидно, подобным же образом объясняется и происхождение колдовства, этой страшной болезни, из-за которой погибло на костре и эшафоте наверно много более народа, нежели во всех вместе взятых войнах истекшего столетия. Не допустив взаимовнушения и самовнушения, мы не могли бы понять ни столь значительного распространения эпидемий колдовства, проявлявшихся в самых различных частях Европы, особенно в XVI веке, ни почти стереотипного описания видений, которым подвергались несчастные колдуны и колдуньи средних веков.

По описанию Реньяра, к женщине, которая обыкновенно подвержена конвульсивным приступам, в один пре-

красный вечер является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы из земли.

Вот как описывают его колдуньи на суде: «Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными каменьями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы. Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; показывает ей свою шляпу, полную денег; но, чтоб удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Св. крещения, от Бога и отдаться сатане душой и телом»[42].

Вот стереотипные описания демонических галлюцинаций, которым подвергались истерические женщины средних веков, или так называемые колдуньи, по тогдашним понятиям.

Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму благодаря представлениям, упрочившимся в сознании путем самовнушения или внушения, быть может, еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазнителя.

Другое не менее распространенное убеждение в народе, которое получило особенную силу благодаря религиозному мистицизму в эпоху средних веков и последующий за ними период времени, есть так называемая бесоодержимость, то есть обладание дьяволом человеческого тела. Благодаря самовнушению о вселении дьявола в тело эта идея нередко является источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые также способны к эпидемическому распространению.

Первая большая эпидемия этого рода, по словам Реньяра, произошла в Мадридском монастыре.

«Почти всегда в монастырях и главным образом в женских обителях религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекли за собою различные нервные расстройства, составляющие в своей совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменье которого, донне Терезе, еле исполнилось в то время 26 лет.

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена из рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред.

Несчастная объявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза тоже сделалась жертвой этого недуга.

Тогда начались в обители неописуемые сцены: монахини по целым ночам выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник Франсуа Гарсиа прибег к заклинанию бесноватых, но безуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри.

Гарсиа, обнаруживавший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами прежде, чем напасть на них».

Бесноватость бенедиктинок наделала много шуму, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией бесноватости урсулинок, которая разразилась в 1610 году.

«У двух монахинь монастыря урсулинок появились какие-то необычайные движения и другие удивительные симптомы. Согласно господствовавшему тогда верованию, Ромильон вообразил, что эти монахини одержимы

дьяволом. Он попробовал делать над ними заклинания, но неуспешно; дьяволы продолжали мучить бедных урсулинок; убедившись в своем бессилии, бедный священник обратился к более могущественным заклинателям. Обеих одержимых — Луизу Кало и Магдалину де Ля-Палю, дочь провансальского дворянина, отправили в монастырь Сент-Бом к инквизитору Михаэлису. Михаэлис, не надеясь исключительно на свои силы, пригласил на помощь фламандского доминиканца отца Домциуса. Он сам из Лувена, говорит Мишле, не раз производил заклинания, был, стало быть, обстрелян на этих нелепостях. Луиз, скорее сумасшедшая, чем злая, но злая в своем сумасшествии, призналась, что в ней сидят три дьявола: Веррино — добрый дьявол, католик, легкий, один из демонов воздуха; Левиафан, дурной дьявол, любящий рассуждать и протестовать; и, наконец, третий дух нечистых помыслов. Чародей, пославший ей этих дьяволов, князь всех колдунов Испании, Франции, Англии и Турции патер Луи Гофриди, бывший в то время приходским священником церкви des Accoules в Марселе. Магдалина, подстрекаемая Луизой и обезумевшая от страха, сделала такое же признание. Она сказала, что Гофриди испортил ее своими чарами, что он наслал на нее целый легион, то есть шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть дьяволов. Михаэлис, как монах, ненавидел Гофриди — священника и с радостью ухватился за прекрасный случай. Он донес на чародея Прованскому парламенту. И хотя на стороне Гофриди были капуцины, епископ Марсельский и все духовенство, тем не менее парламент в союзе с инквизицией добились того, что им выдали Гофриди. Его, как преступника, привели в Экс. Пред Магдалиной де Ля-Палю несчастный священник сначала клянется именем Бога, пресвятой девы Марии и св. Иоанном Крестителем, что все обвинения ложны; но скоро он понял, что он погиб: мужество его покинуло, и под пыткой, а может быть, и ранее он признался во всем. Да, во всем, во всех преступлениях, которых он не совершал. Он сознал-

ся, что дьявол посещал его часто, что он поджидал сатану у дверей церкви и заразил до тысячи женщин ядовитым дыханием, сообщенным ему Люцифером. „Признаюсь и в этом, — говорил он, — что, когда я желал отправиться на шабаш, я становился ночью у открытого окна, через которое являлся ко мне Люцифер и вмиг переносил на сборище, где я оставался два-три, а иногда и четыре часа“. Стали искать на его теле печать дьявола. Когда сняли с глаз Гофриди повязку, он с ужасом узнал, что в его тело до трех раз вонзали иглу и он ничего не чувствовал. Итак, он был трижды помечен дьявольским клеймом. Инквизитор заметил: если бы мы находились в Авиньоне, этого человека завтра же сожгли бы.

Его и сожгли. 30 апреля 1611 года в Эксе в пять часов пополудни Луи Гофриди, бенедиктинский священник церкви des Accoules, был отрешен от сана. Палач подвел к главному входу в церковь, где он должен был каяться и просить прощения у Бога, короля и правосудия. На площади проповедников был уже воздвигнут костер. Несчастный взошел на него, и несколько минут спустя от него остался один пепел»[43].

Гофриди, таким образом, не спасло его признание в колдовстве; но не лучше была и судьба тех, которые отличались большей стойкостью характера, как показывает история с аббатом Грандье.

«Приором монастыря был аббат Муссо, вскоре, впрочем, умерший. Спустя непродолжительное время после его кончины он однажды явился к г-же де Бельсьель ночью в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастии товаркам. Результат получился как раз обратный: вместо одной привидение стало посещать всех монахинь. В дортуаре то и дело раздавались крики ужаса, и монахини пускались в бегство. Слово „одержимость“ было пущено в ход и принято всеми. Мо-

нах Миньон, сопутствуемый двумя товарищами, явился в обитель для изгнания злого духа.

Игуменья, мадам де Бельсьель, объявила, что она одержима Астаротом, и, как только начались заклинания, стала издавать вопли и конвульсивно биться; в бреду она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья, кроме того, утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

На других одержимых, между прочим, на мадам де Сазильи, находили конвульсии, повторявшиеся ежедневно, особенно во время заклинаний.

Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле в то время, как священники со Св. Дарами в руках гнались за ними; изо рта них высовывался язык, совсем черный и распухший. Когда галлюцинации присоединялись к судорогам, то одержимые видели смущавшего их демона. У мадам де Бельсьель их было семь, у мадам де Сазильи восемь, особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакорум, Уриель, Бегемот, Дагон, Магон и тому подобные.

В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях.

В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других они переходили в сомнамбулизм и бред или в состояние полного автоматизма.

Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю».

А вот между прочим сцены, которые разыгрывались в том же монастыре под влиянием заклинаний, заимствованные из книги отца Иосифа:

«Однажды начальница пригласила отца отслужить молебен Св. Иосифу и просить его защиты от демонов во время говения.

Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквах.

Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день поклонения волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лика Богородицы. Был уже поздний час, но отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед Тем, кому поклонялись волхвы.

С этой целью он взял одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь бить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому, наконец, удалось тихо подвести ее к алтарю.

Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакоруму пасть ниц и поклониться Младенцу Иисусу; демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия.

Тогда заклинатель пропел Magnificat, и во время пения слов: „Gloria Patri“ и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой было действительно переполнено злым духом, воскликнула: „Да будет проклят Бог Отец, Сын, Святой Дух и все Небесное Царство!“. Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы, во время пения: „Ave Maria Stella“, причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалялся, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился.

Его спросили, зачем он вызывает на борьбу всемогущего Бога.

„Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим!“

Тогда он возобновил свои богохульства в еще более усиленной форме.

Отец Сюрен вновь приказал Исаакоруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и пресвятой Деве за богохульственные речи, произнесенные против них… Исаакорум не покорялся.

Последовавшее затем пение „Gloria“ послужило ему только поводом к новым проклятиям на Святую Деву.

Были еще делаемы новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакорума повиниться перед Божьею Матерью, во время которых у игуменьи появились такие сильные конвульсии, что пришлось отвязать ее от скамьи.

Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакорум, повергая ее на землю, воскликнул: „Да будет проклята Мария и Плод, который Она носила!“.

Заклинатель потребовал, чтобы он немедленно покаялся пред Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пение гимнов. Тогда демон стал извиваться, ползать и крутиться; он приблизился (то есть довел тело г-жи де Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая вид, что не хочет сойти с места; но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его исказилось и стало ужасным, голова откинулась совершенно назад и послышался сильный голос, произнесенный как бы из глубины груди: „Царица Неба и земли, прости!“».

Нетрудно представить себе, что подобные заклинания не только не действовали успокоительно на окружающих

лиц, но еще способствовали большему развитию бешенства у несчастных монахинь. В заключение следует заметить, что Луденская эпидемия урсулинок кончилась трагически, так как несчастный аббат Гардье, обвиненный в чародействе, был подвергнут ужасным пыткам и истязаниям и был в конце концов сожжен на костре. Описание пыток и казни Грандье производят потрясающее впечатление, и я, щадя нервы читателей, опускаю их здесь, тем более что это печальное событие не относится прямо к интересующему нас предмету.

Но как ни тяжела была казнь Грандье, сожженного живым на костре с раздробленными ранее голенями, она не успокоила беснующихся урсулинок, пока не было приступлено к их изолированию. «После того демоны стали еще преследовать молодых девушек в гор. Лудене. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адский Лев, Ферон и Магон. Эпидемия распространилась даже на окрестности.

Девушки в Авиньоне почти все подпали страшному недугу и обвиняли при этом двух священников в чародействе; к счастью, коадьютор Поатьевского епископа благоразумно повел дело и разъединил бесноватых.

Но еще замечательнее тот факт, что Авиньон, искони считавшийся страною пап, переполнился около этого времени одержимыми.

Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Страшная Луденская трагедия еще не изгладилась из памяти ее современников: истина относительно мученичества несчастного Грандье едва только успела выясниться, когда разнесся слух, что демоны овладели обителью св. Елизаветы в Лувье.

Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то, по крайней мере, точкой отправления для распространения недуга. Лувьевскими монахинями овладело желание посоперничать в деле набожности со своим духовным пастырем.

Они стали поститься по неделям, проводили в молитве целые ночи, всячески бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 года священник Пикар (духовник) внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие к помешательству, тогда окончательно помутились.

Их духовный отец стал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними начали делаться конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками луденских монахинь: у несчастных являлось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и пользовалось их любовью.

Вид Св. Даров усиливал их бешенство; они доходят до того, что даже плюют на них. Затем монахини катаются по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивают, как будто под влиянием пружин».

Современный богослов Лабретан, имевший случай видеть лувьевских монахинь, дает нам следующее описание их беснований:

«Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия страшное отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительною смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги, без помощи рук, так что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе; они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных крив-

ляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение четырех часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволновано, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжающегося полчаса и более, у них незаметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ноги, потом ступни и сами ноги, а за ними живот, грудь, шея; но все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Это описание не оставляет сомнения в том, что дело идет в данном случае о проявлениях большой истерии, хорошо изученной за последнее время, особенно со времени классических трудов Charcot и его учеников.

Эпидемии кликушества и порчи

Наше современное кликушество в народе не есть ли тоже отражение средневековых демонопатических болезненных форм? И здесь влияние внушенных ранее привитых идей на проявление болезненных состояний неоспоримо.

Известно, что такого рода больные во время церковной службы при известных возглашениях подвергаются жесточайшим истерическим припадкам.

И здесь повторяется то же, что было и в средние века. Несчастные больные заявляют открыто и всегласно о своей бесоодержимости; во время же припадков говорят как бы от имени сидящего в них беса. Между прочим, одна

из недавних эпидемий кликушества развилась с чрезвычайной быстротой во время свадебного пиршества в с. Б. Петровском Подольского уезда Московской губернии и охватила 15 лиц, участвовавших в пире[44]. Другая эпидемия, развившаяся несколько лет спустя также во время свадебных пиршеств и также в Подольском уезде Московской губернии, ограничивалась четырьмя лицами[45]. Литература наша обладает вообще многочисленными описаниями эпидемий кликушества, но из них лишь немногие были предметом медицинского наблюдения.

Всех лиц, которые пожелали бы в исторической последовательности проследить у нас развитие эпидемии этого рода, мы отсылаем к книге Краинского «Порча, кликуши и бесноватые» (Новгород, 1900), которому пришлось исследовать по поручению Медицинского департамента одну из эпидемий такого рода, развившихся несколько лет тому назад в Смоленской губернии. См. также сообщение д-ра Никитина (из нашей клиники) «К вопросу о кликушестве» (Научн. собр. вр. клин. душ. и нервн. бол. 1903), в котором описаны кликуши с их припадками и приведены результаты их исследования. Нет сомнения, что эти эпидемии всегда и везде развивались под влиянием поддерживаемого в народе верования о возможности порчи и бесоодержимости, в чем немалую роль сыграло наше духовенство. Для пояснения того, какую роль играет внушение и самовнушение при развитии эпидемий порчи и кликушества, я приведу здесь из сделанного мною к вышеуказанному сочинению предисловия ниже следующие строки.

Не подлежит сомнению, что психическая сторона так называемых порчи и кликушества, как и бесноватости, черпает свои особенности в своеобразных суевериях и религиозных верованиях народа. Этим объясняется не только характер бредовых идей о порче, о вселении нечистой силы вовнутрь тела, но и все другие характерные явления в поведении кликуш, порченых и бесноватых, так, напри-

мер, их своеобразная боязнь всего, что верою народа признается святым, наступление припадков в церкви при пении «херувимской», при известных молитвословиях во время служения молебнов и при отчитывании, их выкликания и непереносимость того лица, которое они обвиняют в порче и в причинении им бесоодержимости, часто наблюдаемая наклонность к произношению бранных и неприличных слов, поразительное богохульствование и святотатственное поведение против икон, склонность некоторых из кликуш к прорицанию и т. п. Сюда принадлежит и боязнь табаку, наблюдаемая у некоторых кликуш, как заимствование от сектантов. Известно, что курение табака, по взгляду многих сектантов, которых народ вообще именует «еретиками», есть дело рук антихриста, а потому они не только не употребляют табака, но и не допускают его в свои избы. Поэтому боязнь табака у кликуш выражает как бы принадлежность их к ереси, что в глазах простого народа почти равносильно богоотступничеству.

Ввиду всего только что сказанного нельзя не согласиться с тем, что кликушество и порча в значительной мере обязаны своим происхождением бытовой стороне жизни русского народа. Очевидно, что своеобразные суеверия и религиозные верования народа дают психическую окраску того болезненного состояния, которое известно под названием порчи, кликушества и бесноватости.

Глубоко интересен вопрос о развитии порчи, кликушества и бесоодержимости в нашем народе. В этом отношении играет, по-видимому, огромную роль невольное внушение, испытываемое отдельными лицами при различных условиях. Описание бесноватости в священных книгах, рассказы о порче и бесоодержимости и вера в колдунов и ведьм, передаваемые из уст в уста среди простого народа, особенно же поражающие картины кликушества и бесоодержимости, которые приходится видеть русской крестьянке в церкви, — картины, которые надолго запечатлеваются в душе всякого, кто имел случай наблюдать

неистовство кликуш и бесноватых, особенно же их неслыханные богохуления и осквернение святынь, действуют на расположенных лиц наподобие сильного и неотразимого внушения. Еще более поражающим образом должны действовать тягостные картины беснования кликуш во время публичных отчитываний, которые даже и при счастливом исходе в смысле исцеления от кликушества еще более укрепляют в простом народе веру в бесоодержимость. В этом отношении глубоко знаменательно замечание автора, что большую, если не первенствующую, роль в развитии кликушества в России играют монастыри, особенно московские и окрестных губерний.

Будучи сам свидетелем такого рода отчитываний бесноватых в отдаленных монастырях Европейской России, я вполне разделяю взгляд автора о значении монастырей как распространителей порчи и бесоодержимости в населении.

При существовании религиозного внушения о возможности порчи и бесоодержимости, очевидно, достаточно для предрасположенной личности уже самого незначительного повода, чтобы развилась болезнь. Если такая личность случайно взяла из рук подозреваемого в колдовстве лица какую-либо вещь или поела его хлеба, выпила воды или квасу из его рук, или даже просто встретилась с ним на дороге, — всего этого уже достаточно, чтобы болезнь развилась в полной степени. Иногда даже простое воспоминание о тех или других отношениях к мнимому колдуну или ведьме действует наподобие самовнушения о происшедшей уже порче, и с этого момента впервые развиваются стереотипные болезненные проявления, которые затем, повторяясь при соответствующих случаях, укрепляются все более и более.

Само собою разумеется, что рассматриваемые состояния при благоприятных условиях легко могут принимать эпидемическое распространение, которое вообще случается нередко при появлении кликуши в том или другом

месте; поводов для развития эпидемий в таких случаях может быть множество.

Одна кликуша, как было, например, в с. Ащепкове, во время церковной службы заявляет, что кликать будут вскоре и другие, и уже этого заявления достаточно, чтобы расположенные женщины при общей поддержке убеждения, что в среде их завелся колдун или ведьма, подверглись затем кликушным припадкам. В других случаях достаточно нечаянно произнесенного слова или дурного пожелания кому-либо в ссоре, которое, действуя подобно внушению, вызывает затем действительное болезненное расстройство, вселяющее в заболевшем лице и в окружающих его убеждение, что появившееся болезненное расстройство дело рук ведьмы или колдуна, и уже почва для развития эпидемии кликушества и порчи в населении готова.

Так или приблизительно так дело происходит во всех вообще местах, где развиваются подобные же эпидемии. В этом отношении особенно интересна та поразительная внушаемость, которая, по наблюдениям автора, появляется у кликуш, и то обстоятельство, что у многих из них наблюдаются довольно глубокие степени гипноза, напоминающие, по крайней мере отчасти, те истерические формы гипноза, которые демонстрировал покойный профессор Charcot в парижском Сальпетриере.

Только что указанный факт, без сомнения, достоин большого внимания, и притом не только с точки зрения происхождения болезненного состояния, о котором идет речь, но и с точки зрения лечебного значения гипнотического внушения при порче и кликушестве.

Сам народ инстинктивно ищет исцеления от своего недуга, приобретенного, как было выяснено, путем внушения, не столько в лекарственной медицине, сколько в молитвословиях и в отчитывании в монастырях и в других религиозных обрядах и церемониях или же идет к знахарям или так называемым колдунам, где также лечится на-

говорами. Очевидно, что внушение, систематически проведенное при условии разобщения кликуш друг от друга и обособлении их от здоровых или освободившихся от припадков с целью устранения от взаимовнушения и влияния одних на других, является одним из важнейших лечебных мероприятий, к которым отныне следует прибегать в каждом случае эпидемии кликушества, порчи и бесноватости.

Само собою разумеется, что порча касается не одних женщин, но и мужчин, и такие лица, получившие порчу по влиянию какого-либо дурного человека и до сих пор слывут в темной массе русского народа под названием «порченых» или «бесноватых».

Во время отчитываний, которые производятся над такого рода больными еще и теперь в монастырях нашей глухой провинции, можно видеть те ужасные корчи, которым подвергаются такого рода бесноватые при производстве над ними заклинаний, причем дьявол, вошедший в человека, может быть вызван на ответы и не скрывает своего имени, горделиво называя себя во всеуслышание «Легион» или «Вельзевул» или какими-либо другими библейскими именами.

Все эти сцены, которых очевидцем мне приходилось быть неоднократно, без сомнения, являются результатом внушенных идей, заимствованных из Библии и народных верований. Вряд ли можно сомневаться в том, что, если бы наши кликуши, которых встречается немало в наших деревнях, жили в средние века, то они неминуемо подверглись бы сожжению на костре. По указанию П. Якобия, в одной Орловской губ. за 1899 год было более тысячи кликуш[46].

Впрочем, кликушество в народе хотя еще и по сие время заявляет о себе отдельными вспышками эпидемий в тех или других местах нашей провинции, но, во всяком случае, в настоящее время оно уже не приводит к развитию тех грозных эпидемий, какими отличались средние века, когда воззрения на могучую власть дьявола и

бесоодержимость были господствующими не только среди простого народа, но и среди интеллигентных классов общества и даже среди самих судей, которые были призваны для выполнения над колдунами правосудия и удовлетворения общественной совести.

Другие психопатические эпидемии религиозного характера

До сих пор еще не лишены важного социального значения другого рода психопатические эпидемии религиозного и иного характера, которые выражаются развитием странных заблуждений в народе, носящих явные психопатические черты.

Такого рода психопатические эпидемии случались и случаются еще и поныне в разных странах. Описание этих эпидемий мы можем найти между прочим у Сиерке, Эбеля, Сталль, Резенфельда, Шлихтегролля, Хеннеберга, Сильмиллера'а и др.[47]

У нас в России также было описано несколько психопатических эпидемий религиозного характера, на которых мы остановимся ниже. Вообще психопатические и истерические эпидемии до сих пор еще происходят в населении, а также в монастырях и школах и особенно в закрытых учебных заведениях. Не далее как в 1878—1879 году в итальянском местечке Верценьис недалеко от Удины разыгралась эпидемия бесоодержимости, приведшая к возбуждению населения, успокоение которого потребовало применения даже военной силы.

Из религиозных эпидемий между прочим достойны внимания американские религиозные движения, известные под именем возрождения. Заимствуем описание этих эпидемий из книги Б. Сидиса:

«В 1800 году волна религиозной мании прошла по стране и достигла высшей степени в знаменитых Кентукк-

ских возрождениях. Первый митинг под открытым небом происходил в Cobin Creek. Он начался 22 мая и продолжался четыре дня и три ночи. Крики, песни, молитвы, возгласы, припадки конвульсий превратили это место в пандемониум. Старавшиеся уйти или принуждены были вернуться, как бы влекомые какой-то таинственной силой, или падали в судорогах на дороге. Язва распространялась, свирепствуя с неутихающей яростью. Семьи приезжали из дальних местностей, чтобы присутствовать на митингах. Обыкновенно полевые митинги продолжались четыре дня, от пятницы до утра вторника, а иногда они тянулись целую неделю. Один быстро следовал за другим. Народ оживлял леса и дороги, ведущие к местам сборищ. „Кабатчик, — пишет д-р Давидсон, — бросал свою работу, старик хватался за костыль, юноша забывал свои развлечения, плуг был оставлен в борозде; зверь наслаждался отдыхом в горах; все дела остановились; смелые охотники и солидные матросы, молодые люди, девушки и малые дети стекались к общему центру притяжения“. На одном из этих митингов присутствовало 20 тысяч народу.

Общий митинг в Indian Creek Harrison Cannty продолжался около пяти дней. Сначала было спокойно. Но внушение не замедлило прийти, и на этот раз оно было дано ребенком. 14-летний мальчик взобрался на обрубок и начал жестоко безумствовать, он скоро привлек к себе главную массу народа. Побежденный могучими эмоциями, маленький мальчик поднял руки и, роняя платок, омоченный слезами и потом, воскликнул: „Так, о грешник, ты полетишь в ад, если не отступишь от своих грехов и не вернешься к Господу!“. В этот момент некоторые упали на землю, „подобно пораженным в битве, и дело пошло дальше так, что язык человеческий не в состоянии описать“. Тысячи людей извивались, корчились и метались в припадках религиозного исступления. Так сильна была зараза „возрождения“, что даже индифферентные зрители, насмешники и скептики, поражались ею и присоединялись к

неистовствам безумных религиозных мальчиков и впадали в сильные конвульсии религиозной истерии»[48].

По словам проф. Д. В. Жанделя: «Во многих местах религиозная мания принимала форму смеха, пляски и лая или превращения в собаку. Целые собрания бились в судорогах с истерическим смехом во время богослужения. В диком бреду религиозного исступления люди принимались плясать и, наконец, лаять по-собачьи. Они принимали собачьи позы, ходя на четвереньках, рыча, щелкая зубами и лая с такою точностью подражания, что обманули бы того, кто не глядел на них. И терпевшие такую позорную метаморфозу не всегда принадлежали к простонародью; напротив того, лица высшего положения в обществе, мужчины и женщины культивированного ума и приличных манер были через сочувствие доводимы до этого унизительного состояния».

Подобные же эпидемии возрождения случались в Америке неоднократно. Прекрасное описание большой эпидемии возрождения, приведшей к половым союзам, мы находим у Альберта Родса.

«Что обыкновенно называют „Великим американским возрождением“, — говорит этот автор, — началось одновременно в Нью-Хейвене и Нью-Йорке в 1832 году и, повидимому, не было делом отдельного лица или лиц, но явилось в полном смысле народным движением. Оно носилось в атмосфере, было в умах людей. Эпидемия разрасталась и свирепствовала подобно пожару в одной части страны, известной у старожилов под именем „сожженного округа“. Особенно же она выразилась по берегу озера Онтарио и в областях Мэдисон и Онейда.

Характерные признаки сопровождали эту духовную бурю. Бальные залы обращались в места молитв, театры в церкви… Логически рассуждавшим священникам говорили, что они держат губку с уксусом у засохших губ грешников, вместо того чтобы вести их к источнику жизни, из которого они могли бы пить вдоволь. С ними по-

ступали, как обыкновенно при этих движениях — отстраняли, чтобы дать место новым толкователям и пророкам, крикунам и невеждам, полным веры, которые днем и ночью проповедовали о грядущем гневе и золотых улицах нового Иерусалима.

Из этой религиозной мании выросло яблоко Содома; последователи его скоро стали не способны ко греху… „И когда человек начнет сознавать, что его душа спасена, — провозгласил один из духовных вождей, — первое, что он предпринимает — это найти свой рай и свою Еву". Вожди не могли найти ни рая в своих собственных домах, ни Ев в своих женах и искали своих „близких" на стороне»… В конце концов, «старые связи были порваны, Царство небесное было под рукой. Старые правила больше не связывали; старые обязанности были устранены. Мужчины и женщины выбирали себе небесных сотоварищей, невзирая на супружеские связи.

Сначала такие союзы должны были быть чисто духовного характера, но, конечно, в конце приняли характер половой связи. В непродолжительном времени духовное единение было найдено неполным и приняло обычный характер отношений, которые существуют между мужчиной и женщиной, живущими в близком соприкосновении друг с другом. Мужчины, жившие с чужими женами, и жены, жившие с чужими мужьями, произвели странное смятение… Детей покинули их естественные покровители.

Из этого вышло худшее. Мужчины и женщины открыли, что они сделали ошибки в своих духовных союзах и, прожив несколько времени вместе, они разделялись, чтобы сделать новый выбор. Потом в сравнительно короткие периоды они сделали еще новые выборы, и доктрина духовного союза таким образом неизбежно исчезла в большом беспутстве».

Далее в 1840 году развилась так называемая Миллеровская эпидемия, основанная на предсказании, сделанном Уильямом Миллером о времени, когда «Господь явит-

ся на небесах» и когда наступит вместе с тем конец всему. Нашлись, конечно, как всегда, приверженцы и началась проповедь, которая быстро распространила учение. Заблудшие оставили свои занятия, побросали имущество, оставили свои семьи и сами собирались на молитвенные митинги в ожидании «великого дня».

«С приближением времени великого denouement митинги усилились: их моления были слышны далеко кругом; число прозелитов увеличивалось, крещение совершали не окроплением, а погружением, которое часто своей продолжительностью лишало жизни. Был получен дар языков; белоснежные платья для вознесения были готовы; собственность роздана, и утром „великого дня“ с приготовленными сердцами в безукоризненно белых одеждах они вышли встречать „Жениха“. Некоторые, не довольствуясь встречей Его на земле, влезали на деревья, чтобы первым приветствовать его приближение.

День, предсказанный в первый раз, прошел спокойно… Велико было разочарование последователей учения Миллера: целые недели и месяцы их жизни были потеряны, дела порваны, собственность пропала. Но как бы для того, чтобы еще сильнее показать могущество религиозного фанатизма над умами, они еще упорнее укрепились в заблуждении, опять „исследовали писания“ и счастливо нашли свою ошибку. Нужно было в своих вычислениях основываться на известном дне и часе иудейского 1844 года, а не на соответственном годе нашего календаря. Радостные вести разлетелись по царству миллеризма, и последователи его стали ревностнее и пламеннее прежнего». В заключение следует упомянуть, что эпидемия не улеглась и по прошествии второго срока, оказавшегося такой же химерой, как и первый.

Известны также большие религиозные эпидемии среди евреев, основанные на предсказании о вторичном пришествии Мессии.

Наиболее значительной из таких мессианских эпидемий является Саббатайская эпидемия. «В 1666 году в Рош Гашана (иудейский новый год) один еврей по имени Саббатаи Зеви всенародно объявил себя долгожданным мессией. Евреи возликовали от этой радостной вести и в пылу веры в безумии религиозного опьянения пламенно восклицали: „Да здравствует царь иудейский, наш мессия!“. Маниакальный экстаз овладел их умами, мужчины, женщины, дети стали истеричными. Дельцы бросали свои предприятия, работники — свои ремесла для того, чтобы отдаться молитве и покаянию. Днем и ночью в синагогах раздавались вздохи, крики, рыдания. До такой силы дошла религиозная мания, что все раввины, противящиеся ей, должны были спасать бегством свою жизнь. Среди персидских евреев возбуждение дошло до того, что все иудеи-землепашцы прекратили свои работы в полях. Даже христиане смотрели на Саббатаи со страхом, потому что подобное явление предсказано на апокалипсический год. Молва о Саббатаи разошлась по всему свету. В Польше, в Германии, в Голландии и в Англии самые серьезные евреи забывали на бирже свои дела для того, чтобы толковать об этом удивительном событии. Амстердамские иудеи посылали в Левант запросы своим торговым агентам и получали краткий выразительный ответ: „Это не кто иной, как Он!“.

Везде, куда приходили послания мессии, иудеи устанавливали посты по кабалистическим наставлениям пророка Натана, а потом предавались большим неистовствам. Еврейские общины Амстердама и Гамбурга отличались нелепостью религиозных сумасбродств. В Амстердаме евреи ходили по улицам со свитками Торы, пели, скакали и плясали, как одержимые. Сцены еще более шумные, непристойные, дикие разыгрались в Гамбурге, Венеции, Легорне, Авиньоне и многих других городах Италии, Германии, Франции и Польши. Могущество религиозной мании дошло до такой высоты, что даже столь ученые люди, как

Исаак Абоаб, Моисей Агвиляр, Исаак Ноар, богатый банкир и писатель Авраам Перейра и спинозист Вениамин Музафиа стали горячими приверженцами мессии. Кажется, сам Спиноза с большим интересом следил за этими странными событиями.

Более и более усиливалась религиозная мания. Во всех частях света появлялись пророки и пророчицы, осуществляя еврейскую веру во вдохновенный дух мессианского времени. Мужчины и женщины, мальчики и девочки извивались в истерических судорогах, выкрикивая хвалу новому мессии. Многие бродили в безумном пророческом восторге, восклицая: „Саббатаи Зеви истинный мессия племени Давида, ему даны венец и царство!".

Евреи, казалось, совсем потеряли голову. Богачи отовсюду стекались к Саббатаи, отдавая в его распоряжение свои богатства. Многие продавали свои дома и все имущество и отправлялись в Палестину. Так велико было число пилигримов, что стоимость путешествия значительно возросла. В больших коммерческих центрах торговля совсем остановилась: большинство иудейских купцов и банкиров ликвидировали дела. Вера в божественную миссию Саббатаи стала религиозным догматом, столь же важным, как догмат об единстве Божием. Даже когда Саббатаи был принужден султаном принять магометанство, даже тогда мистическая мессианская эпидемия не ослабела. Многие упорно отрицали самый факт вероотступничества: это не он, это его тень приняла мусульманство. По смерти Саббатаи появился новый пророк, Михаил Кордозо. Как пожар распространялось его учение, не смотря на явную нелепость.

„Сын Давида, — говорил он, — придет тогда, когда Израиль или весь будет свят, или весь будет грешен". Так как последнее гораздо легче первого, то он призывал всех верных детей Израиля ускорить пришествие Мессии принятием магометанства. Весьма многие с благочестивым рвением последовали его совету»[49].

Параноик Малеванный как виновник своеобразной психопатической эпидемии

Об одной психопатической эпидемии религиозного характера, развившейся у нас за последнее время на юге и известной под названием малеванщины, я могу сказать несколько подробнее, так как самое развитие эпидемии было более или менее близко прослежено лицами, специально знакомыми с душевными болезнями.

С самого начала я остановлюсь на виновнике этой эпидемии Кондрате Малеванном, несомненно психически больном субъекте, над которым я читал клиническую лекцию в Казанской Окружной лечебнице в течение зимы 1892—1893 годов еще до появления прекрасной брошюры проф. И. А. Сикорского и уже тогда подробно разобрал как саму болезнь К. Малеванного, так и возникшую под влиянием его учения психопатическую эпидемию по присланным в лечебницу документам и собранным сведениям[50]. Благодаря этому я имею возможность представить довольно полную историю болезни этой своеобразной и достойной внимания личности.

Кондрат Малеванный, 48 лет, малоросс, из мещан г. Таращи Киевской губ., неграмотный, женат, имеет семь детей, колесник, принадлежал к секте штундистов, был доставлен 31 марта 1892 года в Кирилловские богоугодные заведения, около г. Киева, как больной хроническим помешательством, распространявший среди народа лжеучение, известное под названием секты малеванцев[51]. В брошюре проф. И. А. Сикорского мы находим следующие сведения о Малеванном, почерпнутые на основании данных исследования в Кирилловских богоугодных заведениях:

«Малеванный человек худощавый, высокого роста, с резкими чертами лица и резкими решительными жестами, говорит плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потоком собственной речи.

Родители Кондрата Малеванного злоупотребляли спиртными напитками; сам он, начиная с молодых лет, тоже предавался весьма неумеренному употреблению спиртных напитков, что продолжалось до сорокалетнего возраста его жизни.

Малеванный всегда был чувствительным к действию спиртных напитков, издавна страдал бессонницею, частыми приступами тоски, и ему нередко настойчиво приходила в голову мысль о самоубийстве.

С появлением в Юго-Западном крае штундовства Малеванный, томившись чувством болезненного беспокойства, искал перемены, и, казалось ему, желаемый исход находится в этой новой вере. Малеванный оставил православие и с 1884 года стал штундистом.

Он сделался ревностным последователем секты, перестал злоупотреблять спиртными напитками, усердно предавался штундовским религиозным упражнениям и среди молитвы и пения легко доходил до экстаза.

Состояние возбуждения, к которому его организм издавна привык и которое в течение многих лет достигалось употреблением спиртных напитков, теперь стало заменяться религиозным упражнением, проповедью и экстазом.

После нескольких лет такой жизни Малеванный стал страдать галлюцинациями обоняния и общего чувства. Это случилось в 1889-м или в 1890 году.

Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, не сравнимые ни с какими ароматами на земле, и Малеванный объяснял это необычайное явление близостью Св. Духа. Это был, по мнению Малеванного, запах Св. Духа.

Вскоре затем Малеванный стал испытывать во время молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости тела; ему казалось, что он отделяется от земли, вследствие чего он стал во время молитвы невольно поднимать руки, как бы с целью содействовать этому необыкновенному подъему. По словам Малеванного, и сам

он чувствовал свой подъем, и окружающие видели, что он отделяется от земли вершков на пять.

Вскоре у Малеванного сформировался бред. Он убеждал, что в нем находится Св. Дух и что все, что он делает и говорит, исходит от Св. Духа.

Он также находится в постоянном и непосредственном общении с Отцом (то есть Богом Отцом).

Кроме того, Малеванный считает себя Иисусом Христом, Спасителем мира, Евангельский же Христос, по его мнению, не был историческою личностью, и все сказания о Евангельском Христе суть только пророчества о нем — Малеванном.

Доказательства своей божественности Малеванный видит в появлении того, что он называет *„свидетельствами“,* а именно, в поднятии его тела на воздух, в появлении божественных запахов и в появлении ярких звезд, которых никогда раньше не было видно и которые видел, как он сам, так равно видели в 25 государствах, что, по словам Малеванного, и описано в газетах целого света.

Уже в 1890 году у Малеванного во время молитвы и поднятия рук стали дрожать руки, а затем дрожания и судороги распространились и на другие части тела.

Малеванный объяснял это вхождением в него Св. Духа, так как, по его словам, он был совершенно не причастен этим движениям, происходившим помимо его воли.

Дрожание и трясение Малеванного, которое нередко было ритмическим, производило большое влияние на простодушных окружающих Малеванного его поклонников.

Во время общих молитв в ту пору, когда Малеванный начинал дрожать (*„трястись“,* по местному выражению), у некоторых присутствующих, особенно женщин, являлись также вздрагивания и судороги.

С этого времени вздрагивания сделались почти неизбежной принадлежностью молитвенных собраний, имевших место в присутствии Малеванного, отчасти и без него.

Уже с 1890 года Малеванный стал заменять молитву, которой прежде предавался, проповедью, в которой он утверждал, что он Спаситель мира, что скоро наступит страшный Суд, в котором он будет судить людей, и потому он приглашал всех к покаянию.

В 1891 году Малеванный был по распоряжению властей освидетельствован относительно умственных способностей и помещен в психиатрическое отделение при Кирилловских богоугодных заведениях в Киеве.

По тщательном исследовании, он оказался страдающим паранойей, уже перешедшей в хроническое состояние.

В течение своего более нежели годичного пребывания в больнице Малеванный постоянно обнаруживал описанные выше идеи бреда, по временам был подвержен галлюцинациям и, приходя в возбужденное состояние, импровизировал или чаще цитировал отрывки из того, что когда-либо было им читано и усвоено заучиванием.

Речь его носит характер автоматического потока фраз, сопровождаемых одними и теми же движениями, жестами и интонацией.

Течение его мыслей лишено последовательности. Такой же характер носит и так называемое Евангелие Малеванного — это записанная его поклонниками с его слов импровизация, не лишенная лирического оттенка, но лишенная последовательности, логического и грамматического смысла.

При исследовании физического состояния Малеванного обращает на себя особенное внимание извилистость черепных сосудов и налитие их кровью, что особенно резко выражается, как только Малеванный начинает говорить или проповедовать, хотя он при этом и не бывает возбужден. Очевидно, что это налитие кровью не есть следствие эмоционального возбуждения, а должно быть отнесено к другим причинам (вероятно, к алкоголизму, которым страдал сам Малеванный и его родители)».

Так как последователи не оставляли Малеванного в покое и во время пребывания его в Кирилловских богоугодных заведениях, приходили слушать его проповедь к окнам и заборам больницы, то К. Малеванный по распоряжению начальника края был выслан из г. Киева этапным порядком в г. Казань для помещения в Окружную лечебницу, где он и был всесторонне исследован, как врачами лечебницы, так и мною. Ввиду этого мы дополним вышеприведенные данные о Малеванном сведениями, почерпнутыми из листка психиатрической клиники при Казанской окружной лечебнице, опуская все то, о чем было уже упомянуто нами ранее.

Речь Малеванного и здесь сохранила вышеописанный характер, она была несколько ускорена, не всегда последовательна, пересыпалась иногда извращенными текстами из Священного Писания и вообще носила на себе характер проповеди или поучения. С врачами Малеванный всегда охотно беседовал.

О себе он передал, что с детства был внимательным и задумчивым. Когда он вырос и стал понимать отношения людей друг к другу, то они казались ему странными, повсюду он видел ложь и обман, и это обстоятельство его нередко волновало, и в его уме являлись вопросы: почему люди живут так безнравственно, где же Бог, могущий устранить все это и заставить людей жить в мире и согласии.

Будучи недоволен христианской религией, он десять лет тому назад перешел в секту штундистов и стал еще более задумываться о безнравственной жизни окружающих.

Многих из них он старался помирить; стал восставать против дурных людских отношений и проповедовал всеобщий мир и любовь.

Окружающие стали над ним подсмеиваться и малопомалу начали его преследовать. Так, например, когда он шел по улице, он замечал, что над ним насмехаются, издеваются, хулят его, клевещут на него и вообще его преследуют.

Это преследование распространялось не только на него, но и на его жену и детей, когда, например, они отправлялись за водой, их бранили и били.

По словам больного, он чувствовал призвание к своей проповеднической деятельности уже шесть лет назад, но в то время не мог еще хорошенько понять, что он будет иметь такое великое назначение и обладать такой божественной силой, какая в нем теперь имеется.

В 1887—1888 году к нему часто являлись различные лица, по его выражению, философы и миссионеры то под видом священников, то чиновников из Петербурга, и вели с ним беседы.

Во время этих бесед его душа испытывала особенно радостные ощущения, а у беседовавших часто капали слезы от жалости к нему за перенесенные и испытываемые им страдания. На расспросы о своих преследованиях он иногда заявлял, что все будет подробно описано в Пророчествах и что Дух Божий его называет сыном и уговаривает его без боязни идти всюду, куда бы его ни повели. После этого он стал еще усерднее проповедовать свое учение, заявляя, что все, о чем он говорит, принадлежит не ему, а духу, поселившемуся в нем. С этим духом он вел и теперь еще часто ведет беседы, причем дух говорит ему обыкновенно не прямо, а примерами.

Полагает, что преследования его происходят главным образом со стороны попов, которые неоднократно приходили к нему, уговаривая принять от них благословение. Но так как все эти уговоры оказались напрасными и совратить с истинного пути его не удалось, то им стало досадно, что Христос проявился не в их среде, а в нем, простом человеке.

Он уверяет, что по подстрекательствам попов народ стал преследовать не только его, но и его последователей, а полицейские забирали этих последователей и убивали. Они бы убили его, если б имели на то силу. Нередко его уводили в участок и там подвергали мукам.

Однажды его в участке били в продолжение четырех часов, до тех пор, пока сами не устали. Били жестоко, дергали его за голову, за зубы и пр. Видя, что это не приводит ни к чему, они стали ему совать в нос табак и другие гадости, и, несмотря на все эти мучения, он лежал недвижим, и тело его было неуязвимо.

После этих мучений четыре гонителя уверовали в него и заявили, что это не простой человек. Об этом факте, как и о многих других, было предсказано в пророчествах.

Сущность учения Малеванного, как она выясняется по его заявлениям во время пребывания в Казанской окружной лечебнице, заключается в следующем:

Дух Божий от сотворения мира носился над вселенной, отыскивая безгрешного человека. Этот дух Божий нередко спускался на некоторых людей и отчасти соединялся с ними, вследствие чего они приобретали дар пророчества и писали пророческие изречения, но это соединение было временное, и Дух Божий опять витал над вселенной.

Теперь этот Дух Божий сошел и поместился в нем, Кондрате Малеванном, почему он и есть истинный спаситель мира Иисус Христос.

Вследствие этого соединения он получил особенную Божественную силу: он, Малеванный, может, например, говорить и проповедовать на всех языках, он обладает способностью угадывать мысли и желания всех окружающих людей и т. п. Все, что бы он теперь ни говорил или делал, принадлежит не ему, а поместившемуся в его теле высшему духу.

Находясь под непосредственным покровительством этого духа, он решил обратить в истинную веру всех неверующих-раскольников.

Раскол, уже приведший к различным религиям на земле, произошел следующим образом:

Было священное писание и пророчества, но уже в этих пророчествах вкрались ошибки, и одна из самых главных

ошибок заключается в том, что везде поставлено слово «было» вместо «будет». Сказано: «был Христос, страдал и умер», а надо читать: «будет Христос, будет страдать и т. д.».

Это Священное Писание всем простым и неопытным людям читать не следует, так как в нем они, как в море или в пустыне, могут заблудиться или утонуть, а потому люди должны слушать только то истинное толкование, которое дает им он.

Вследствие упомянутой неясности и извращенности пророчества произошло то, что нашлись люди, которые из этого писания начали выбирать только те «штрихи», которое им нравились и были полезны, все же другое, не подходящее, они отбрасывали в сторону.

Таких людей нашлось много, и каждый из них образовал новую, конечно, извращенную, религию и стал зазывать к себе в последователи доверчивых людей.

Таким образом сложились магометанская, еврейская, «польская», немецкая, православная и многие другие религии, а их хитрые руководители назывались: мулла, раввин, ксендз, поп и т. д.

Люди, как овцы, шли, гонимые каким-нибудь одним заблудившимся пастухом, или как целое стадо овец, манимое маленьким кусочком хлеба, не зная, куда и зачем, быть может, на бойню, где «толстошейный» поп или ксендз высосет из них кровь в свою пользу.

Далее Малеванный осуждает поступки и действия этих пастырей и ставит вопрос: «Какие же они руководители? Каждый начальник прежде всего должен быть строг и справедлив. Посмотрите, каждый полицейский за какой-нибудь безнравственный поступок тащит человека в часть и там возлагает на него наказание. А поп что делает? Какие грехи ему ни говори — он все произносит: „Прощаю и разрешаю — Бог простит“. Что же из этого выходит? Выходит только то, что он потворствует злу».

Малеванный проповедует, что скоро наступит кончина мира, вся жизнь каждого человека, его поступки и гре-

хи будут ясны для всех, как солнечный свет, и они понесут должное наказание; желая спасти этих несчастных, он и обращается к ним с проповедью. Все умершие не воскреснут, а последователи его будут жить вечно.

Он уговаривает всех жить в мире и согласии, ввиду скорой кончины не заботиться о материальном благосостоянии: все лишнее продать, иметь общую братскую кассу, из которой каждый неимущий мог бы брать, сколько ему нужно; оставить полевые и другие работы и все время посвящать молитве и слушанию его божественного слова. Такие последователи нашлись и, собираясь в его доме, подолгу молились. 15 ноября 1889 года во время такой усердной молитвы со своею братией (человек 18) на нем проявилось чудо-наитие святого Духа. Малеванный поясняет, что это было в присутствии полицейских и других посторонних лиц, причем исполнилось все в точности, как сказано в пророчестве.

Вдруг его голова стала отделяться от тела и невидимою, как бы электрическою силою, подниматься кверху, тело же оставалось на месте, и руки продолжали быть сложенными на молитву. В сердце ощущалось какое-то особенное радостное трепетание, а в глазах разливался темный цвет; затем голова опустилась снова на свое место, и он продолжал молиться.

На дворе в это время был туман, и несмотря на то ясно были видны звезды и особенно одна, о которой говорится в священном писании, что ее видели Волхвы (по Малеванному неверно: надо читать «увидят»). Эта звезда была видна во всех 25 государствах, и действительно волхвы-астрономы ее не просмотрели: вскоре из Африки и Америки были получены телеграммы, что появилась новая звезда, доказывающая появление Христа, и мы-де веруем. Эта звезда, как особая благодать Божия, переселилась потом в его тело. Затем впоследствии, когда он был арестован, в киевских газетах было пропечатано, что мы приняли Христа, называемого Кондрат Малеванный.

Далее Малеванный рассказывает, что за сорок дней до этого чудесного над ним проявления он молился и постился. С этого времени он окончательно бросил все свое домашнее хозяйство, потому что при всяком физическом труде у него появлялась сильная слабость и дух, поселившийся в нем, не позволял сосредотачиваться над работой.

Через неделю после первого проявления Божественной благодати над ним совершилось второе: его тело начало распинаться; руки были как бы прибиты, а само туловище как бы поднималось в воздухе и слегка покачивалось. В сердце в это время ощущались вопросы и ответы; например, вопрос: какая будет кончина мира? Ответ: будет новый завет, и новая жизнь бесконечная и радостная… В прошлом году, когда он особенно сильно страдал, 17 мая померкла луна, а 25 мая — солнце, это продолжалось недолго и сменилось видением столба, одна половина его была совершенно черного, как смола, цвета, а другая темно-огненная («как будто огонь был смешан с сажей»). При этом видении в него уверовали некоторые полицейские и сказали: «Действительно, он святой человек».

В последнее время появились четыре новых звезды, расположенных на небе крестообразно. Все эти чудеса и знамения предвещают скорую кончину мира. Об этом Малеванный рассуждает так: «Сейчас по божеству ночь, люди ходят и живут, не зная своего пути — как ночью, но скоро придет время, когда поступки всех людей так же ясно будут видны, как днем мы видим дорогу, тогда они все познают Бога и будут испытывать духовную борьбу, то есть муку о своих грехах.

Люди грешные и строптивые будут испытывать эту борьбу в течение шести лет, а люди, уверовавшие в него, только в течение одного года, потому что их страдания искупил он — Христос, который в течение сорока лет за них проливал в молитве пот и слезы.

По истечении шести лет, проведенных в посте и молитве, все получат обновление, узнают, что душа их бессмерт-

на, и войдут в Божий мир. Тогда явится Божественная сила, не описанная ни в какой книге, бренное тело исчезнет, души не будут переселяться в новые бренные тела, а будут только видимы друг для друга, как звезды небесные в бесконечные времена и на бесконечном пространстве.

Все живущее на земле умрет, и останутся только тела нетленные (камни, деревья и травы). Видимые ныне звезды — это души небесные. В прошедшие времена они иногда испускали свои лучи на избранных людей — пророков, и, вследствие вхождения этих лучей во внутренность таких избранников, они получали дар предсказания.

После вышеуказанных видений и наития на Малеванного Св. Духа число его последователей еще более увеличилось, они шли напролом, не обращая внимания на приставленную к его дому стражу. В силу этого по распоряжению Киевского генерал-губернатора он был взят и посажен в Кирилловское богоугодное заведение».

Малеванный сообщил далее, что он имеет жену и семерых детей в возрасте от семи до двадцати лет. Все его дети обладают пророческим духом и, несмотря на то, что они учились только в простой школе, они обладают большей премудростью, чем все прочие люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях. Далее он заявляет, что ежедневно он испытывает на себе проявление благодати Божией. На вопрос, в чем эта благодать выражается, он ответил, что ежедневно он в сердце и внутренностях испытывает до 1000 изменений: то скорбь, то радость безграничную, то муки. Ежедневно он по несколько раз как бы умирает и воскресает, когда у него является тоска, то это состояние он отождествляет со смертью, наоборот, радость с воскресением.

Если душа ежедневно невидимо обновляется и из его тела расходится особенный, наподобие электричества, свет, видимый только истинно верующим на несколько тысяч верст, этот свет напоминает им о тех муках, какие он за них испытывает.

Среди окружающих он не имеет ни одного последователя, их сердца настолько загрубели, что они не в состоянии понять его божественного слова, это его еще более мучает, и жить среди этих чудовищ, как он выражается, крайне тяжело. Он успокаивает себя только мыслью, что скоро наступит страшный суд и будет представлена книга, в которой с замечательной точностью будут описаны все его мытарства.

Окружающие суть не люди, а чудовища, надевшие только маску человека. Если бы эти чудовища были дикие животные без речи, он жил бы с ними дружно, как с овцами, но так как они ежечасно произносят яд своими языками (ругаются), то он не может с ними жить в дружбе.

Но еще хуже «этого яда языка» их помыслы и желания, которые ему так же ясны, как и их дерзкие слова. Хотя он и находится здесь, в Казанской лечебнице, тем не менее его дух постоянно раздает приказания во все концы мира, и все они исполняются, летом он слышит исполнение своих приказаний в громах и молнии, теперь же, когда этих явлений природы нет, ему сообщает об этих исполнениях тот же дух, который в нем поселился. С этим духом он ведет постоянную беседу и получает ответы, ощущаемые, однако, не органом слуха, а умом.

Малеванный заявляет, что если бы он запел в присутствии своей братии, то врач и вся вселенная затрепетали бы, но без его последователей ему запретил петь Тот, Кто в нем находится, — Бог Отец, Сын и Дух Святой.

Врачу он это сообщил под некоторым секретом, будто бы из нежелания самого себя прославлять; об этом засвидетельствуют и скажут другие.

Далее Малеванный сообщил, что еще в 1891 году в мае месяце он видел, как его руки поднимались высоко в воздухе, они касались даже туч, воздух при этом был темно-красного цвета. Вначале была полная тишина, потом послышался голос: «Готовься к смерти!». При этих словах

его рубашка моментально была с него снята воздухом. Потом снова голос: «Приготовь и семью твою, — пусть наденут белые рубашки, хотя и тяжело мне, но я погублю весь мир, а тебя, с твоим семейством, восхищу в неприступный свет, и ты будешь жить, как свет солнца, луны и звезд».

Это говорил какой-то дух, который то входил, то исходил из его тела.

При этом духи моря, молнии, громов, ветра и др. говорили ему, Малеванному, что им приказано не спасать живущих на земле людей, а губить.

Когда он услышал эти слова, у него явилось сильное сожаление, и он в течение сорока дней и ночей постился и молился и вот, вследствие этой молитвы, сначала выхлопотал спасение только своим последователям, а в сороковой день спасение и всей России.

Надо заметить, что какую бы тему ни взять для разговора, Малеванный непременно постарается перевести ее на духовное содержание, и тогда, переходя от одного вопроса к другому, готов беседовать по целым часам.

Будучи спрошен, например, об окружающих больных, он ответил, что смотрит на них как на отступников Божиих; по его рассуждению, в каждом человеке должна присутствовать искра Божия, и вот от некоторых людей эта искра отступилась вследствие их греховности, от других — вследствие греховности их родителей. Такие люди без этой искры не могут рассуждать по закону и вследствие этого размещаются по сумасшедшим домам, тюрьмам и острогам. Это «клятвопреступники, одержимые бесом». Когда его спросили, зачем же он помещается здесь, Малеванный с улыбкою ответил, что он помещается совсем по другому поводу, во-первых, потому, что он должен испытать все муки и гонения, а во-вторых, так сказано в пророчествах, что он должен помещаться в Казанской лечебнице.

Это он выводит следующим образом: «Были пророчества и *предсказания»,* в этом-то последнем слове и есть

уже намек на его помещение в Казанской лечебнице: *предсказание, сказание, казание, Казань.*

Когда зашел разговор о других физических заболеваниях, то Малеванный объяснил их следующим образом: «Когда человек живет в грехе, он редко страдает телесно, но вот у него начинается внутренняя борьба, наступает раскаяние в грехах, он колеблется, ему хочется жить духовно, но его преодолевает телесная немощь, вследствие этой борьбы он теряет сон, аппетит, его здоровье вследствие этого расстраивается, кровь волнуется, появляется воспаление костей и крови, а вследствие этого уже какое-нибудь физическое заболевание — тиф, горячки, лихорадки, нарывы и т. п. Видя припадок эпилепсии, Малеванный заявляет, что душа этого человека, почувствовав близость его, то есть Малеванного, желает избавиться от своей темницы, то есть грешного тела, это она трепещет и радуется, желая снова обращаться в звезду той или другой ясности».

Нужно заметить, что звезды более ясные, по Малеванному, суть души более добродетельных людей, менее ясные — менее добродетельных.

Появление холеры Малеванный объясняет наказанием Божиим, она поражает только клятвопреступников и вообще людей грешных, она будет продолжаться до тех пор, пока он — Христос — не погубит ее. На вопрос, скоро ли это случится, уверенно отвечает, что скоро.

Холере дана власть царствовать на земле, пока Христос не прославится в славе Божией. Он скоро будет исцелять не только холерных, но и одержимых всеми другими заболеваниями, хромых, слепых и увечных.

Говорит, что откровений у него и в настоящее время имеется много, но заявлять он может только о прошедших, о настоящих же и будущих ему пока еще запрещено говорить. Беседуя с врачом, он полагает, что это дух врача желает обновиться его божественным словом и желает, как всякий беседующий с ним, избавиться на страшном суде от мук.

У Малеванного имеется много и других бредовых идей; например, о переселении душ; о том, почему все государства названы женскими именами: Россия, Англия, Америка, Азия и пр. Его дух может назваться премудрым плавальщиком, он носился над всеми государствами и везде тем или иным способом проявлял себя в различных мудрых лицах, теперь же, как предсказано в пророчествах, вселился в него, по телу простого человека, Кондрата Малеванного. Это дух Сына Божия, дух Христа вселенской церкви, как называет его вся община истинной веры.

Кроме того, Малеванный рассказывает, что шесть лет тому назад к нему приходил Иоанн Креститель под видом кронштадтского солдата. Этот солдат показывал ему свой билет и просил переночевать. Что это Иоанн Креститель, ему тогда сказал его дух.

Слыша церковное пение в лечебнице, Малеванный осуждает обрядовую его сторону, говорит, что это делается с целью, чтобы предоставить ему больше муки, и вообще многие факты окружающей его жизни он старается связать со своим религиозным бредом. Он держит себя крайне однообразно — работой не занимается, только с некоторыми из больных, которых он признавал за здоровых, вел беседы духовного содержания, советуя вести себя скромно, помогать друг другу. На счет духовенства говорит, что они извратили религию, что не нужно креститься, так как это противно Евангелию. О себе заявляет, что он неграмотен, но что вследствие божественного наития он обладает такою премудростью, что если бы в числе его последователей нашлись лица, не знающие русского языка, то Дух вразумил бы его и он заговорил бы на неизвестных ему языках. С врачом охотно беседует, выдавая себя за проповедника. Ждет скорой кончины мира; тогда, по его мнению, для всех будет ясно, что он Христос Спаситель мира.

Будучи приглашен в конце января на обычное совещание врачей, где производится разбор больных лечебницы,

Малеванный с чувством рассказывал о своей проповеднической деятельности.

Из предварительных сведений, присланных в Казанскую Окружную лечебницу, отметим следующее: «Ранее Малеванный помещался в киевском Кирилловском богоугодном заведении, куда был доставлен 31 марта 1892 года за лжеучение так называемой секты малеванцев.

Вследствие его учения его последователи оставили все свои полевые работы, распродавали имущества, проводили время только в еде и молитве и ожидали скорой кончины мира.

Одна женщина в припадке фанатизма задушила свою шестилетнюю дочь. Последователей Малеванного было более тысячи, и они считали Кондрата за Христа.

В скорбном листе Киевской лечебницы отмечено, что *проповедовать он начал после внушения этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особой силы.*

Вскоре после наития на нем проявилось знамение его божественного избрания, выразившееся, по его словам, в том, что он незримою силою был поднят от земли вершков на пять, что будто бы видели и окружающие.

Во время самого знамения и два дня спустя он испытывал особенное радостное ощущение в своем сердце, в последующие же дни появилась тоска. После этого знамения число его последователей заметно увеличилось.

Нужно заметить, что изложенный выше бред представляет собою несколько скомбинированный результат многократных бесед с Малеванным, так как речь его часто не имеет строгой логической связи, и он не в состоянии в течение продолжительного времени поддерживать один связный разговор.

В приведенных выдержках из истории болезни Малеванного яркими красками обрисовывается его религиозный бред, который с течением времени под влиянием тех или других окружающих условий, понимаемых Малеван-

ным как знамение свыше, еще более укрепился и развился в разных направлениях, сохранив однако все свои основные черты.

Мы не будем касаться здесь вопроса о происхождении и развитии бреда и галлюцинаций у Малеванного, страдавшего тем видом первичного сумасшествия, или параноии, который носит название религиозного сумасшествия (mania religiosa), так как вопрос этот может интересовать более всего специалистов, но отметим здесь приведенное выше указание, что «проповедовать начал Малеванный после *внушения* этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особенной силы».

Очевидно, что мы имеем здесь дело с внушающим влиянием обманов чувств, которое наблюдается и в других случаях и на которое я обратил внимание в одной из своих работ[52].

Нельзя сомневаться в том, что обманы чувств, возникая из бессознательной сферы, нередко действуют на психическую сферу, подобно всякому постороннему внушению, и вызывают влечения и побуждения, против которых человек не в состоянии бороться, как и против действительных внушений.

Очевидно, что в этом отношении и галлюцинации Малеванного, действуя на его психическую сферу подобно внушению и подчиняя его сознание, привели его к тому проповедничеству, последствия которого мы знаем.

Если бы мы ближе вошли в развитие бреда Малеванного, то мы заметили бы, что эти галлюцинации, в свою очередь до известной степени обязаны *самовнушению.*

Будучи субъектом, предрасположенным уже с раннего возраста, он ослабил свою нервную систему злоупотреблением спиртными напитками, после чего, перешедши в штундизм, начал усиленно предаваться молитве и религиозным упражнениям, причем здесь во время молитвы и религиозного экстаза начали у него впервые появляться

обманы чувств в виде запахов, не сравнимых ни с какими ароматами на земле.

Таким образом, долго работавшая в религиозном направлении мысль во время подъема душевной деятельности, обусловленного религиозным экстазом, вылилась в форме соответствующей религиозному чувству галлюцинации, которая, таким образом, является обязанной самовнушению, обусловленному господством в сознании религиозных идей. Последующие затем галлюцинации об отделении тела от земли, очевидно, также обязаны в значительной мере самовнушению, поддерживаемому чувством особой легкости тела, сопровождающим религиозный экстаз и умиление.

Таким образом, здесь, как и в других подобных случаях, обманы чувств обязаны своим происхождением в значительной мере самовнушению, и нужно иметь в виду, что этот род происхождения обманов чувств в той форме болезни, которою страдает Малеванный, представляется далеко не редким, на что, однако, до сих пор недостаточно обращалось внимания.

Появление такого рода обманов чувств, в свою очередь, действует на сознание подобно внушению, и, укрепляя бред, вызывает побуждения, которым больной вполне подчиняется.

Таким образом, явление, в известной мере обусловленное самовнушением, само действует подобно внушению. Но таков уже закон взаимодействия явлений в нашем организме, благодаря которому развивается столь губительно действующий circulus vitiosus.

Как бы мы вообще ни смотрели на основной характер болезни Малеванного, нельзя не признать, что в отдаленных ее проявлениях играло известную роль самовнушение и между прочим наклонность к проповеднической деятельности обязана внушающему влиянию обманом чувств, которым он был подвержен.

Эпидемия малеванщины

Для всякого непосвященного наблюдателя может, конечно, показаться странным, что заведомо душевнобольной, каким является Малеванный, мог найти себе поклонников, хотя бы и из простого народа.

Как бы ни был неразвит простой народ, но он чуток к основным религиозным догматам и логическим путем всегда с негодованием отвергает мысль, что какой-то безграмотный мещанин является Христом, Богом-Отцом, Духом Святым, а евангельский Христос есть только миф.

Но внушение делает другое, укрепляя в окружающих Малеванного лицах, склонных к религиозным возбуждениям, те самые мысли, которые проповедует Малеванный как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим. В результате развивается психопатическая эпидемия, принявшая грозные размеры и потребовавшая вмешательства властей.

По описанию проф. И. А. Сикорского, эта эпидемия проявилась в ненормальном настроении духа, выражавшемся необычайным благодушием, нередко переходившим в экзальтированное радостное состояние, не обусловленное какими-либо внешними мотивами, вообще жизнерадостным настроением и особенною чувствительностью.

Точнее выражаясь, малеванцы чувствовали себя как беззаботные дети, находящиеся в радостном или праздничном настроении духа.

Их идеи, а равно и поступки и действия вполне соответствуют их жизнерадостному настроению. Считая Малеванного за Спасителя и веря его проповеди, они живут в ожидании кончины мира, которую признают благоприятной переменой своего существования. Человек тогда не будет умирать, не будет ни заботиться, ни трудиться, так как все за него будет устроено Богом.

Они признают себя избранниками ввиду того, что они первые приняли новую веру и поэтому получат лучшую часть в будущем, тогда как все те, кто не хотел уверовать, будут осуждены на Страшном Суде.

В силу этих ожиданий Страшного Суда, они отказываются от труда и заботы, предоставляя и то, и другое неверующим; они продали или раздарили свое имущество, дабы не иметь в этом отношении никаких забот.

Свои поля они оставили не обсемененными под влиянием той же идеи предстоящего Страшного Суда. Дело дошло до того, что многие даже продали молочный скот и стали покупать молоко для своих детей у православных.

На вопрос о причине безделья со стороны малеванцев можно было получить иногда следующий характерный ответ:

«Если в мое сердце Отец или Дух (то есть Отец Небесный или Дух Святой) вложит желание, я исполню это желание».

Точно так же в объяснение своих нелепых или бессмысленных поступков нередко можно было слышать не менее характерное заявление:

«Я чувствую, что Отец внушил мне, я чувствую, что Он побуждает меня так поступить, и т. п.».

Дальнейшей особенностью малеванцев является состояние психической усталости, пассивности или задержки воли с преобладанием над ней чувства. В силу этого малеванцы отличаются уступчивостью, слабостью, бездеятельностью, недостатком сдерживающей воли и неспособностью подавлять слезы. Душевнобольной Малеванный, по мнению малеванцев, есть истинный Бог и Спаситель мира, который установит новый порядок устройства вселенной, в силу чего Малеванный сделался предметом богопочитания. Вместе с тем резкую болезненную особенность малеванцев представляют обманы чувств и судорожные движения.

По словам проф. И. А. Сикорского, «размеры, в которых малеванцы подвержены галлюцинациям, можно назвать исключительными. Галлюцинации относятся главным образом к сфере обонятельной. Таких лиц среди малеванцев, которые не имели бы галлюцинаций, немного; большая часть имеет галлюцинации по временам».

Нередко галлюцинации обоняния будят спящего человека, и он просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость.

Обыкновенно появившееся таким образом радостное состояние уже не покидает человека.

У многих галлюцинации повторялись часто.

В общем, «до 80% исследованных лиц имели галлюцинации обоняния, из которых многие описывают свои галлюцинации весьма подробно». «Случалось, что в присутствии комиссии, посещавшей малеванцев, особенно среди религиозного или молитвенного настроения, многие из них одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающий воздух и прочие предметы, ища источника приятных запахов, которыми, как им казалось, наполнено было помещение. По рассказам всех, имевших обонятельные галлюцинации, запахи были приятными. Одни называли эти запахи сладкими, другие ароматическими, иные неземными, божественными, иные, наконец, заявляли, что „пахнет Св. Духом“».

«Второе место после обонятельных галлюцинаций у малеванцев занимали галлюцинации общего чувства, например, чувство легкости, воздушности своего тела или его бестелесности, чувство как бы отделения от земли и поднятия на воздух.

У некоторых малеванцев случались галлюцинации слуха и зрения (слышание повелений Бога, шепот Св. Духа, видение отверстого неба и его небожителей, появление звезд разнообразных цветов, необыкновенной величины и ярких или необычное озарение и прыгание звезд и т. п.).

У большей части малеванцев галлюцинации являлись эпизодически, один-два раза и затем исчезали, а у некоторых галлюцинации возобновлялись от времени до времени; у немногих, наконец, галлюцинации оставались в виде постоянного симптома».

Наблюдаемые у малеванцев «судорожные движения проявляются в трех видах. Наименее частый вид судорог — это крик, хохот, всхлипывание, судорожные слезы, икота, отрыжка и иные судорожные формы, свойственные малой истерии.

Но самой частой формой судорог являются также свойственные большой истерии разнообразные ритмические и подражательные движения, соответствующие различным профессиональным и привычным движениям и жестам, большею частью однообразные у одного и того же лица.

Хотя истерические судороги весьма различны по своему внешнему виду, но наиболее часто наблюдается следующая общая картина: среди общего шума, крика и беспорядка одни падают, как сраженные молнией, другие восторженно или жалобно кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки и возгласы, отвечающие разнообразным эмоциональным состояниям радости, счастью, отчаянию, страху, ужасу, удивлению, мольбе, выражению физической боли, обнюхиванию, смакованию и т. д., то, наконец, подражают собачьему лаю, конскому ржанью и другим диким звукам». «Судорожные движения нередко длятся до изнеможения субъекта».

Нетрудно видеть, что как настроение духа, так и ряд бредовых идей, а также обманы чувств и, наконец, судорожные проявления в общем носят такое сходство как между собою, так и с явлениями, обнаруживаемыми распространителем секты, Малеванным, что не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с явлением привитым, то

есть обусловленным преимущественно внушением и самовнушением.

Проф. И. А. Сикорский, бывший на самых радениях, или молитвенных собраниях малеванцев, сам высказывается в том смысле, что, вероятно, у некоторых субъектов, особенно среди общих молитвенных собраний, обонятельные галлюцинации возникают путем внушений. Но, прибавляет он, «несомненно, что у весьма многих малеванцев галлюцинации совершенно самостоятельны и непосредственны и обусловливаются лишь состоянием организма и нервных центров, а не внешними воздействиями».

С этим последним объяснением, однако, вряд ли можно согласиться безусловно. Не подлежит сомнению, что состояние организма и нервных центров составляет благоприятную почву для развития психопатических явлений, но характер последних, то есть настроения, бредовых идей и галлюцинаций, в данном случае представляет в такой степени стереотипное сходство даже в мелочах, что признать их самостоятельными, а не обусловленными, по крайней мере, в значительной мере взаимовнушением или самовнушением представляется невозможным. Равным образом и проявление судорог носит несомненные признаки зависимости их от взаимовнушения и самовнушения, как видно из самого развития их на молитвенных собраниях.

По заявлению проф. И. А. Сикорского, «сами малеванцы придают значение судорожным проявлениям, считая их несомненным действием Божественного начала в человеке.

Находясь на молитвенных собраниях, они ждут наступления судорог у кого-нибудь из присутствующих, радуются виду судорог, оживляются и восторгаются картиною судорог, и при первом появлении судорог во всем собрании начинается общий подъем возбуждения и ликования.

Обыкновенно судороги появляются у малеванцев, когда они становятся на молитву, реже при других условиях.

Но особенно часты и сильны бывают судороги в собраниях; всего же резче они проявляются в общих молитвенных собраниях», когда условия для взаимного внушения становятся наиболее благоприятными.

О значении самовнушения и внушения в развитии судорог свидетельствует между прочим и тот факт, что, несмотря на заразительность истерических припадков для взрослых, особенно мужчин, на детях они отражаются весьма мало, в особенности в возрасте от трех до восьми лет. Это обстоятельство легко уяснить себе, если принять в соображение, что дети в выше указанном возрасте не могут проникнуться тем же религиозным возбуждением, как и взрослые, и, само собою разумеется, не могут также усвоить себе идею, что судороги являются свидетельством сошествия Св. Духа на человека.

Равным образом, следя за развитием отдельных случаев помешательства во время этой психопатической эпидемии, нетрудно убедиться, что, благодаря необычайной психической восприимчивости, и здесь большое значение имеет как внушение, так и самовнушение. Прежде всего, читая описание этих случаев, нетрудно убедиться в большом сходстве психопатических явлений, особенно бредовых идей и обманов чувств, наблюдаемых у различных лиц, с теми явлениями, с которыми мы познакомились у душевнобольного Кондрата Малеванного. С малыми различиями здесь дело идет также о повышенном настроении духа, об ощущении радости в сердце, о превращении своей личности в святого или пророка, о слышании приятных неземных запахов, об отделении тела от земли, о тех или других видениях на небе, о слышании небесного голоса, о просветлении ума и об уразумении евангельских и библейских истин, о призвании к покаянию, о повелении проповедовать и пр. и пр. Благодаря восприимчивости такого рода психических натур нетрудно проследить и в отдельных случаях, какую огромную роль играет вну-

шение или самовнушение в развитии их болезненных проявлений.

Вот, например, образчик внушающей силы галлюцинаций, которым был подвержен один из малеванцев, крестьянин Ефим К. В течение около пяти лет, подвергаясь волнениям и колебаниям по вопросу о переходе в штундизм, из которого затем в апреле 1892 года он перешел в малеванство, в мае 1892 года, вскоре после перенесенного им сочленовного ревматизма, он начал подвергаться зрительным галлюцинациям. Однажды ему показалась на небе синяя книга с большим буквами; в другой раз он видел, как звезды сблизились и сгруппировались в одну корону. Со времени перехода его в малеванство, то есть с апреля 1892 года, его часто начали тревожить сновидения, происходившие в состояниях неглубокого сна, во время которых он видел Спасителя, то есть Малеванного.

Во время одного из таких сновидений он услышал голос: «Пойди зажги свою избу и гумно, и тогда все уверуют, что эта вера (то есть малеванщина) есть вера истинная». Это повеление начало тревожить его сердце в такой степени, что он среди дня произвел поджог, от которого сгорела его усадьба вместе с избой соседа.

Очевидно, что галлюцинация здесь подействовала совершенно подобно внушению, и трудно было бы найти какое-либо различие между искусственно произведенным внушением и тем внушением, которое производят галлюцинации. Можно разве допустить, что галлюцинации, благодаря совершенно скрытому от субъекта их происхождению, еще сильнее подчиняют сознание, нежели посторонние внушения.

Вообще надо заметить, что как в отдельных случаях, так и в целой массе развитие психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, в значительной мере обязано внушению, взаимовнушению и самовнушению. При этом мы ничуть не отрицаем важности влияния

целого ряда указываемых проф. И. А. Сикорским нравственных и физических факторов (развитие штундизма, алкоголизм населения и пр.), составляющих благоприятную почву для развития эпидемии в населении; но несомненно, что непосредственным толчком к развитию последней на подготовленной уже почве служило внушение в той или другой форме. Только этим путем и можно объяснить себе тот с первого взгляда непонятный факт, что родоначальником малеванщины и ее распространителями явились лица помешанные. Как справедливо замечает проф. И. А. Сикорский: «Население, увлеченное брожением, усвоило себе парадоксальное параноическое мышление и логику помешанных и в силу этой болезненной логики стало разрешать основные вопросы жизни и религии при помощи сравнений и пустой игры слов.

Бред и болезненная логика помешанных явились образом мудрости и подражания для населения, которое раньше обнаруживало здравую логику и здравое мышление.

Это объединение здоровых с помешанными на почве болезненной логики является в истории человеческой мысли фактом глубоко интересным и в некоторых отношениях замечательным. То, что случилось на наших глазах, случалось и раньше и, чтобы не приводить многих примеров, сошлемся на факт, что некоторые действия Парижской Коммуны 1871 года были плодом распоряжения помешанных, которым толпа повиновалась слепо (Лаборде)».

Мы не без цели остановились несколько дольше на этой своеобразной, так недавно пережитой нами, психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, так как сам Малеванный, основатель секты малеванцев, был подробно мною изучен, как душевнобольной, при чтении мною клинического курса в Казанской окружной лечебнице и, с другой стороны, развитие всей эпидемии на месте было так подробно и обстоятельно изучено проф. психиатрии И. А. Сикорским.

Татарская психопатическая эпидемия в Казанской губернии

Из других психопатических эпидемий религиозного характера заслуживает внимания эпидемия, развившаяся несколько раньше малеванщины в татарской среде Казанской губернии, виновником которой был крестьянин из татар Богаутдин Ваисов, содержавшийся долгое время в Казанской окружной лечебнице, где я имел возможность его непосредственно наблюдать при заведовании мной тамошней клиникой.

Недавно этот случай был описан ординатором лечебницы М. Маевским[53].

И потому некоторые детали, касающиеся Б. Вайсова, мы можем извлечь из этого описания. Ваисов, старик лет 62 из Свияжского уезда, был арестован в 1882 году за самовольное открытие училища и за сопротивление законным требованиям относительно закрытия означенного училища. Уже в камере мирового судьи были обнаружены явные признаки его душевной болезни, вследствие чего он и был направлен в Казанскую лечебницу для испытания.

Во время допроса Ваисов «заявил, что он — садовник Императорского сада; звание его — природный старовер, старый мусульманин, известное лицо всем народам мира, поверенный ислама, потерпевший убытки, страдающий за захват, божьего полка определенный дистаночный начальник; сотрудник всему миру, природный духовный вероисповедник, светлый умом своим, сословия Тюрки, верноподданный монарху, лично известный Его Императорскому Величеству, природный духовный, веры мусульманской, религии ханафей-акзанской, секты сюннитской, духовный отец В.; заявил, что он страдал и страдает за интерес Государя Императора, для его государства и державы, что он от здешнего начальства не имеет никакого воз-

награждения, а только одни страдания и мытарства, которым подвергает его это начальство. В пояснение своих слов В. пишет отзыв на двух листах убористого письма, где говорит, что окружной суд продал с аукционного торга его сочинения, и просит этот суд выдать ему справку, на каком основании продали его книги, а ему самому грозили тюрьмой и Сибирью».

Будучи помещен на испытание в Казанскую окружную лечебницу, где пробыл первоначально три месяца, Ваисов, подтвердив сказанное на допросе, обнаружил также явные бредовые идеи преследования, обвиняя татар в ненависти к нему и в намерении его погубить.

Несмотря на удостоверение врача лечебницы о душевной болезни Вайсова, последний, как водится, был признан губернским правлением душевно здоровым.

Будучи выпущен на свободу, Ваисов вскоре привлекается по суду за истязание трех крестьянских мальчиков и лишение их свободы. На допросе у судебного следователя Ваисов заявил, что мальчики будто бы хотели его отравить мышьяком, причем он опять высказал бредовые идеи величия, вследствие чего он был отправлен в Казанскую лечебницу вторично. Здесь обнаруживаются бредовые идеи величия в еще более развитой форме, причем между прочим он не признает себя крестьянином, так как на нем-де креста нет и он не мужик, а духовный, который должен делать Божье дело. Вообще «в лечебнице В. стал высказывать тот же горделиво-религиозный бред, те же идеи преследования, что и в предыдущие разы. Преследуемый, гонимый, по его мнению, со всех сторон, не видящий нигде правды и правосудия, он начинает осаждать всевозможные учреждения массой прошений, отзывов, докладов и т. п. бумаг, подчас чисто кляузнического содержания, подчас наполненных отборной руганью и выражениями безграничной ненависти к властям и соплеменникам. Число этих бумаг, помеченных исходящими из канцелярии В.,

превышает далеко цифру 100, Все они скреплены именной печатью, на которой вырезано звание и титул В. — «Дардеманд, дервиш, Богаутдин Хамзин В. Альбумари». Бумаги имеют определенный заголовок: «От Императорского молитвенного здания Мантуб Гирфан, канцелярии меня, всего мира духовного отца, природного духовного лица, сотрудника всего мира сего, Божьего полка определенной дистанции начальника, который повелевающим указом Бога-Царя самого этого Божьего полка, дардеманд дервиш Булгары-Ибн дервиш Хамза В.».

«Отрицание властей у него было полное, единственной властью для своих последователей он поставил Бога, Царя и себя. Свидетельство, данное им, считал вполне достаточным для проживания во всех концах мира». Вот пример одного из таких свидетельств: «Дано сие свидетельство Х. В случае надобности и по собственному своему желанию имеет право быть в всем свете, на что я сам и благословляю его самого. Спаси Бог, аминь. Его же свободе да никто не посмеет воспрепятствовать, кроме меня самого его духовного отца В.; и даже да будет это свидетельство матрикулярным документом в потомство его из рода в род, до окончания сего мира. Аминь! По закону и в силу закона во всем этом подписываюсь своею собственною личною подписью своей руки по-мусульмански и удостоверяю все это сие приложением своей должностной печати своего Божьего полка».

Ясно, что дело идет здесь о душевнобольном человеке, страдающем резко выраженной паранойей.

Что касается самой эпидемии, то она развилась следующим образом:

«Подметив в народе всякие пороки, В. выступил с обличительным словом как против не соблюдающих святых правил Корана, так и против руководителей народа мулл. Скоро собралась вокруг В. кучка людей, жаждущих нового слова, нашедших руководителя своим неясным мистиче-

ским стремлениям. Он основывает общество мусульман-староверов, слепо повинующихся одним только велениям Корана. С этих пор в жизни В. и его учения происходит важная перемена. Он замечен своими противниками, подвергшими его преследованиям и насмешкам. В муллах он возбуждает опасения как религиозный новатор. В. подвергся гонениям со стороны мусульманского духовенства, что видно из его бесконечных жалоб по этому поводу, в которых, несмотря на массу преувеличений, есть доля правды. В религиозные распри были вмешаны гражданские власти, к защите которых прибегал В. Власти ему не помогли, и он начинает подозревать, что начальство стоит на стороне мулл; муллы были, по его мнению, поборники неправды и нарушители правил Корана, данных Богом; стало быть, власти тоже виноваты в том, в чем обвинялось мусульманское духовенство. Отсюда зарождается недоверие и ненависть к властям, а под конец и полное непризнание их.

По мнению В., муллы нарушают волю Бога. А гражданские власти — волю Царя, которому служат, так как не хотят стоять за правое дело. Он стал утверждать, что начальники изменили Царю и народу. Таким образом в учение староверческого мусульманского общества вошло полное отрицание гражданских властей; староверы-мусульмане признают только Бога и Государя. Ввиду постоянной измены и неправды, которые В. видел вокруг, он поставил себе целью охранять общество и особу Государя во имя Божьего закона. Он сочиняет молитвы за Царя, которые могут охранить Его от всяких бед и измены. Он называет свою общину Божьим полком, в котором сам состоит предводителем, „начальником дистанции“ и воином, которому по гроб нет отставки; цель этого полка — охранять особу Государя и блюсти чистоту нравов. Для образования членов полка В. основывает учебное заведение, в котором преподавалась священная наука „Гирфан“. Между тем идеи о своей высшей власти, высшем назначении

и, наконец, о несправедливых преследованиях начинают прогрессировать. В. стал окончательно выше всех людей, он подчиняется только Богу и Государю, все же остальные не имеют никакой власти, никакого права над ним. В этой мысли его, по-видимому, утверждали галлюцинации зрения и слуха. Так, в сцене у Х. является белый старик, неизвестно как попавший в кабинет, и одним мановением головы освобождает его. К нему по ночам являются татары, срывают двери и окна, но вреда никогда не могут нанести. Все несчастья только утверждали В. в правоте его и несомненности его высокого назначения; он всецело отдался своим мистическим грезам, за пределами которых для него ничего не существовало».

В какой степени учение параноика Ваисова было воспринято его учениками путем прямого внушения и упрочилось в их умах во всей его полноте, показывает следующий случай:

«Шестеро татар, арестованных в 1885 году вместе с Вм за вооруженное сопротивление при описи дома В., на следствии показали, что сопротивлялись „по закону и в силу закона, по повелению Бога-Царя и по приказанию духовного отца В.“; они защищали молитвенный дом отца В., шли на защиту единодушно, так как у них одно тело и одна душа, что делает один, то делают и все, все подписались под протоколом следующим образом: „Проклятие Божие нечестивому народу (три раза), аминь. Мы, Божьего полка страдающий, захваченный последователь пророка Авраама, такой-то“. Все обвиняемые отказались принять обвинительный акт в силу того, что в нем они названы были крестьянами, а не староверами-мусульманами; на суде отказались от защитника, так как у них один защитник — духовный отец В. Это поразительное единодушие и фанатическое следование словам В-ва заставляло пренебрегать всех последователей В-ва всеми наказаниями и лишениями».

Один из ревностных последователей Ваисова И-в во время ареста проявил резкое сопротивление властям. «При вручении И-ву, как обвиняемому, повестки в суд, последний заявил, что ее не примет, так как в ней написано „крестьянин“, а он не крестьянин, но духовный сын В-ва. На суде на все вопросы председателя И-в отвечал с криком: „Никак меня не зовут, какой я подсудимый, не признаю ваш суд, знать никого не хочу, антихристы, проклятые, анафемы. Государь пусть меня судит, верховный суд, Великий Государь и Оттоманская Порта, в Иерусалиме буду судиться“. Будучи отправлен на испытание в Казанскую окружную лечебницу, он был выпущен как неисправимый фанатик, раз навсегда подчинившийся известному авторитету и вне его не желающий ничего ни видеть, ни слышать».

Хотя И-в признавал Ваисова, как и все его последователи, за великого дервиша-праведника и мученика и, подобно ему, не признавал себя «крестьянином» на том же основании, как и сам Ваисов, то есть ввиду отсутствия у него креста, и так же не снимал шапки в присутственных местах, расставаясь с ней только на время сна, И-в, к сожалению, не был признан врачами больным так называемым индуцированным помешательством.

В Судебной палате, где экспертами были вызваны я и Я. Боткин, бывший в то время директором лечебницы, повторились в сущности те же сцены брани по отношению к суду и крайнего раздражения при расспросах и требовании снять шапку, доходящего до степени умоисступления, сопровождавшегося резким приливом к лицу, общим дрожанием тела и беспрестанными неистовыми криками, вследствие чего И-в был выведен из залы заседания. К сожалению, и здесь директором лечебницы И-в был признан душевно здоровым лицом, тогда как мной было дано мнение в пользу существования у И-ва душевного расстройства, и, я думаю, к тому имелось более чем достаточное количество фактических данных.

Супоневская психопатическая эпидемия в Орловской губернии

Следующая психопатическая эпидемия религиозного характера случилась в г. Супоневе Орловской губернии лет пять назад и состояла в следующем[54]:

«Дело началось с чтения св. Писания, к чему присоединилось вскоре его толкование, — это и дало повод говорить о штунде. Василий Д., инициатор религиозно-этического возбуждения, истерик с параноическою окраскою, проповедовал со странностью, сильно действовавшею на слушателей. Свидетели, вызываемые в обвинительном акте, на доследовании показали что они не могли, не имели силы, не смели противиться властному и страстному слову Василия Д., должны были принимать его толкования, должны были приходить на собрания. Их воля была аннулирована и совершенно подчинена слову учителя. В сущности, это был до сего времени довольно обычный истерический порыв нравственно-религиозной экзальтации под влиянием страстной проповеди истерика — может быть, слегка параноика „среди дегенеративно-истеричного населения“».

Влияние внушения здесь стало сказываться с обычною силою, и дело пошло crescendo — тем более что «первоначальное, чисто этическое, духовное движение» не встретило со стороны местного духовенства никакого порицания; но не так отнеслись к нему местные административные власти, а также некоторые из лиц, доходам которых грозила проповедь воздержания от алкоголя, — тогда еще в Орловской губернии не была введена винная монополия. Начались мелкие преследования, науськивания остального, точно так же крайне нервного, неустойчивого, дегенеративного населения. Василий Д. ходил с барками на юг и предпочел перезимовать на юге; Осип Потапкин с женой поехали искать себе земли на Кавказе и

встретились там с сосланными хлыстами. У обоих, мужа и жены — по их рассказу, в сущности, только у мужа, как кажется, — было видение символического характера, за которым последовали пророческие сны, и Потапкин узнал, что ему дан дар понимания Св. Писания. Не устроившись на Кавказе, да и неспособный, вследствие своего психического заболевания, он вернулся в Супонево, но уже получив наставления чисто хлыстовского характера. Прежде он совершенно принимал учение Василия Д. и подчинялся беспрекословно его проповеди. Теперь он порвал с ним, стал сам читать и толковать другим Св. Писание (он полуграмотный), но — читать нечто такое, чего в Св. Писании нет; он стал проповедовать призвание Св. Духа и заманчивую подкупающую доктрину автоматизма: человек может призвать в себя Св. Дух, который входит в него и управляет им, как машиною, уничтожая всякую волю; вследствие этого человек перестает быть ответственным за свои поступки, да и поступки его, даже самые постыдные или порочные с точки зрения мирской нравственности, — святы и беспорочны, как совершаемые Св. Духом. Затем идет обычая проповедь чистоты и непорочности, вследствие которой супружеские отношения являются «мерзостью» и блудом; но люди, познавшие высшую истину, связываются новыми, духовными узами братства, любви, и любовь связывает братьев и сестер, которые в силу этой любви уже могут и должны совершать половой акт. Этот акт полового общения («Христова любовь») приобщает членов к новой истине, и потому он есть символический обряд, обязательный… Одним словом, рядом символических звеньев цепь приводит к беспорядочным и безразборным половым актам, к «свальному греху».

Не должно, однако, думать, чтобы у Потапкина эта доктрина сложилась в стройное целое, в систему; у него она излагается в нелепых утверждениях параноика, уже перешедшего в слабоумие; это — бессвязный параноиче-

ский бред, пересыпанный религиозными текстами и мистическими формулами. Но и этой, совершенно безумной, патологической проповеди было достаточно, чтобы сильно подействовать на патологически пораженное уже население, жаждущее чего-то духовного и совершенно лишенное его, дико невежественное и психически крайне неустойчивое. Потапкин обратил в хлыстовство свою жену Пелагею, слабоумную с индуцированным параноическим бредом, свою сестру Евдокию Г., живущую с ним на одном дворе, и Матрену Морозову. Эти три женщины имеют важное значение в диагнозе патологического характера всего супоневского движения.

Нечего и говорить, что движение это грозило быстро распространиться на очень большое число лиц, если бы несвоевременно принятые меры со стороны властей. О характере и внешних проявлениях этого движения, между прочим, красноречиво говорят ниже следующие строки:

«Несколько женщин, как мы видели, „приняли плоть и кровь“ от Осипа Потапкина, то есть имели с ним сношение как религиозный акт, но еще большее число, не дойдя до этого, присутствовали на радениях, принимали участие в них. Радения эти с сильными движениями, под такт пения, хлопанья в ладоши и притоптывания ногами, с целованиями, призываниями св. Духа, доводили их до страшной экзальтации, от которой они были не в силах отказаться. Они стремились на эти собрания, им „не сиделось дома“, их „тянуло“ туда, „им было тошно“ без этих возбуждений орфизма. И вот, несмотря на запрещение и побои отцов, братьев, мужей, несмотря на насмешки и цинические попреки посторонних, они по ночам убегали к Потапкину и оставались там до рассвета. „Если бы не возвращение Василия Д., у них у всех дело дошло бы до блуда“, — говорила одна из выздоровевших; „как в чаду была“, — говорит другая; „точно угар был“, — говорит третья. „У Потапкиных на радениях женщины вставали и хо-

дили, при этом пророчили, целовались, пели и снимали с головы при этом платок и распускали волосы“. Почти все „плакали навзрыд, радовались“; многие „падали, бились“, представляли и другие истерические явления.

Из принявших плоть и кровь от Потапкина женщин некоторые признают это, большая же часть сознается, что принимали участие в радениях, пророчествах, но умалчивают о половых сношениях. Когда жена Потапкина, слабоумная с индуцированным помешательством женщина, рассказывает эротические сцены, где они были действующими лицами, и сношение их с Осипом в присутствии других „сестер“, смотревших на это, — они молчат, злобно взглядывая на нее или отвертываясь и видимо тяготясь воспоминанием об этом периоде их жизни.

Это воспоминание сделалось для них особенно тяжелым с того времени, как Потапкин, признанный умалишенным на распорядительном заседании суда, был возвращен к себе в дом, следовательно, признан действительно неответственным, как „сумасшедший“, без всякого мученического венца».

Что касается характеристики психического состояния второго виновника этой эпидемии, Осипа Потапкина, то лучше всего она определяется содержанием его письма к директору Орловской психиатрической больницы, куда Осип Потапкин был отдан на испытание. Из этого письма здесь приведем только начало:

Заголовок: «1-я Христос воскрес. Я пишу сам Святой Дух, это писание от самого живого Бога присланное, и вот скажется, для кого оно, это писание, является.

Это оно для тебя, главный врач и начальник всему каменному построенному дому и над теми, кто живет и кто кончины ждет.

Вот посадили сюда Иисуса в сем каменном месте; и вот он тут тоже проведет сорок дней своего поста. А вот я, Дух Святой, теперь говорю тебе, главный врач (пропус-

каются повторения и бессвязные вставки частиц), чтобы ты не томил меня, Духа Святого, в этом каменном гробе… Теперь я пишу тебе, Дух Святой, чтобы ты не держал тут живого Бога и Христа (это он сам). Почитай в этом святом писании, кем оно (его письмо) и чьею мудростью написано и возьми в свою голову, кто эту премудрость может сочинить и кому она должна открыться. Вот слухай меня Духа Святого, что я тебя для твоей пользы наставлю, и что теперь нужно сделать с этим домом… (идет совершенно бессвязное рассуждение) Вот тебе приказ от меня, Духа Святого»…

В дальнейших письменных и устных заявлениях Осипа Потапкина еще больше бессвязности, в которой, однако, везде и всюду сквозит бред величия.

Надо только удивляться, как столь явные бредовые идеи не распознаются окружающими лицами, чему объяснение может заключаться только в особой внушаемости этих лиц, воспринимающих слышимое ими без всякой критики и рассуждения. В супоневской эпидемии, как, впрочем, и в малеванщине, открывается между прочим в населении, принимающем уродливые формы нового учения без критики и соображения, ясная дегенеративная почва, сопутствуемая малокровием и истощением и даже эндемическим зобом. Но кроме особых физических условий во всех подобного рода эпидемиях должна без сомнения играть немаловажную роль и психическая почва, характеризующаяся крайним невежеством, неудовлетворенностью духовных потребностей населения, отсутствием нравственных руководящих начал и недостатком умственного развития, граничащим с патологическим слабоумием. Эта-то почва наряду с благоприятствующими физическими причинами и создает условия необычайной внушаемости отдельных лиц населения, воспринимающих на веру самый уродливый бред душевнобольных.

Сектантские сборища и эпидемии

Вышеуказанные эпидемии, без сомнения, не составляют что-нибудь исключительное, не повторяющееся в другие времена и при других условиях. В этом отношении я вполне разделяю мнение проф. И. А. Сикорского, по которому нечто вполне аналогичное мы встречаем у некоторых сектантов, особенно хлыстов, духоборцев и скопцов. Знакомясь ближе с так называемыми радениями у хлыстов, нетрудно усмотреть в них сходственные и даже в известном отношении тождественные явления с тем, что представляет проявление большой истерии на радениях малеванцев. Следя за описанием радений и плясок хлыстов, мы встречаемся здесь с тем же повышением душевного настроения, с развитием психического экстаза и судорог такого же рода, какие мы встречаем и у малеванцев[55]. У хлыстов мы встречаем также радения и пророчества, вполне напоминающие нам выше описанные радения малеванцев. Сходство увеличивается еще и тем, что иногда у хлыстов дело доходит даже до подчинения идеям и воле душевнобольных, как это было, напр., в с. Поповках Сумского уезда Харьковской губ.[56] Равным образом и описание радений и кружений с прорицаниями, судорожными и обморочными припадками у скопцов совершенно напоминают нам явления, наблюдавшиеся у малеванцев[57].

Существует даже тождество в основных верованиях малеванцев и хлыстов, а именно в возможности непосредственного общения человека с Богом в форме вхождения Св. Духа в человека во время истерических конвульсий. По словам И. А. Сикорского, «этого входящего духа чувствуют одинаково и хлысты, и малеванцы. По мнению тех и других дух обозначается судорогами и трепетанием. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые в экстазе малеванцами: „Ой дух, ой дух!“ — тождественны

с хлыстовскими». Очевидно, что как у малеванцев, так и у хлыстов радения и религиозные упражнения стоят в тесном соотношении с истерией, которая, как мы знаем, благоприятствует развитию галлюцинаций, судорог и иных нервных припадков, признаваемых теми и другими за наитие Св. Духа и которая дает столь благоприятную почву для внушения. Радения же этих сект составляют весьма благоприятную почву для развития как путем внушения, так и путем самовнушения истерических болезненных проявлений, признаваемых божественными.

Нам кажется, что в этом взаимовнушении заключается не несущественная доля той притягательной силы, какую имеют радения для малеванцев, хлыстов и скопцов — этих представителей сект, имеющих, несомненно, патологическую основу.

Обыкновенно принимают, что страсть к этим радениям объясняется перспективой ожидаемого экстаза радости. Это объяснение, без сомнения, имеет свою реальную основу, но вряд ли только одной перспективой ожидаемого экстаза радости, обусловливаемого, как думают некоторые, движением, может быть объяснено неудержимое влечение этих сектантов к своим радениям. По крайней мере, не меньшую, если еще не большую, роль играет в этом отношении, на мой взгляд, то взаимовнушение, которое на таких радениях производится отдельными членами друг на друга и которое поднимает чувство восторга и упоения в них до необычайного напряжения, недостигаемого при иных условиях отдельными членами. Это же взаимовнушение сплачивает отдельных членов сект на радениях в одно целое, в одну личность, живущую одной мыслью, произносящую одни и те же возгласы, исполняющую одинаковые по существу жесты и телодвижения.

Естественно, что это целое, являющееся источником недосягаемых наслаждений, столь притягательно для отдельных членов, что заставляет их, несмотря на строгий

запрет закона, под тем или другим предлогом устраивать свои радения и являться на них даже за десятки верст.

С другой стороны, в этой притягательной силе радений и молитвенных собраний вышеуказанных сектантов заключается, между прочим, в значительной мере и необычайное упорство этих грубых сект, с которыми оказывается бессильною борьба правительства и духовенства. Как велико влечение к таким сборищам, происходящее как бы по невольному взаимовнушению, показывает, между прочим, случай, описанный Rev. H. C. Fich'ом в Handbook of Kevivols, который мы приводим по Б. Сидису (loco cit., стр. 304):

«Когда прогрессировало возрождение, в одной деревне, не принадлежавшей к секте, трактирщик клялся, что он никогда не пойдет с безумцами на их митинг. Но, услышав, что там приятно поют, он обнаружил любопытство, сказав, что не знал этого и что мог бы пойти послушать пение, но ни слова из проповеди. Как только пропели гимн перед проповедью, он наклонился вперед и закрыл оба уха пальцами. Когда один палец случайно отделился от уха, он услышал слова: „Имеющий уши слышать да слышит", произнесенные с великой торжественностью, и они его чрезвычайно поразили. Он уже не закрыл уха, но, чувствуя никогда не испытанное раньше впечатление, тотчас отнял и другой палец и с глубоким вниманием слушал продолжение речи. Само собою разумеется, что трактирщик был очарован и с этих пор, будучи привлечен в число верующих, „стал истинно благочестивым"».

Китайская эпидемия секты И-хе-туан

Не подлежит сомнению, что сектантские и религиозные эпидемии и в настоящее время не лишены еще важного политического значения. Примером тому может служить гигантская эпидемия секты И-хе-туан, которая не-

давно разразилась со страшною силою в Китае и, будучи поддержана правительством из политических видов, потрясла до основания огромное государство, привлекшее к последнему войска нескольких государств Европы и Азии. Под влиянием учения секты И-хе-туан, развившейся на почве явлений большой истерии и гипноза, представители этой секты получили уверенность в своей необычайной силе и неуязвимости, где и лежит причина огромной политической роли, которую сыграла эта секта в недавних китайских событиях. Вот как, например, описывает проявление и распространение этой секты И-хе-туан д-р Н. Воскресенский, который имел возможность собрать сведения об этом своеобразном учении на месте[58]:

«Различным отрядам союзных и русских войск не раз приходилось встречаться с отдельными бандами, в передних рядах которых шли девушки и юноши, совершенно невооруженные, помахивающие своими разноцветными знаменами. Первые залпы обыкновенно скашивали эти ряды, но тот из И-хе-туан, кто оставался цел, возвращался из сражения еще с большей верой в свою неуязвимость и становился предметом поклонения для других; убитые и раненые считались недостаточно „просветившимися“. Быстрота, с которой распространилось в народе учение И-хе-туан, достойна внимания…

На огромном пространстве трех провинций население было точно наэлектризовано — и стоило появиться в какой-нибудь деревушке нескольким фокусникам, а с ними нескольких мальчишкам, выкрикивающим непонятные для народа фразы, как и среди собравшейся толпы и внутри домов мужчины и женщины объявляли себя И-хе-туан, чувствовали „посещение Духа“; девушки начинали пророчествовать, некоторые подвергались судорогам; юноши с пеною у рта изрекали непонятные слова, брались за оружие, шли волонтерами среди солдат; среди последних весьма многие были ярые И-хе-туан.

Из города в город, из деревни в деревню, еще до прибытия настоящих наставников и руководителей стоустая молва переносила рассказы о невероятных чудесах. Говорили, что два мальчика И-хе-туан, перебросивши нитку через католический храм в Муклене, повалили его; рассказывали, что несколько человек, притронувшись стеблем гаоляна к Тьендзинской железной дороге, совершенно разрушили ее. В Гирин из Пекина пришло чуть ли не официальное известие, что благодаря присутствию в войсках трех И-хе-туан близ Таку разрушено 27 броненосцев союзников.

Впрочем, перечислить все подобные циркулировавшие в народе слухи невозможно».

Ясно, что здесь мы имеем дело также с эпидемическим распространением секты путем внушения от одного лица к другому, причем в самом характере эпидемии, как и следовало ожидать, здесь отразились все черты восточных народов с их склонностью ко всему легендарному и чудесному.

Канадская психопатическая эпидемия среди русских духоборов

Интересна также психопатическая эпидемия, охватившая недавно духоборов Канады и едва не кончившаяся для многих их них печально. Заимствуем из газет описание, принадлежащее перу г-жи Мак-Гахан, этой своеобразной эпидемии, всполошившей не на шутку местные власти.

Некто Зебров, объявивший себя Иоанном Крестителем, стал проповедовать поход в пустыню «для лицезрения Христа», заверяя всех, что зимы не должно быть и что ее нечего бояться.

«Поверили ли сектанты своему вожаку или поступили они в силу собственного рассуждения, только из неко-

торых деревень они стали приходить в одних холщовых рубахах, босые и с непокрытыми головами. Но другие выходили одетые как следует, если не в кожаных, то в резиновых сапогах, захватив с собой и байковые одеяла. Деньги, кажется, были при всех, и немалые, так как в Йорктоне, например, какой-то босоногий духобор, по свидетельству многих присутствовавших, вынул тугую мошну и отсчитал из нее 250 долларов, то есть 500 рублей, одному из чиновников канадского иммиграционного ведомства, поручая ему купить яблок, фруктов, хлеба и картофеля на всю братию».

По известиям, напечатанным в «Temps», духоборы, прежде чем отправиться «в поход на восток», отпустили на свободу весь свой домашний скот, не желая «притеснить никакое живое существо».

До похода в течение долгого времени духоборы в своих селениях с удивительным терпением исполняли тяжелые работы. Потом вдруг, охваченные неудержимым прозелитизмом, бросили селения и отправились в проповеднический поход.

Телеги, которые были при духоборах, были побросаны ими в пути, вместо того они навязали на шесты байковые одеяла и несли таким образом дряхлых стариков и малых ребят. Хотя духоборы имели при себе и деньги, они побирались в пути милостыней ради спасения души или собирали травы и колосья.

В Йорктоне, которого духоборы достигли 15 октября, от них отобрали насильственно женщин и детей, всего 1060 человек, предоставив мужчинам в количестве 800 человек идти далее.

«Насколько можно судить, это решение канадских властей принято было духоборами с полной покорностью: случившиеся при них вожаки Подмеров, Дендров и Зебров, как передают, внушили им, что на то воля Божья, против которой нельзя пойти.

Не так легко покорились этому насилию задержанные женщины: многие из них на первых порах не только сами отказывались есть что-либо из предлагаемой пищи, но даже и плакавшим детям воспрещали: лишь только кто подавал что какому-нибудь малышу, мать у того кусок из рук вырывала… Вскоре, однако, это изуверство поумерилось: через сутки-другие духоборки не только ели, но и стали помогать стряпать.

Вели все себя тихо, только „божественное“ читали да псалмы пели; две женщины, однако, уже и тут, в Йорктоне, впали в сумасшествие: одна 60-летняя старуха все утверждала, что от нее имеет родиться Христос Спаситель, другая безумная была потише: все что-то бормотала про себя и чертила пальцем на полу.

Спустя несколько дней появилась еще сумасшедшая — 17-летняя девушка, провозглашавшая себя Богородицей.

Тем временем мужчины шли вперед, продолжая свои заунывные напевы гимнов: по ночам они останавливались под открытым небом, и многие из них не только ничего не ели, но и сна себя лишали: впереди шел босой, бледный, с лихорадочно горящими глазами, обнесенными темными кругами, и черною же длинною, развевавшеюся по ветру, бородой — „Иоанн Креститель“ — Зебров. Этот, подходя к местечку Foxwarren, стал уже и бредить на ходу — ему все представлялись видения; он не спал уже четвертые сутки и стал то и дело ловить что-то по воздуху и хвататься за что-то, мерещившееся ему, взывая к следовавшим за ним духоборам: „Вот он Христос — хватайтесь за него все, спасайтесь!..“

По дороге к Фоксваррену духоборы стали бросать одеяла, платье, кошельки, обувь… Все это подбиралось следовавшими за ними конными жандармами и доставлялось куда следует на хранение. У Фоксваррена выпал снег, и это поколебало веру пилигримов в своего „Иоанна Крестителя“»…

Эпидемическое распространение мистических учений

Быть может, найдутся лица, которые в развитии вышеуказанных эпидемий будут обвинять прежде всего невежество грубых масс народа, культурную его отсталость. Несомненно, что эти условия имеют неоспоримое влияние на развитие психопатических эпидемий, подобных вышеуказанным. Но они отражаются преимущественно на внутреннем содержании таких явлений.

При большем умственном развитии, при большей культурности населения подобного рода психопатические явления с таким, если можно так выразиться, грубым содержанием невозможны. Но в другой форме психопатические эпидемии встречаются и в интеллигентной части общества.

Выше мы уже говорили о месмеризме, когда-то быстро овладевшем парижским обществом. Вот как описывают сцены этого месмеровского лечения, в которых содержится немало поучительного с точки зрения, развиваемой в этом сочинении:

«Когда возбужденное состояние переступало известные границы, больных перемещали в зал со стенками, обложенными матрацами; там женщин расшнуровывали и предоставляли им, не причиняя себе боли, биться головами о мягкие стены. Среди этой беснующейся толпы, разодетый в лиловые шелка, прогуливался Месмер и при содействии Дезлона и своих помощников магнетизировал по выбору молодых и красивых; вооруженный длинным железным прутом, он прикасался им к телу пациенток, главным образом к больным частям; часто, оставляя прут, он магнетизировал глазами, фиксируя свой взгляд на взгляде больных или налагая руки на подреберье и на нижнюю область живота. Это последнее продолжалось иногда по целым часам. Иной раз он прибегал к пассам, причем пре-

жде всего помещался в определенном положении относительно больной: садился против нее нога в ногу, колено в колено и, касаясь пальцами подвздошья, слегка перебирал ими по направлению к бокам. В тех случаях, когда имелось в виду вызвать более интенсивные эффекты, эти манипуляции сменялись магнетизированием большими токами, состоявшими в пассах с головы до ног и обратно до тех пор, „пока насытившаяся восстановительным флюидом замагнетизированная не падала в обморок от боли или удовольствия, — двух ощущений, одинаково благотворных“. „Молодые женщины, выдержавшие чарующий кризис, упрашивали, чтоб из вновь погрузили в это состояние; они преследовали Месмера по всей зале и уверяли, что не могут противиться живейшему влечению к магнетизирующему их субъекту“. Само собою разумеется, что зараза месмеризма со времени этих сеансов стала быстро распространяться в современном обществе. Страсть к месмеровскому лечению не замедлила сделаться общей. Дом на Вандамской площади оказался недостаточным, и Месмер занял отель Буллион, близ площади Бурс, где он построил четыре лохани, из которых одна предназначалась для бесплатного лечения бедных. Однако Месмер этим не ограничился: он магнетизировал дерево в конце улицы де Ванду, к которому тысячами стекались больные и привязывали себя к нему веревкой в надежде на излечение»[59].

Нечто подобное, хотя и в меньших размерах, случалось и позднее с так называемым магнетическим лечением. Достаточно здесь припомнить то увлечение, которое проявилось в разных центрах Европы и, между прочим, у нас в Петербурге в конце семидесятых годов, когда магнетизер Ганзен, разъезжая по большим европейским центрам, производил в своем роде «знаменитые» сеансы магнетизма или, точнее, гипноза, который, по его учению, был обязан своим происхождением особой, прису-

щей ему, магнетической силе. То же самое произошло и со спиритизмом.

Всякий, вероятно, помнит, с какой чудовищной силой еще так недавно начал развиваться мистицизм в интеллигентной части нашего общества и как быстро вместе с тем начала развиваться настоящая спиритическая эпидемия. А между тем что такое спиритизм и его позднейшее видоизменение, известное под названием теософизма? Не есть ли это также своеобразное общественное явление, которое, если не по внутреннему содержанию, то по внешности родственно сектам хлыстов, духоборцев и малеванцев, допускающих реальное общение с Св. Духом? В этом отношении нельзя не согласиться с метким сравнением, которое сделано проф. И. А. Сикорским:

«Вера спиритов в духов, в возможное общение с ними и в существование способов узнавать чрез посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее, — вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев.

Вера спиритов в духов основывается, как и у сектантов, на факте экстатических состояний, в которых медиумы могут писать, произносить слова или делать что-либо недоступное им в обыкновенных состояниях, и это недоступное спириты приписывают манипуляциям постороннего духа, действующего чрез организм медиума или иным путем.

Подобно тому, как хлысты или малеванцы, прорицая, произнося известные слова и делая телодвижения, не сознают их или, по крайне мере, не признают как собственные, а, напротив, признают их чуждыми себе, совершающимися волею вошедшего извне духа, так же точно и пишущий или вертящий столом спирит не признает этих действий за свои, а относит их к действию постороннего духа, который управляет им, как простым орудием».

«Относя к одной общей категории малеванцев, хлыстов и спиритов, мы не можем не закончить этого срав-

нения сопоставлением скопческих и хлыстовских прорицаний с откровениями спиритов. Если первые большею частью лишены смысла или по крайней мере не возвышаются над уровнем заурядного человеческого разума, то и все то, что успели сообщить спиритам их духи, совершенно посредственно или ничтожно и, по справедливому замечанию английского мыслителя, „не может быть поставлено выше самой пошлой болтовни“ (Карпентер)».

Итак, возникновение психопатических эпидемий, подобных вышеописанным, возможно и в интеллигентном классе общества, в котором одним из стимулов к их развитию и распространению служит также внушение, производимое устно и печатно.

Паники среди людей и животных

Надо, однако, иметь в виду, что психическая зараза проявляется не только распространением психопатических эпидемий, но и распространением психических эпидемий, которые не могут считаться патологическими в узком смысле слова и которые, несомненно, играли большую роль в истории народов. Такого рода психические эпидемии происходят и в современном нам обществе, и притом не особенно редко. Один из ярких примеров психических эпидемий, правда, кратковременного свойства, представляет то, что называется паникой. Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда, вследствие тех или других условий, к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности.

Кто переживал вместе с другими панику, тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно побороть в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением.

Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувст-

вом неминуемой опасности, против которого совершенно бессильно убеждение и которое получает объяснение только во внушении этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу. Из лиц, бывших на театре последней русско-турецкой войны, многие, вероятно, вспомнят при этом случае о тех паниках, которые неоднократно охватывали население Систова во время нашего Плевненского сидения.

Так как паника касается чувства самосохранения, свойственного всем и каждому, то она развивается одинаково как среди интеллигентных лиц, так и среди простолюдинов; условиями же ее развития должна быть неожиданность в появлении всеми сознаваемой опасности, на каковой почве достаточно малейшего толчка, действующего подобно внушению, чтобы развилась паника.

Однажды мне самому, во время моего студенчества, пришлось вместе с другими товарищами пережить панику, и я думаю, что хотя бы краткое описание этого случая не лишено известного интереса в связи с рассматриваемыми нами явлениями.

Дело было в течение зимы 1875—1876 года, когда произошел взрыв от случайного воспламенения 45 тысяч пудов пороха на пороховом заводе близ Петербурга. Все, жившие в то время в Петербурге, вероятно, помнят тот страшный звук, который произошел от этого взрыва и от которого полопались стекла во многих домах набережной Большой Невы. Мы сидели в то время на лекции покойного профессора Бессера в аудитории одного из деревянных бараков, занятых его клиникой. Вдруг во время полного внимания всей аудитории раздается оглушительный звук, потрясший все здание барака до его основания. В эту минуту никто не мог понять, что такое случилось. Мне показалось, что должен рушиться потолок здания, и я, сидя

впереди всех у окна, невольно поднял на мгновение голову к потолку; тотчас после этого я услышал непонятный для меня шум в аудитории и, обернувшись, увидел, что все, бывшие в аудитории, оставили скамьи и ринулись к дверям, давя друг друга и перепрыгивая по скамьям, профессор же, не имея возможности бежать, уткнул свою голову внутрь камина и так оставался некоторое время в неподвижности. Увидев, что все бегут, я и сам, охваченный тем же невольным импульсом, направился к дверям; хотя проникнуть наружу, вследствие большого стеснения товарищей в дверях, не представлялось уже возможным. Впрочем, паника прекратилась тотчас же, как только аудитория вполне очистилась. Тогда, очнувшись, никто не знал, в чем дело, и никто не мог себе отдать ясного отчета, почему он бежал вместе с другими. Все сознавали, однако, что произошло что-то такое, что, казалось, могло угрожать разрушением всего здания. К счастью, все обошлось благополучно и лишь некоторые пострадали при давке, отделавшись ушибами, вывихами рук и другими несерьезными повреждениями.

В этом случае причиной паники явились два момента: внезапный и сильнейший стук, потрясший все здание и вселивший ужас в массу слушателей, и с другой стороны, невольный взгляд одного из слушателей к потолку, внушивший или укрепивший идею о разрушении здания.

Подобные паники случаются вообще нередко при всевозможных случаях, внушающих мысль о неминуемой опасности, и, как известно, нередко являются причиной огромных бедствий. Всякий знает, что в театрах, церквах и в других многолюдных собраниях достаточно произнести слово «пожар!», чтобы вызвать целую эпидемию страха или панику, быстро охватывающую все собрание и почти неминуемо приводящую к тяжелым жертвам. Случившаяся не очень давно катастрофа на благотворительном базаре в Париже дает наглядное представление о тех

ужасны последствиях, к которым приводит паника. Так как паника является следствием внушенной или внезапно привитой мысли о неминуемой опасности, то очевидно, что никакие рассуждения и убеждения не могут устранить паники до тех пор, пока сама очевидность не рассеет внушенной идеи. Вот почему военачальники более всего опасаются развития паники в войсках, обычно ведущей к печальным последствиям. В зависимости от условий, содействующих устранению внушенного представления о неминуемой опасности, стоит и продолжительность паники; иногда она является лишь кратковременною, в других случаях более продолжительною и, следовательно, более губительною.

Так как чувство самосохранения свойственно и животным, то понятно, что паника возможна и среди животного царства. В этом случае могут быть приведены поразительные примеры развития таких паник при известных условиях среди домашних животных, особенно лошадей. Паники эти, называемые стампедами, приводят к не менее печальным последствиям, нежели людская паника. Известны примеры, что целые стада домашних животных под влиянием таких стампед погибали в море. Из стампед, случавшихся с лошадьми, мы можем привести здесь одну, наблюдавшуюся в Лондоне в 1871 году, другую, бывшую в Петербурге в том же 1871 году.

Описание этих и других стампед, или паник, было сделано д-ром Линдсеем в «The Journal of Mental Science» за январь 1872 года. Первая паника наблюдалась 30 августа 1871 года в среде лошадей лейбгвардейского полка, стоявшего лагерем близ Ольдерисата. По словам «The Daily Telegraph», «внезапный шум напугал лошадей двух офицеров и заставил их броситься со своих пикетов; за ними последовали шесть лошадей эскадрона. Потом паника распространилась по всей линии; триста лошадей сорвались одновременно и бросились бежать по всем направ-

лениям; на всех были седла, а некоторые тащили веревки и кольца… беглецы направились почти по всем свободным дорогам… В одном месте лошади ударились о заставу и разбили ее на куски… Многие ударялись о столбы и другие препятствия и серьезно повредили себя. Многие пали мертвыми в течение одного часа, некоторые потонули в канаве, другие были пойманы искалеченными».

Петербургскую стампеду корреспондент «Times» описывает следующим образом: «Полк гвардейских Ее Величества кирасир в 900 человек прибыл на свою стоянку. Один эскадрон лошадей встревожился и побежал; за ним следующий; волнение охватило всех, и в одну минуту 900 лошадей помчались в диком беспорядке… В этой панике замечательны две вещи. Во-первых, лошади единодушно выбрали своим вождем большого могучего коня и, глядя на него и фыркая ему в ответ, как бы говорили ему этим: après vous, что он в свою очередь так и понимал; они ждали, пока он кинется вперед, и последовали за ним в диком смятении. Если я скажу вам, что некоторых нашли только на расстоянии 120 миль в глубь Финляндии, то вы поймете, какова была паника. Во-вторых, замечателен способ, которым были остановлены некоторые из лошадей. Целые мили пробежали они сплошной массой и наконец приблизились под прямым углом к реке. Перед ними был мост, на другой стороне которого находился небольшой кавалерийский пикет. Лошадь-вождь, видя на другом конце моста кавалерию, не пошла на него, но кинулась в сторону, бросилась через реку, и все 900 лошадей поплыли вместе. Когда они выплыли и побежали в беспорядке, командир пикета придумал уловку; он приказал трубачу играть призыв, что всегда играют перед кормлением лошадей… Все старые лошади навострили уши, сделались нерешительными, остановились, помедлили, повернулись и побежали назад… Это спасло массу… остальные разбились»…

Но возвратимся к паникам, развивающимся при известных условиях среди людей.

Психические эпидемии во времена исторических народных движений

Но кроме такой астенической эпидемии, выражающейся в панике, мы знаем психические эпидемии другого рода, выражающиеся активными явлениями и сопровождающиеся более или менее очевидным психическим возбуждением. Такие эпидемии под влиянием соответствующих условий иногда охватывают значительную часть населения и нередко приводят к событиям, чреватым огромными последствиями.

Одушевление народных масс в годину тяжелых испытаний и фанатизм, охватывающий народные массы в тот или в другой период истории, представляют собою также своего рода психические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями на подготовленной уже почве сознания важности переживаемых событий.

Одним из ярких исторических примеров таких психических эпидемий мы видим в крестовых походах, являвшихся последствием, несомненно, привитой или внушенной идеи о необходимости освобождения Святого Гроба — идеи, так сильно воздействовавшей на народы благодаря необычайному развитию религиозного мистицизма средних веков. Вспомните несчастный крестовый поход детей, предводительствуемых галлюцинантом, и вы легко уясните, какую силу приобретало в то время внушение и взаимовнушение, находившее себе благоприятную почву в господствовавших в то время религиозных заблуждениях и почему оно было в состоянии подвинуть народные массы того времени на отдаленные и разорительные походы, требовавшие необычайного напряжения сил, волновавшие умы европейских наций около двух столетий и стоившие им около семи миллионов людей, не считая огромных денежных средств. По словам Б. Сидиса,

«непреодолимое стремление влекло людей к святому гробу, который очаровывал их душевный взор, — так бабочку безотчетно влечет к свече. Это стремление благочестивых христиан к Святому Гробу обнаруживалось в пилигримствах, которые сначала были редки, но постепенно распространились и стали всемирной манией. Епископы покидали свои епархии, принцы свои владения, чтобы поклониться могиле Христа».

«Петр Пустынник и папа Урбан II были героями, впервые пробившими лед и направившими народное движение на завоевание Святой Земли. Пламенные призывы маленького, истощенного пустынника Петра сметали все перед собою. Бред, царивший в расстроенной душе пустынника, сообщился его слушателям, и они пришли в восторг, в исступление от блестящих перспектив, которые он им открывал.

Между тем папа Урбан II созвал два собора один за другим. На втором Клермонтском он говорил многим тысячам народа. Его речь сначала слушали в торжественном молчании, но постепенно стали раздаваться рыдания. „Не слушайте ничего, — восклицал он, — кроме стонов Иерусалима, и помните, что сказал Господь: «Кто не возьмет креста своего и не последует за мною, недостоин меня». Вы воины креста; носите же на вашей груди или на ваших плечах кроваво-красный знак того, кто умер для спасения ваших душ!“ Внушение было непреодолимо. Покидая поля и города, земледельцы — рабы и мелкие торговцы выказывали большую ревность к достижению Святого Града. Если кто-нибудь рассудительный вмешивался со словами предостережения, единственным их ответом было внушение папы: „кто не последует за мною, недостоин меня“»…

«О первом крестовом походе Генрих фон Зибель говорит нам, что „мы едва ли можем понять такое состояние ума. Это все равно, как если бы теперь большая армия села на воздушные шары для завоевания некоторого острова между Землей и Луной, на котором ожидали бы

найти рай". Толпы людей различных рас с женами и дочерьми, с детьми, взятыми из колыбели, и со стариками на краю могилы, многие больные и умирающие шли отовсюду, готовые, чтобы их вели на завоевание Святой Земли. Петр Пустынник, Вальтер Бессребреник и Готтшальк стали героями, вождями толпы, которая рассеялась прежде, чем достигла Палестины».

Но еще поразительнее крестовый поход детей. «Около 1212 года, между четвертым и пятым крестовым походами Стефан, мальчик-пастух, в подражание старшим начал проповедовать детям священную войну. Он скоро стал злобой дня; люди покидали храмы, чтобы слышать его слова. Он даже творил чудеса. Призыв Стефана к детям спасти Святой Гроб возбудил в них стремление присоединиться к нему в святом паломничестве.

Эпидемия крестового похода быстро распространилась между малолетними. Всюду появились десятилетние, даже восьмилетние дети, объявлявшие себя пророками, посланными Стефаном, во имя Бога. Эти „пророки" начали ходить по городам и деревням. Подобно настоящей эпидемии, эта мания блуждания не щадила ни мальчиков, ни девочек; по рассказам хроникеров, среди больших количеств загипнотизированных детей было очень много малолетних девочек. Король Филипп Август по совету Парижского университета издал эдикт, приказывающий детям вернуться домой, но религиозные внушения были сильнее повеления короля, и дети продолжали составлять свои сборища. Отцы и матери употребляли все свое влияние, чтобы обуздать эту опасную манию странствования, но без успеха. Убеждения, угрозы, наказания были столь же бесполезны, как и приказ короля, запоры не могли удержать детей: они вырывались через двери и окна и стремились занять места в проходивших процессиях. Если же их держали так, что убежать было невозможно, они чахли, как перелетные птицы в заточении».

Несчастная судьба этих детских походов общеизвестна.

Подобным же образом внушение действует, очевидно, и во время всех вообще великих исторических событий, захватывающих народные массы, как, например, во время Великой французской революции и во время почти всех больших войн за освобождение: в древней Греции во времена персидских войн, во Франции во время англо-французской войны с Жанной д'Арк, в Сев. Америке во время американской освободительной войны, у нас в 12-м году и пр. Эта сила именно и лежит в основе того подъема духа, который приводит народ к великим историческим подвигам, покрывающим их неувядаемою славою. Не далее как четверть века тому назад во время нашей славянской освободительной войны мы пережили один из таких периодов русской истории, где наряду с направляемой свыше волей народа было немало обаятельного увлечения, значительная доля которого должна быть приписана невольному взаимовнушению и психической заразе, увлекшей еще ранее объявления нашей войны массу добровольцев на освобождение славянских народов.

Спекулятивные эпидемии

Равным образом и в финансовом мире многое совершается по внушению, и мы можем здесь различать психические эпидемии как стенического, или активного, характера, так и астенического или пассивного характера. О них, впрочем, здесь достаточно лишь упомянуть в самых общих чертах.

К числу стенических финансовых эпидемий относится известная в истории тюльпаномания голландцев, относящаяся к 1634 году. Она выразилась страстной спекуляцией на стоимость тюльпанов, торговля которыми будто бы обещала неисчерпаемые богатства. Вследствие этого масса населения в разных городах Голландии набросилась на культуру и торговлю тюльпанами, бросив свои обычные

занятия. Благодаря этому луковицы тюльпанов получили стоимость драгоценных камней, их покупали на вес перитов (менее одного грана), причем одна луковица тюльпана весом около 400 перитов оценивалась в 4400 флоринов, а за сорок же луковиц платили по 100 000 флоринов. Нечего и говорить, что эта бешеная спекуляция тюльпанами, эпидемически развивавшаяся среди голландцев, вскоре кончилась разорением тысячи семейств. Подобная же эпидемическая спекуляция, развившаяся около «Компании Миссисипи», случилась во Франции в первую четверть XVIII столетия (около 1717 года). Компания эта действовала под руководством Джона Ло и временно привлекла к себе огромные денежные средства.

Сущность этой своеобразной и в своем роде замечательной финансовой эпидемии состояла в том, что Дж. Ло получил от регента Франции полномочие на учреждение компании с исключительным правом торговли на западном берегу р. Миссисипи. Это предприятие сразу окрылило надежды многих выгодно поместить свои капиталы, благодаря чему «Компания Миссисипи» стала быстро расширять свои предприятия. Вскоре компания получила исключительное право торговли в Восточной Индии и на Южном море. С этих пор виды на барыши для всех оказались блестящими, и сам Дж. Ло сулил прибыли в 120%. Благодаря этому энтузиазм в финансовых кругах и среди публики достиг необычайных размеров. Когда была объявлена подписка на 30 000 новых акций компании, то требования достигли 300 000. Как велико было желание сделаться акционером компании, показывает тот факт, что, по свидетельству очевидцев, даже знатные герцоги, графы и маркизы со своими женами часами толкались вместе с другими в толпе на улице около дома Дж. Ло в ожидании результатов. В конце концов требования на акции возросли в такой мере, что признавалось возможным выпустить новых 300 000 акций в 5000 ливров каждую для уплаты регентом национального долга Франции, для чего была не-

обходима сумма в 1,5 миллиарда ливров; последнее, несомненно, и осуществлялось бы, если бы последовало разрешение правительства.

Все, кто мог, спешили воспользоваться реализацией ожидавшихся громадных прибылей и переполняли улицу, где помещалась «Компания Миссисипи». Но вскоре наступила реакция, и акции «Миссисипи», достигшие огромной ценности, стали колебаться и затем быстро падать, приводя к многочисленным банкротствам и разорению.

Нет надобности говорить, что финансовых эпидемий в истории известно множество, хотя не все они достигали столь крупных размеров. Между прочим в Англии известна подобная же эпидемическая спекулятивная горячка с так называемой компанией Южного Моря, относящаяся к 1720 году. Да ведь подобные же спекулятивные эпидемии случаются и в настоящее время. Не очень давно Франция пережила финансовую эпидемию с компанией Панамы. К финансовым эпидемиям астенического характера относятся так называемые биржевые паники, которые столь многочисленны и в наше время. Что в этих эпидемиях играет большую роль яд психической заразы, вряд ли может быть сомнение в глазах лиц, ближе знакомых с ходом финансовых спекуляций.

Да и во всякой азартной игре, в игре в тотализатор, в орлянку, в карты и т. п. значительная роль выпадает на долю увлечения, которое поддерживается и развивается в той или другой мере своеобразным микробом психической заразы, известной под названием внушения и взаимовнушения. Вероятно, не много найдется лиц из числа игроков, которые, несмотря на всю свою сдержанность, не ощутили бы на себе действие этого микроба, с которым благоразумие часто борется безуспешно и должно уступить свои права, хотя бы временно, этому ненасытному микробу, обыкновенно подкрадывающемуся к человеку тихо и незаметно.

Значение народных сборищ в распространении психических эпидемий

В чем же кроется причина развития подобных явлений и чем обусловливается столь могущественное действие психической инфекции, лежащей в основе психических эпидемий?

Мы уже упоминали выше, что распространению психической инфекции, как и развитию обыкновенной физической заразы, способствует более всего известная подготовленность психической почвы в населении или в известном круге лиц. Другим важным фактором в этом случае являются скопления народных масс или народные сборища во имя одной общей идеи, которые сами по себе часто представляют уже результат психической инфекции.

В этом случае должно строго отличать простое собрание лиц от сборища лиц, воодушевленных одной и той же идеей, волнующихся одними и теми же чувствами, преследующих одну и ту же цель.

Такого рода сборища, представляющие собою, в отличие от общества, временные и случайные отношения людей, сами собою превращаются как бы в одну огромную личность, чувствующую и действующую как одно целое. Что, в самом деле, в этом случае связывает воедино массу лиц, незнакомых друг другу, что заставляет биться их сердца в унисон одно другому, почему они действуют по одному и тому же плану и заявляют одни и те же требования? Ответ можно найти только в одном и том же настроении и в одной и той же идее, связавшей этих лиц путем убеждения, но она для многих лиц в таких сборищах, без сомнения, является внушенной идеей. И когда подобное сборище уже сформировалось, когда оно объединилось под влиянием одного общего психического импульса, тогда в дальнейших его действиях главнейшая ру-

ководящая роль уже выпадает на долю внушения и взаимовнушения.

Особая внушаемость толпы уже давно привлекала внимание наблюдателей. В этом отношении некоторые авторы придают большое значение ограничению произвольной деятельности. По Сидису, «если что дает нам яркое сознание нашей индивидуальности, то это наверное наши произвольные движения. Мы можем сказать, что индивидуальное растет и расширяется с увеличением разнообразия и интенсивности его произвольной деятельности; и обратно, с уменьшением разнообразия и интенсивности произвольных движений жизнь индивидуального „я“ упадает, сокращается.

Соответственно этому мы находим, что ограничение произвольных движений чрезвычайно важно для внушаемости вообще, и оно тем важнее, что может вызвать на деле сужение поля сознания с последующими условиями — все это благоприятствует внушаемости.

Нигде, кроме, быть может, только одиночного заключения, произвольные движения людей так не ограничены, как в толпе, и чем толпа больше, тем больше это ограничение, тем ниже падает индивидуальное „я“. *Сила личности обратно пропорциональна числу соединенных людей.* Этот закон верен не только для толпы, но для высокоорганизованных масс. В больших социальных организмах появляются обыкновенно только очень мелкие личности. Не в древнем Египте, Вавилоне, Ассирии, Персии следует искать великих людей, но в маленьких общинах древней Греции и Иудеи».

Нечего говорить, что последнее положение автора отличается большою условностью; но, не касаясь его, нельзя не признать, что объяснение автора особой внушаемости толпы ограничением произвольных движений отличается большою туманностью. Автор сам указывает на ограниченность произвольных движений в одиночном заключении, но никто еще не доказал, что при одиночном заклю-

чении внушаемость нарастает в более или менее значительной степени. Вообще я не думаю, чтобы ограничение произвольных движений непосредственно обусловливало сужение сознания и тем способствовало большей внушаемости. По крайней мере, к такому заключению нет достаточных оснований.

Но ограничение волевых движений, по нашему мнению, имеет значение в другом направлении. Оно позволяет сосредоточить все активное внимание на известном предмете. В этом отношении активное внимание, как волевой акт, стоит в обратном отношении к другим волевым или произвольным движениям. Когда производится ряд волевых движений, об активном внимании не может быть и речи. С ограничением или прекращением произвольных движений является возможность сосредотачивать активное внимание на том или другом предмете, но такое сосредоточение активного внимания, как известно, легко ведет к его утомлению, а с этим вместе и наступает благоприятная почва для внушаемости, то есть для введения идей и чувствований при отсутствии активного внимания в общую сферу сознания.

Когда мы хотим гипнотизировать, мы поступаем таким же точно образом. Первоначально мы ограничиваем произвольные движения, требуем, чтобы человек сидел спокойно и не говорил ни слова; затем мы требуем, чтобы он сосредоточил свое внимание на фиксируемом предмете, на глазах гипнотизера, на идее о сне и пр. — все равно, на чем бы то ни было, лишь бы это сосредоточение было возможно полным, что легко достигается при ограничении произвольных движений. Но как всякий волевой акт, так и сосредоточение внимания не может быть продолжительным. Вскоре наступает утомление, внимание постепенно ослабевает, а вместе с ним исчезают все проявления личности.

То же происходит и в толпе. При ограничении произвольных движений все внимание устремляется на сло-

ва оратора, наступает та страшная гробовая тишина, которая страшит всякого наблюдателя, когда каждое слово звучит в устах каждого из толпы, производя могучее влияние на его сознание. При этом внимание постепенно утомляется и наступает период, когда открывается обширное поле для внушения. Спокойная толпа становится толпой возбужденной, и здесь достаточно бросить одно недостаточно взвешенное слово, чтобы оно сделалось искрой, приводящей к огромному пожару.

Этому благоприятствует в особенности то обстоятельство, что в возбужденной толпе имеются все условия, благоприятствующие общему взаимовнушению, вследствие чего внушение, проникшее в сознание нескольких лиц, вскоре благодаря взаимовнушению становится общим достоянием толпы.

Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?

Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. Достаточно упомянуть здесь о работах Сигеле, Лебона, Тарда, Жане и др. Некоторые признают даже существование как бы особой коллективной души. Но было бы излишне входить здесь в какие-либо подробности по этому поводу. Достаточно заметить, что, как бы мы ни смотрели на вопросы, относящиеся до коллективной души и до особых «психических волн», распространяющихся на массу лиц одновременно и способных при известных условиях даже к обратному отражению, не может подлежать никакому сомнению, что в основе всего лежит могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные лица как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, находящего благоприятную почву в общем состоянии народных масс, можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.

В позднейшее время вопрос этот служил предметом обсуждения на V конгрессе по криминальной антропологии в Амстердаме. Докладчиками явились д-ра Джелгерсма (Quelques observations sur la psychologie des foules) и Сигеле (Le crime collectif). Оба докладчика пришли приблизительно к тем же выводам. Д-р Джелгерсма высказался в том смысле, что в толпе чувство преобладает над разумом, замечается отсутствие анализа и скорый переход от побуждения к действию. Легковерие толпы, ее впечатлительность, нетерпеливость и абсолютизм объясняются моноидеизмом толпы, так как чувства одного непосредственно передаются другим благодаря «психической заразительности». Таким образом, дело сводится к простым законам психологии, примененным к толпе. Сигеле высказался, что в действиях толпы выдающееся значение получает внушение, благодаря которому слово или жест одного человека с быстротою молнии зажигает толпу. Внушение вообще служит основой всех преступлений, совершаемых совместно двумя или несколькими лицами. Таким образом, мы встречаемся здесь с теми же мыслями, которые были высказаны еще в первом издании этого сочинения, вышедшего много раньше упомянутого конгресса.

Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных одной общей идеей, может

служить взятие Бастилии и отпор на границах Франции европейских войск, окруживших последнюю в период Великой революции.

Значение внушения в общественных группах

В большинстве случаев толпе нужны, конечно, вожаки, которые, инстинктивно чувствуя значение и силу толпы, руководят ею как искусные демагоги гораздо более силой внушения, нежели здравым убеждением. Б. Сидис в своей книге, вышедшей вслед за моей работой, появившейся в переводе на немецкий язык в 1899 году, высказывает по этому поводу в общем те же самые мысли, что и я. «Внушение, — по словам Б. Сидиса, — данное исступленной толпе „владыкой", распространяется подобно пожару. Оно отражается от индивида к индивиду, собирает силу и становится таким подавляющим, что приводит толпу к бешеной деятельности, к безумному возбуждению. Когда толпа принимает внушения и выполняет их, волнение возрастает больше и больше. Каждое исполненное внушение расширяет и усиливает эмоцию толпы. За каждым новым приступом следует более сильный пароксизм бешеного демонического безумия. Толпа подобна лавине: чем дольше она катится, тем грознее и опаснее она становится. Внушение, данное героем, вождем, господином момента, принимается толпой и отражается от человека к человеку, пока всякая голова не закружится, всякий ум не помутится. В исступленной толпе каждый влияет и подвергается влиянию, каждый внушает и получает внушения, волна внушений все растет, пока не достигнет страшной высоты».

Вот почему человек, умеющий овладевать вниманием толпы, всегда может увлечь ее на беспримерные подвиги, чему примеров в истории мы знаем немало. Вспомним хотя бы историю нашего Минина, спасшего отечество

своей проповедью в наиболее трудные для него времена. Его знаменитая фраза: «Заложим своих жен и детей и выкупим отечество!» — должна была действовать подобно сильнейшему внушению на наэлектризованную уже ранее толпу. Как можно овладевать толпой и ее порывами, показывает между прочим следующий рассказ Б. Сидиса:

«11 августа 1895 года в Old Orchard Me… был митинг под открытым небом. Нужно было сделать сбор для всемирной проповеди Евангелия. Проповедник следующим образом давал внушения: „Самое поразительное воспоминание, которое я имею о чужих странах, это — толпы, волны потерянного человечества, разбивающиеся непрестанно о берега вечности… В каком отчаянии они, как нелюбимы — никакой радости, ни веселья, ни песни в их религии! Однажды я слышал, как китаец говорил, почему он христианин. Ему казалось, что он брошен в глубокую пропасть и нет средств выйти из нее (рассказ). Плакали ли вы о потерянном мире, как Иисус плакал? Если нет, горе вам! Ваша религия только сон и мечта. Мы находим Христа испытующим своих учеников. Возьмет ли он их с собою? Возлюбленные, Он испытывает вас сегодня. (Непрямое внушение.) Он бы мог обратить тысячу миллионеров, но он дает вам случай спастись (внушение прямее прежнего). Довольно ли у вас веры? (Здесь следует рассуждение о вере.) Бог не может творить великих вещей без веры. Я верю, что пришествие Иисуса придет по вере сильно верующего в сие… Возлюбленные, если вы даете для Бога, вы получили веру (внушение еще прямее). Отрок с пятью хлебами и двумя маленькими рыбами (рассказ) — когда все было кончено, он не потерял своих хлебов; осталось двенадцать корзин… О, возлюбленные, как оно вернется! Некогда царь царей призовет вас и даст вам царство славы и за то, что доверили Ему так мало! Великий вклад вы делаете сегодня… некогда Бог покажет нам, насколько лучше Он поместил наши сокровища, чем мы сами“. Внушение подействовало. Со всех сторон потекли деньги, сот-

ни превращались в тысячи, в десятки тысяч. Толпа дала 70 000 долларов».

Та же самая сила внушения действует, очевидно, и в войсках, ведя их к блестящим победам.

Без сомнения, дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее колоссальное тело, но последнее для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему умение поддержать дух войск в решительную минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев.

Этой же силой внушения объясняются геройские подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех.

Очевидно, что сила внушения в этих случаях, устраняя сознание невозможности достигнуть цели, ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом сила внушения приводит иногда к событиям, свершить которые воля и сознание долга без соответствующего внушения были бы не в состоянии.

Когда имеется достаточно условий для того, чтобы данное внушение получило отклик в умах людей, последнее воздействует на народные массы в том или другом направлении соответственно своему содержанию. Так как наши народные массы по своей неразвитости еще содержат немало грубых инстинктов и в то же время им доступно сознание высоконравственных начал, усваиваемых главным образом благодаря религии и воспитанию в духе общей государственной идеи, то естественно, что путем внушения народные массы могут быть направляемы как к самым безнравственным и жестоким поступкам, так и к великим историческим подвигам. Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя

которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединяющаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие.

Вообще известно, что возбужденная толпа способна на самые бесчеловечные поступки, благодаря именно тому, что на место здравой логики является автоматизм и импульсивность как прямые следствия внушения. Современные нам жестокости американцев, расправляющихся по суду Линча с преступниками или только лицами, подозреваемыми в преступлении, служа позором для страны свободы, получают тем не менее объяснение в этой импульсивности толпы, которая не знает никакой пощады.

«Хотите вы типического примера преступлений толпы? — говорит Тард в одном из своих сочинений. — Революция Тэна дает нам таких примеров больше, чем нужно. В сентябре 1789 года в Труа создается легенда, враждебная для мэра Гуеза: он скупщик, он хочет заставить народ есть сено. Гуез известен своей благотворительностью. Он оказал большие услуги городу. Но что за важность! 9 сентября на трех возах мука оказалась дурною; народ стал собираться и кричать: „Долой мэра!“, „Смерть мэру!“. Гуеза при выходе из суда сшибают с ног, бьют ногами и кулаками, и он умирает, пораженный ударом деревянного башмака в голову. Одна женщина бросается на поваленного старика, топчет его лицо ногами и несколько раз вонзает ему ножницы в глаза. Его тащат с веревкой на шее к мосту, бросают в воду, затем вытаскивают и снова волочат по улицам, по лужам „с клочком сена во рту“. После этого начались грабежи и разрушение домов, причем у одного нотариуса было похищено и распито более шестисот бутылок вина. В ту же эпоху толпа поступила еще ужаснее в Кане: майор Бельсон был разорван на части подобно Лаперузу на островах Фиджи, и одна женщина съела его сердце».

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлективно жесточайшим злодеянием, пред которым бледнеют все ужасы грабителей.

Вспомните сцену из «Войны и мира» на дворе князя Ростопчина, предавшего толпе для собственного спасения одного из заключенных, вспомните печальную смерть воспитанника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время наших возмущений в последнюю холерную эпидемию! Достаточно, чтобы во время страшных народных эпидемий проник слух об отравлении водных источников, чтобы исступленные толпы стали искать отравителей, и смерть тем из несчастных, на которых падает в этом случае хотя бы тень подозрения. Так бывает не только в наших захолустьях, но и в таких центрах цивилизации, как Париж, где во времена холерных эпидемий буквально повторялись те же самые события. По словам Жиске, «один молодой человек, служащий в министерстве внутренних дел, был убит на улице Сен-Дени по одному подозрению в том, что он хотел бросить яд в чан одного торговца вином».

Достойно внимания, что подобные же действия толп повторяются с необычайной стереотипностью во все времена и в разных странах. «Римские толпы, обвиняющие христиан в поджогах Рима или в поражении, постигшем какой-нибудь легион, и бросающие их на растерзание зверей, средневековые толпы, выставляющие против альбигойцев, против евреев, против какого-нибудь еретика нелепейшие обвинения, распространенность которых принимается за доказательство их справедливости; немецкие толпы Мюнцера во времена Реформации, французские толпы Журдана во времена Террора, — все они и всегда представляют одно и то же зрелище».

Как быстро передается внушение в толпе, особенно уже ранее наэлектризованной, показывает пример, заимствованный из Бианки. В одной деревушке народ, уже до

некоторой степени возбужденный, заметил при выходе из церкви нескольких полицейских, явившихся для исполнения своей службы. Этого было достаточно, чтобы дать повод к общему раздражению, начались свистки и крики, послышались зажигательные возгласы и песни, и не прошло много времени, как толпа, состоявшая из совершенно мирных граждан, в том числе стариков и детей, начала бить стекла и громить все, что она могла.

Вот почему благородство и возвышенность религиозных, политических и патриотических целей, преследуемых людьми, собравшимися в толпу, по справедливому замечанию Тарда, нисколько не препятствует быстрому упадку их нравственности и крайней жестокости их поведения, лишь только они начинают действовать сообща[60]. В этом случае все зависит от направляющих толпу элементов.

До какой степени быстро, почти мгновенно, толпа по внушению изменяет свои чувства, показывает рассказ Ф. де Сегура об одной толпе 1791 года, которая в окрестностях Парижа преследовала одного богатого фермера, будто бы нажившегося на счет общества. В ту минуту, когда этому фермеру грозила уже смерть, кто-то из толпы горячо вступился за него, и толпа внезапно перешла от крайней ярости к не менее крайнему расположению к этому лицу. Она заставила его петь и плясать вместе с собою вокруг дерева свободы, тогда как за минуту пред тем собиралась его повесить на ветвях того же самого дерева.

Мы не касаемся здесь спорного вопроса — всегда ли обязательны для всякого действия толпы особые вожаки, как думает Тард, или же возможны и самостоятельные действия толпы без всяких вожаков, как утверждают его противники; во всяком случае несомненно, что действия толпы в значительной мере обязаны внушению и самовнушению, часто даже сводящемуся к простому подражанию.

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа, доступная по своему уровню нравственным идеалам христианского учения и в то же время сохранившая в себе еще остатки дикой грубости нравов, способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

Не подлежит вообще никакому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело не идет об одном только случайном объединении, но о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главнейшим образом благодаря взаимовнушению. С этим вместе активность отдельных элементов толпы усиливает их до наивысшей степени, и при полном психическом объединении вся толпа может действовать, как один человек, двигаясь, как одно огромное социальное тело, объединенное одним общим настроением и одними и теми же чувствами и мыслями. Но как легко толпа приходит в возбужденное состояние, делаясь в высшей степени активною, так же легко и, пожалуй, еще легче толпа впадает при соответствующих условиях и в панику, о чем была уже речь выше. И здесь, в панике, все дело в силе внушения, взаимовнушения и подражательности, а не в логическом убеждении, — в автоматизме, а не в разуме.

То же самое, что мы имеем в отдельных сформировавшихся толпах, мы находим, хотя и в значительно меньшей мере, и в каждой вообще социальной среде, а равно и в больших обществах, особенно в периоды приподнятых общественных настроений.

Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга своими мыслями и в зависимости от качества получаемой ими инфекции волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот,

низменными и животными. Сообщества учителя и учеников, сообщества друзей или влюбленных, разве они обходятся без взаимовнушения? Двойные самоубийства, действия сообща также предполагают известную долю взаимовнушения. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое хотя и не всегда, но чаще всего действует подобно внушению.

В этом отношении нельзя не согласиться с Тардом, что «трудность состоит не в том, чтобы отыскать собирательные преступления, но в том, чтобы открыть преступления, которые не были бы таковыми, которые нисколько не заключали бы в себе пособничества или соучастия среды. Это до такой степени верно, что можно даже спросить себя, существуют ли на самом деле индивидуальные преступления, все равно, как можно задать себе и другой вопрос: есть ли такие гениальные произведения, которые не были бы делом коллективным?».

Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям; а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно было одного подбадривающего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление явилось неизбежным. Равным образом в организованных обществах преступления иногда совершаются по приказанию их главы, как по мановению жезла.

Вообще надо иметь в виду, что идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда

сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды.

Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц, которые не в состоянии подняться выше этой среды, выделиться из массы. В обществе этот психический микроб, понимаемый под словом «внушение», является в некоторой мере нивелирующим элементом и, смотря по тому, представляется ли отдельное лицо выше или ниже окружающей среды, оно от влияния последней делается хуже или лучше, то есть выигрывает или проигрывает. В этом нельзя не видеть важного значения внушения как условия, содействующего объединению отдельных лиц в большие общества.

Но кроме этой объединяющей силы внушения и взаимовнушение, как мы видели, усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс. В этом заключается другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы при благоприятной к тому почве к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений. И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время народных эпидемий.

Тем не менее внушение в других случаях, как мы видели выше, способствует тому, чтобы увлечь народы как одно целое к величайшим подвигам, оставляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории народов.

В этом отношении, как уже ранее упомянуто, многое зависит от подготовленной почвы в виде народного сознания и сложившихся чувств и убеждений. Но всего этого большею частью бывает недостаточно для осуществления великих событий, и тогда немаловажная роль в ходе этих событий выпадает на долю направляющей силы. Дело руководителей народных масс заключается, таким образом, по преимуществу в искусстве направлять их чувства и мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям.

Отсюда очевидно, что внушение является тем социальным фактором, который играет немаловажную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов.

Как в биологической жизни отдельных лиц и целых обществ в зависимости от тех или других благоприятных условий играет известную роль микроб физический, будучи, благодаря своей индивидуальной организации и биологическим свойствам, то фактором полезным, то вредным и смертельным, уносящим тысячи жертв, так и психический микроб, или внушение, в зависимости от своего внутреннего содержания может быть фактором в высшей степени полезным или же вредным и губительным.

Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором та или другая роль не выпадала бы на долю внушения или самовнушения. Уже многие крупные исторические личности, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон I и пр., явившись яркими выразителями народных стремлений и народной воли, окружались в то же время, благодаря народной вере в силу их гения, таким ореолом, который нередко действовал на окружающих лиц подобно внушению, невольно увлекая за ними массы народов, чем, без сомнения, в значительной мере облегчалось и осуществление исторической миссии, принадлежавшей им по праву сильного ума и энергии. Мы говорили

уже, что одного ободряющего слова любимого полководца достаточно, чтобы тотчас же воспрянул духом солдат и руководимые сознанием долга люди пошли на верную смерть, нередко не отдавая в том даже ясного отчета.

Не менее видная роль на долю внушения выпадает, как мы видели, и при всяком движении умов и в особенности в тех исторических событиях, в которых активною силою являлись народные сборища. Ввиду этого я полагаю, что внушение, как фактор, заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение.

В заключение необходимо заметить, что избранная мною тема далеко не могла быть вполне исчерпана в вышеизложенной беседе, так как она всеобъемлюща, но те несколько штрихов, которые набросаны в предыдущем изложении, дают, по крайней мере, канву для размышления о том значении, которое имеет внушение в социальной жизни народов, наряду с убеждениями, достигаемыми путем логики и строгого размышления, и о той роли, какую внушение должно было играть в моменты важнейших исторических событий древних и новых времен.

Между прочим, мы не коснулись в предыдущем изложении одного в высшей степени важного вопроса, о котором так много было споров еще в самое последнее время. Я говорю о роли отдельных личностей в истории.

Как известно, многие были склонны отрицать совершенно роль личности в ходе исторических событий. По ним, личность является лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи, и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий. Последние силою вещей выдвигают ту или другую личность поверх толпы, сами же события идут своей чередой вне всякой зависимости от влиянии на них отдельных личностей.

При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая независимо от силы ума и энергии служит могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках известных публицистов, в руках блестящих ораторов, в руках прославленных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей при собственном богатстве их умственных способностей имеется еще та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на целом ряде грядущих поколений.

Приложение

Мысленное внушение или фокус?

Печатается по: Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии, 1904, № 8.

Вопросы мысленного внушения не могут не интересовать человечество до тех пор, пока существование этого внушения не будет окончательно решено в том или другом смысле на основании достоверных данных. Ввиду этого собрание фактического материала, относящегося к данному вопросу, должно быть на первом плане, так как соответственная оценка этого материала и должна послужить к окончательному выяснению этого крайне важного и в то же время в высшей степени деликатного вопроса.

Руководясь этим, мы не можем не обратить внимание читателей на опыты мысленного внушения, произведенные д-ром Котиком и д-ром Певницким в соучастии с другими врачами над Софьей Штаркер, делавшей представления в одном из одесских балаганов.

Надо заметить, что подобные представления в народных театрах, по-видимому, не составляют исключительной редкости, и еще не далее как в апреле 1903 года мне самому удалось наблюдать подобную же демонстрацию мысленного внушения в одном из народных театров Вены, где самая демонстрация явлений производилась при следующих условиях.

Молодая особа садилась на стул посреди сцены перед публикой, и ей плотно завязывались глаза большим платком. Затем предлагалось кому-либо из публики участвовать в опыте и задумать то или другое слово — *безразлично,* какое бы то ни было. Участник опыта садился вблизи

отгадывательницы, которая клала ему на лоб свою руку и после небольшого промежутка времени говорила вслух те слова, которые он задумывал. Так проделывалось с несколькими лицами, причем самое отгадывание как конкретных, так и отвлеченных слов производилось с видимою легкостью и безошибочно. Затем проделывались опыты с отгадыванием предметов, находящихся в карманах присутствующей публики при посредстве пожилого человека-индуктора, с которым обыкновенно производились опыты этого рода. Для этой цели последний обходит публику, нащупывает вещи в кармане и в случае, если он их не узнает на ощупь, просит их вынуть, чтобы он мог убедиться, что именно пред ним имеется; затем, думая о них и не произнося ни одного слова, он спрашивает отгадчицу: что здесь или что это такое? Все вопросы ставились вполне однообразно, вещи в большинстве случаев оставались в карманах зрителей и лишь в случае, если не были узнаны на ощупь, показывались индуктору, но так, что их мог знать только он сам, их собственник и ближайшие соседи; отгадчица же при этих опытах находилась на расстоянии по крайней мере 15—40 шагов и все время оставалась с завязанными глазами; следовательно, видеть предметы не могла ни в каком случае.

Никакого условного общения между индуктором и отгадчицей также не могло быть, так как вопросы первого всегда были однообразны и без каких-либо особых изменений в интонации голоса, а о каком-либо механическом общении не могло быть и речи. Ответы для огромного большинства предметов давались отгадчицей верные, причем простые предметы, как апельсин, лимон, гребенка, веревка, ножик, зубочистка и пр., давались быстро и уверенно, предметы же менее обычные отгадывались хотя также в огромном большинстве случаев точно, но менее скоро. Отгадывание некоторых предметов требовало даже порядочного промежутка времени. Изредка при этом делались ошибки; но ошибки эти почти тотчас

же исправлялись после указания на неправильность ответа со стороны индуктора. Иногда ошибки указывали на предмет лишь приблизительно, например, вместо «записная книжка» был дан ответ «билет», когда затем индуктор указал на ее ошибку и потребовал, чтобы отгадчица думала дальше, она после некоторого времени сказала верно: «Книжка»; на вопрос: «Какая?» — ответила: «Записная». Далее следовали вопросы о том, что в книжке записано, и индуктор последовательно заставил отгадчицу сказать по крайней мере десятка два записей, которые были сделаны в этой книжке, причем все эти записи прочитывались относительно быстро и с пунктуальной точностью без всяких даже малейших знаков со стороны индуктора.

По общей постановке дела с отгадыванием мыслей здесь, очевидно, было много сходства с тем, как проделывала свои опыты Софья Штаркер. К сожалению, я лишен был возможности проделать целый ряд опытов с отгадчицей при иных условиях, могу лишь сказать, что, будучи сам ближайшим наблюдателем тех демонстраций, о которых шла речь выше, я не нашел в них решительно ничего такого, чтобы можно было признать за обман или фокус. Тем не менее для решения вопроса о мысленном внушении крайне желательно не одно только констатирование факта, но и всестороннее изучение тех условий, при которых производятся самые опыты.

Если подтвердится, что в случаях такого рода мы имеем дело с настоящим мысленным внушением, то объяснение самих явлений с помощью передачи энергии от одного лица другому навязывается само собою. Как бы то ни было, мы не должны упускать из виду, что вопрос о мысленном внушении постепенно выходит из области загадочного и неведомого, так как с развитием учения о психике как проявлении энергии и с открытиями Blondlot и Charpentier об исходящих из нервной ткани во время ее деятельности лучах самая возможность мысленного вну-

шения становится явлением, ничуть не противоречащим нашим основным научным воззрениям[61].

Ввиду этого крайне желательно, чтобы к изучению явлений мысленного внушения серьезные научные деятели перестали относиться с тем пренебрежением, которое, за малыми и всем хорошо известными исключениями, проявлялось в их среде до позднейшего времени.

1906

Внушение и воспитание

Доклад, читанный на 1-м Международном педологическом конгрессе в Брюсселе 13—18 авг. 1911 года. Печатается по: Бехтерев В. М. Внушение и воспитание, СПб., 1912.

Вряд ли нужно доказывать, что развитие человеческой личности нуждается в самом старательном воспитании, а между тем как мало внимания в жизни уделяется этому делу. Мы воспитываем старательно каждое плодовое деревцо и даже простой цветок, мы воспитываем всякое домашнее животное и в то же время мало заботимся о воспитании будущего потомства и, что еще хуже, при незнании основ воспитания нередко уродуем будущую личность человека, воображая, что делаем нечто особо полезное.

К тому же в повседневной литературе так мало уделяется места вопросам воспитания, что самый предмет не всем кажется ясным. Мы привыкли говорить о нравственном, умственном и физическом воспитании; но спросите молодых супругов, что следует понимать под нравственным воспитанием, и вы убедитесь, что далеко не все вам ответят, что под этим следует понимать развитие чувства социальной любви и сострадания, и развитие чувства правды и уважения ко всему общественно ценному, хорошему, и развитие чувства долга или обязанности, а между тем в развитии этих именно сторон личности, как всем, должно быть, ясно, и заключается основа взаимоотношений между людьми.

Спросите кого угодно из публики о том, что такое умственное воспитание, и можно быть уверенным, что он вряд ли правильно разграничит это понятие от образования, а между тем развитие ума, которое достигается воспитанием, вовсе не представляется тождественным с приобретением познаний, тем более что можно быть человеком достаточно образованным и в то же время умственно мало развитым.

Равным образом и по отношению к физическому воспитанию многие полагают, что оно состоит в простом укреплении тела, забывая, что оно играет выдающуюся роль в развитии энергии, находчивости, решительности, способности к инициативе и стойкости, то есть развитии тех качеств, которые обнимаются общим понятием воли и самодеятельности — этого ценного дара человеческой личности.

Нечего говорить, что воспитание играет огромную роль не только в развитии характера, но и в охранении здоровья, и притом как физического, так и умственного.

Мы не будем здесь распространяться на тему о значении воспитания в отношении приучения человека к труду, порядку, физическим занятиям и гигиене, что так важно для физического здоровья человека. Это должно быть очевидно для всех и каждого и без лишних пояснений. Но мы не можем здесь не отметить значения воспитания в вопросе, ближе касающемся нашей специальности, — в вопросе об охранении умственного здоровья.

Для всех должно быть ясно, что правильно поставленное воспитание, выработка характера и создание столь важных в жизни идеалов не могут не быть признаны важным пособием в охранении душевного здоровья.

Если принять во внимание, как часто душевное здоровье подрывается вследствие нарушения основных правил гигиены, вследствие слишком изнеженного воспитания, когда личность является неспособной к труду, а следова-

тельно, и непереносливой к тем или иным хотя бы в малейшей степени неблагоприятным условиям жизни, а также когда личность вследствие отсутствия идеалов и неприспособленности к жизненной борьбе и проведению их в жизнь теряет душевное равновесие, становясь разочарованной, то всем должна быть понятна связь между недостатком воспитания и развитием душевных расстройств.

Но существует и прямая связь между развитием психозов и неправильным воспитанием, на что мне уже приходилось обращать внимание при другом случае.

Неправильное воспитание, особенно в раннем возрасте, уже само по себе может быть причиной душевной болезни. По крайней мере, психиатрическая практика не оставляет сомнения в том, что в иных случаях, несмотря на благоприятные условия наследственности и столь же благоприятные дальнейшие жизненные условия, душевная болезнь может развиться под влиянием дурных воспитательных условий, сложившихся в раннем детстве.

Да может ли быть иначе, если ребенок, будучи здоровым от рождения, с первых шагов своего земного существования будет неудовлетворен в своих насущных потребностях и потому будет почти постоянно находиться в неблагоприятных не только физических, но и нравственных условиях, если он будет хронически болеть кишечными расстройствами и если будет почти постоянно в слезах не только от несвоевременного удовлетворения его физических нужд, но и под влиянием бессмысленных угроз няни или матери?

Можно ли вообще ожидать, чтобы эти и подобные им условия, действующие в течение многих лет в наиболее нежном периоде жизни, не отразились на душевном здоровье будущей личности самым губительным образом?

Нечего говорить, что дурные примеры старших и прививание этим путем нездоровых привычек к детскому организму, глубокое, ничем не оправдываемое и крайне вред-

ное для здоровья пугание детей старшими, а также всякое попущение легко прививающимся в возрасте первого детства дурным инстинктам и неустранение их своевременными воспитательными усилиями не могут не способствовать развитию навязчивых состояний, неуравновешенности, приводящей затем и к развитию душевных недугов.

В этом вопросе вряд ли возможны какие-либо сомнения, если мы примем во внимание особо восприимчивую и впечатлительную душу ребенка.

Эту исключительную впечатлительность ребенка никогда не следует забывать в такого рода вопросах, как охрана душевного здоровья, и так как эти же условия дают основу и для здорового воздействия на ребенка путем примера, возбуждающего подражание, и путем внушения, то мы и остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Всем общеизвестен факт, что из возраста первого детства, когда память уже начинает сохранять впечатления, некоторые события, почему-либо особо выделившиеся из многих других, остаются в виде воспоминаний на всю жизнь и оживляются в пожилом возрасте иногда с такою же яркостью, как бы эти впечатления вновь переживались. Уже это обстоятельство ясно показывает о повышенной детской впечатлительности.

Можно привести и много других примеров, где проявляется необычайная детская впечатлительность и внушаемость. Достаточно бывает иногда неосторожно произнесенного при ребенке слова о совершенном убийстве или каком-либо другом тяжелом происшествии, и ребенок будет уже тревожно спать ночь или даже подвергнется ночному испугу или кошмару. Вот почему обстановка и в особенности окружающая среда всегда оказывает на воспитание ребенка огромное влияние.

Baginski в своей небольшой статье приводит целый ряд примеров, где детская впечатлительность благодаря действию окружающей среды сказалась самым ярким образом.

Особая впечатлительность детей стоит в тесной связи с необычайной их внушаемостью, благодаря которой ребенку легко прививается как все дурное, так и хорошее.

Как велико значение внушения в детской жизни показывает, между прочим, тот факт, что маленькие дети легко успокаиваются после ушиба, коль скоро подуть на ушибленное место.

Известно, что ребенок Балдвина в первые месяцы мог быть с постоянством усыпляем, если его клали лицом вниз и легонько похлопывали по нижней части позвоночника.

Известно далее, что маленькие дети успокаиваются в присутствии близких им лиц и тотчас же быстро засыпают.

Поразительно также, как легко дети подвергаются чувственному внушению. Достаточно, чтобы окружающие обнаруживали веселое настроение, и это настроение тотчас же заражает и детей; с другой стороны, испуг и растерянность старших тотчас же передается и ребенку.

Витташк сообщает, что при рассматривании картин ему удалось прививать детям по желанию ту или другую чувственную реакцию в зависимости от того, обнаруживал ли он сам удовольствие или неудовольствие при представляемом предмете.

Плечер также имел аналогичные наблюдения. Поставив на стол стакан, наполненный не совсем крепким уксусом, он выпивал его в присутствии маленькой девочки со всеми признаками удовольствия, после чего и девочка просила о том же и выпивала полстаканчика. Хотя лицо девочки при этом стягивалось, но она произносила «хорошо» и требовала вскоре после того еще и остаток. В другом случае на вопрос: «Хороша ли твоя кукла?» — получался энергичный ответ: «Да», но, когда автор отходил в замечанием, что кукла дурная и что она злая, девочка клала куклу со страхом или бросала ее в угол, хотя в другое время она ее обожала.

Благодаря поразительной внушаемости и свидетельские показания детей страдают неправдивостью, в чем согласно большинство авторов.

Плечер приводит поразительный пример внушаемости из своей собственной практики, иллюстрирующий только что сказанное.

Он спросил около 11 часов дня своих учеников: не видел ли кто из них что-либо, лежавшее на его столе? Никто ничего не сообщил. На его дальнейшие вопросы, не видал ли кто-либо положенный им ножик, из 54 учеников 29, то есть 57%, ответили, что они его видели, и притом ответило таким образом известное число таких учеников, которые со своего места не могли ничего видеть; семеро учеников видели даже, как он ножом резал бумагу и после того положил ножик, трое — как он чинил карандаш и один — как он отрезывал резинку для физических опытов. На объяснение Плечера, что ножик после перерыва в занятиях исчез со стола, первоначально было молчание, затем стали выяснять, что мальчик Г., который за короткое время перед тем обвинялся в воровстве, во время перерыва в занятиях держался вблизи стола, как бы желая осмотреть поставленные аппараты. В действительности автор в течение всего предобеденного времени не вынимал ножа из своего кармана. Ученик Г. вышел из комнаты в числе первых и во время перерыва находился все время на школьном дворе в непосредственной близи с ним.

Как велико внушающее влияние на детей даже простых вопросов, показывают известные опыты Штерна, показывающие, между прочим, как и предыдущий случай, какую ценность могут иметь свидетельские показания детей на суде. Автор предъявлял испытуемым детям картинку в течение ¾ секунды и требовал от детей, чтобы они сообщили о виденном, после чего предлагал им заготовленные ранее вопросы.

Оказалось, что при простом сообщении число ложных ответов достигало 6%, при опросах оно достигало 33%.

Этот результат объясняется тем, что всякий вопрос до некоторой степени оказывает уже внушающее влияние на испытуемого.

Если же при опытах давалось Штерном известное число внушающих вопросов, то результаты оказывались еще более поразительными, так как правильных ответов получилось всего 59%.

Липманн, делая специальные опыты над влиянием внушающих вопросов на детей, убедился, что у детей меньшего возраста внушаемость значительно больше, нежели у детей большего возраста.

Косог проделывал над девятилетними детьми опыты со специальной целью: выяснить внушаемость по отдельным органам.

При этом оказалось, что при испытании осязания внушающее влияние можно было установить в 45%, в области зрения — в 55%, в области слуха — в 65%, в области обоняния — в 72,5—78,75%, в области вкуса — 75%. Все же 600 отдельных опытов дали 390, или 65%, удавшихся внушающих влияний. При этом внушаемость, по автору, больше обнаруживалась у более способного ученика, нежели у среднего, а у последнего больше, чем у менее способного; но автор допускает в этом случае возможность случайности.

Поразительной детской внушаемостью объясняются, между прочим, и такие явления, как детские психические эпидемии, и в числе их одно из поразительных явлений этого рода представляет собою детский крестовый поход 1212 года. Можно ли, в самом деле, иначе объяснить, как силой внушения, странное влечение детей, которые вопреки воле родителей выскакивали из окон, чтобы присоединиться к проходящим детским толпам, направлявшимся в Святую Землю с целью освободить Гроб Господень.

Сумасшедшая идея освободить Гроб с помощью детских рук подавляла совершенно в детях всякий страх перед неизвестностью и увлекала их под видом чарующей

воображение мнимой божественной миссии на путь верной гибели и рабства.

С тех пор столь грозных детских эпидемий не случалось в истории отчасти, может быть, потому, что дети ныне живут обыкновенно в условиях, исключающих большое их скопление на улицах.

Однако в школах детские психические эпидемии случаются сплошь и рядом.

Они описывались многими авторами, и вряд ли нужно приводить здесь примеры таких школьных эпидемий. Чаще всего они выражаются в распространении среди детей судорожных и иных форм истерии и истерической хореи[62].

Хотя в происхождении этих детских психических эпидемий играют роль такие явления, как наследственное расположение, малокровие и т. п., но, собственно, непосредственной причиной здесь все же является психическая зараза, основанная на внушающем действии примера и переживании соответствующей эмоции.

Всем известно, что достаточно одного истерического или эпилептического приступа среди детей, чтобы в известных случаях развилась судорожная эпидемия, захватывающая нескольких школьников.

Влияние внушения на детский ум доказывают и случаи тайного бегства детей для выполнения отдаленных путешествий, например, в Америку или к Северному полюсу, под влиянием чтения книг Майна Рида, Жюля Верна и др. Так, два маленьких 13-летних баварца, начитавшись книг, захватили тайно от родных деньги и оружие и отправились в путешествие к Северному полюсу, чтобы охотиться за белыми медведями (Плечер).

Чтение книг, действующих на воображение, вообще оказывает на детей огромное внушающее влияние. Известны примеры, что дети совершали тяжкие преступления исключительно под влиянием чтения книг, в которых описываются преступления и где сами преступники являются героями. Так, четыре 13—14-летних мальчика под

влиянием чтения разбойничьих историй основали воровскую шайку и совершили ряд больших краж (Плечер).

Тот же автор сообщает, как в 1908 году после наделавшей большого шума истории с вымогательством посредством угрожающих писем, направленных к одному богатому мюнхенцу с требованием 100 000 марок, последовал целый ряд подобных же историй с вымогательством путем угрожающих писем и в других местах Германии, причем виновниками всех этих историй оказались дети в возрасте, не превышавшем 15 лет. Нет надобности говорить, что в России в период экспроприации эти явления были обычными и, вероятно, из России они и распространились на Германию.

В России они нередко совершались также подростками и детьми из подражательности и под влиянием описаний, которыми в то время были наполнены столбцы газет.

Эти подражательные детские преступления случаются у нас в изобилии еще и в настоящее время. Мы то и дело читаем о детских играх в «стражников» и в «экспроприаторов», об играх в «смертные приговоры» и в «самоубийство».

Еще недавно газетные известия со станции Провенишки сообщили о результате детской игры в «Столыпина» и «Богрова», и осужденному «Богрову» была накинута детьми веревка на шею, которую зацепили за забор на высоте два аршина. «Богров» сорвался и повис на веревке. Когда прибыл отец, повешенный ребенок оказался уже мертвым. По тем же газетным известиям, в Саратове три ученика рисовального училища в возрасте от 14 до 16 лет оказались серьезными экспроприаторами. Один из этих мальчиков, 14-летний Коля, неожиданно исчез. Вскоре получилось письмо в дому, что «Колю держат члены организации социалистов-революционеров», требуя «выслать 5300 р. за выкуп». Авторами этого письма оказались два товарища Коли, Петя Власов и Сережа Баукин. Образовав шайку экспроприаторов, они приобрели себе брау-

нинги и кинжалы. Посвященный в это дело Коля будто бы стал «пробалтываться». Тогда двое товарищей решили с ним покончить. Они потребовали, чтобы он взял у отца браунинг и кинжал, и заявили ему, что покажут ему фокус в загородной пещере, где решили собраться для экспроприации. Когда пришли в пещеру, Коле было приказано играть похоронный марш на мандолине и смотреть на ожидаемый фокус, а в то же время Сережа Баукин, зайдя сзади, выстрелил ему в затылок. Несчастный Коля упал навзничь, после чего Сережа Баукин еще выстрелил ему два раза в лоб. Нечего говорить, что подметное письмо о 5300 р. было подброшено нарочно, для отвода глаз. Рецидивизм в преступлении также в известной мере основан на внушении и подражательности.

По Guyau, число рецидивизма колеблется в зависимости от организации тюрем. Так, например, в Бельгии рецидивизм достигает 70%, во Франции — 40%. С введением одиночного заключения рецидивизм понижается до 10%, а через индивидуализированные наказания — до 2,68%.

Ясно, что высокие цифры рецидивизма при общем тюремном содержании детей зависят от повышенной детской внушаемости. Было бы, однако, неправильно делать отсюда вывод о преимуществах одиночного заключения для малолетних, как и для взрослых, преступников. Притупляющее влияние одиночного заключения на умственное развитие настолько значительно, что не может быть и речи о том, чтобы применение его в какой-либо мере можно было оправдывать не только в применении к детям, но и к взрослым. Для детей-преступников, во всяком случае, наиболее благонадежным является лишь перевоспитание их в хорошо устроенных детских колониях.

Равным образом известны и самоубийства под влиянием тех же условий. Плечер рассказывает, как одна 17-летняя девушка, Фанни Шнейдер из Вильгельмсхафена, решила покончить с собою, открывши кран газового рожка. Причиной было то, что она начиталась романа, под

влиянием которого ей захотелось однажды «так же прекрасно» умереть, как описывалось в этом романе. Будучи уже мертвой, она еще держала в правой руке книгу своего романа.

Внушение как причина самоубийства в юношеском возрасте отмечается весьма многими авторами. Один из поразительных примеров, где одной из причин самоубийства явилось внушение, представляет следующий случай. Молодая девушка 25 апреля 1890 года бросилась на рельсы пред локомотивом и была раздавлена. При ней была найдена записка, в которой говорилось, что она уже давно преследовалась мыслями о самоубийстве. Причина этого заключается в том, что ей еще в детстве предсказано, что она сама себя лишит жизни. «Это верно, но не надо было мне об этом говорить», — значилось в записке.

Еще более яркими примерами детской внушаемости являются патологические случаи, особенно же случаи развития нервных состояний под влиянием внешних впечатлений. Всем известно, например, что испуг, простой испуг, служит одной из частых причин развития падучей, которая в таких случаях нередко остается на всю жизнь.

Также нередко под влиянием пережитого страха дети подвергаются заиканию, которое с течением времени закрепляется и при новых волнениях еще более усиливается.

Далее известно, что ребенок, раз увидевши судороги, и сам подвергается судорожным состояниям. Таким образом, часто развиваются у детей хореические и истерические судороги. Полагаю, что эти факты настолько общеизвестны, что совершенно излишне здесь приводить им примеры.

Не менее часты случаи параличей, развивающихся у детей по внушению. Можно было бы привести многочисленные примеры развития у детей таких параличей, которые, раз развившись, так же быстро исчезали при соответственном внушении.

А вот, например, мальчик девяти-десяти лет, доставленный в клинику с диагнозом «расширение спинного мозга». У него оказался вялый паралич обеих ног и другие сопутствующие явления. Ошибочность диагноза, однако, обнаружилась тотчас же, как только приступили к электрическому исследованию, так как ребенок внезапно спрыгнул с кровати и побежал. Оказалось, что мальчик как-то был сброшен и при этом он слышал рассказ, как другой ребенок после такого падения сделался несчастным.

Вследствие этого походка его становилась все хуже и хуже, пока дело не дошло до паралича ног.

Таких или подобных случаев с истерическими расстройствами того или иного рода у детей можно было бы указать множество. Багински (Zeitschr. f. Pad. Psych. 3 Jahrg. S. 97) приводит несколько примеров, где болезни у детей, развившись психическим путем, исправлялись затем путем простого внушения. Но я приведу здесь лишь еще один случай, бывший под моим наблюдением.

Девочка около 12 лет, бегая по комнатам во время игры, случайно наткнулась одной стороной живота на угол рояля. Самый ушиб не имел бы, вероятно, последствий вследствие его незначительности, если бы не испуг ребенка и оханье и аханье над ним взрослых. В результате девочка заболевает параличом нижних конечностей с контрактурой, от которых она освободилась лишь спустя несколько месяцев путем простого внушения в гипнозе о возможности ходьбы.

Не менее убедительным доказательством детской внушаемости является развитие половых извращений. Хотя многими признавалось и признается, что половые извращения являются результатом неблагоприятной наследственности и прирожденных уклонений, но несомненно, что кроме условий невропатической наследственности большинство из них обусловливается главным образом детской впечатлительностью, приводящей к тому, что одна-

жды пережитые впечатления, почему-либо сопровождавшиеся эротическим возбуждением, сохраняются в виде прочной ассоциации наподобие сочетательного рефлекса, благодаря чему иногда на всю жизнь упрочивается связь двух явлений — данного внешнего впечатления и эротического возбуждения — в такой мере, что каждый раз вместе с возникновением того же впечатления наступает и эротическое возбуждение, с повторением же этого возбуждения при необычных условиях нарушается и даже утрачивается возможность нормальной половой функции.

Можно было бы привести из своей практики множество эксквизитных случаев этого рода, но полагаю, что в этом нет большой надобности, ибо вопрос и так представляется ясным.

Вряд ли нужно здесь входить в подробности того, чем обусловливается вообще детская впечатлительность и поразительная детская внушаемость. Достаточно сказать, что основой ее, как надо думать, являются, с одной стороны, недостаточно развитые задерживающие механизмы в центрах и, с другой, недостаточная опытность, отсутствие прочно сложившегося мировоззрения, а также слабо развитая критическая способность детей, благодаря чему они легко принимают на веру то, что взрослые встречают с критикой рассудка. В помощь этому служит также привычное признание авторитетности за старшими, действия и слова которых обычно и служат предметом детской подражательности и внушения.

Застуживает внимания также недостаток активного внимания у детей, способствующий повышенной их впечатлительности и внушаемости. Как пример, иллюстрирующий недостаток активного внимания у детей, можно привести следующее указание Плечера. При входе в школу, который должны были проходить все мальчики, находилась черная доска, на которой каждый день можно было читать метеорологические указания насчет состояния температуры и определения времени и направления

ветра. При неожиданном опросе учеников 13—14-летнего возраста оказалось, что ни один из них не знал о содержании надписи.

Все вышеизложенное не оставляет сомнения в том, как велико вообще значение внушения в психической жизни ребенка, какое влияние оно оказывает вообще на детей и к каким последствиям оно может приводить в известных случаях.

Отсюда понятно и значение внушения в воспитании.

Нетрудно представить себе, что ребенок может оказаться нравственным уродом только потому, что он вырос в соответствующей среде.

Вот почему ребенок благодаря своей необычной впечатлительности должен быть оберегаем от всего, что так или иначе может пагубно отразиться на его детской природе.

Богински повторяет, в сущности, избитую истину, говоря, что под влиянием дурной среды создаются дурные привычки, дурные нравы, ложь, преступность и обратно — созданные под влиянием дурной среды дурные привычки и понятия благодаря применению и улучшению среды исчезают и сменяются лучшими.

Значение внушения для воспитания, сколько известно, впервые было указано Бериллоном в его докладах еще в 66-м и в 87-м годах. Позднее и другие врачи и педагоги останавливались на значении внушения в деле воспитания. Между прочим, Форел признает внушение за основной руководитель правильного воспитания. «Добрая часть педагогики, — по его словам, — покоится на правильно понятом и выполняемом внушении».

Тромнер в своем сочинении о гипнотизме говорит: «Меня удивляет, как мало интереса уделяют даже мудрые педагоги учению о внушении даже теперь, когда обнаруживается оживление идей гуманности, признание известного уважения к жизни и личности детей, хотя уже при-

знается, что все воспитание состоит не в выработке послушания и в дрессировке памяти, а в развитии духовного организма в определенном направлении, установленном законами жизни».

Между прочим, Тромнер считается с возражением, что путем воспитания должны создаваться не «внушаемые» характеры, а, наоборот, характеры, не поддающиеся стороннему влиянию. По этому поводу он говорит, что вообще все люди способны к влиянию и сохраняют эту способность даже после лучшей школы, и притом без ущерба для своей жизни. С другой стороны, педагогическое внушение, если оно целесообразно и правильно применяется, может быть только полезным, так как каждое внушение не только может вызывать желаемое изменение, но и в то же время устраняет все другие явления, которые ему противодействуют.

По Верворну, все воспитание покоится на внушении. Дитя воспринимает представления, которые мы ему даем, без дальнейшего, не проверяя и даже не имея возможности проверить, в какой мере правильны и соответственны те представления, которые мы у них возбуждаем и которые они усваивают. Мы говорим ребенку: этого ты не должен, этого нельзя, так нужно делать, это хорошо, это дурно и т. д. Дитя принимает сказанное, не вникая в него, и таким образом получает первые основные эстетические понятия.

Первоначальные ступени духовного развития состоят вообще в усвоении такого рода внушений. Но все эти внушения продолжают действовать также и в дальнейшей жизни взрослых, ибо что ребенок себе усвоил, как известно, много прочнее, чем то, что приобретается во взрослом состоянии или в позднейшем возрасте.

Особую важность внушения в воспитании и педагогике отмечают также Лай, Барф и Плечер. Последний автор, признавая внушение за важный фактор в воспитании, го-

ворит, что многое из того, что ребенок выучивает, он выучивает подражанием, но подражание основывается главным образом на внушающем влиянии воображения.

Не подлежит вообще сомнению, что уже в обыкновенных условиях воспитания психическое воздействие в форме внушения и примера, возбуждающего подражание, играет видную роль.

Наше воспитание вообще основывается в значительной мере на внушении и вызывании подражания как неизбежных способах воздействия родителей и вообще старших лиц на детей и подростков.

Ребенок всегда склонен воспринимать более при посредстве прямого перенимания и безотчетного подражания, нежели путем осмысленного усвоения. Вот почему и на применение внушения к воспитанию следует смотреть как на один из воспитательных приемов, предназначенных наряду с другими способами для вкоренения тех или других положительных сторон личности и исправления недостатков ребенка, привившихся к нему путем дурных условий и по другим причинам. Особенно важную роль внушение играет при воспитании в возрасте первого детства.

Но нельзя сомневаться в том, что внушение в широком смысле представляет собою важный фактор и в школьном воспитании. В этом отношении уже Гроссер признавал, что внушение в воспитании играет полезную роль, хотя к образованию будто бы оно, по его мнению, не применимо ни при каких условиях. Против последнего положения, однако, Плечер не без основания возражает, говоря, что в школе образование и воспитание неразделимы.

Вследствие этого и в образовании роль внушения не может быть вполне исключаема.

В этом отношении должно принимать во внимание, с одной стороны, влияние школьной среды на обучающихся, с другой стороны, имеет значение и влияние массы лиц на отдельного воспитанника.

Ввиду этого целесообразное воспитание требует прежде всего устранения всего, что путем внушения может вредить ребенку, и поддерживать все то, что может ему быть полезным.

В этом отношении должно быть обращено особое внимание на обстановку, на окружающих лиц, на самого воспитателя и на способ преподавания.

Вряд ли нужно доказывать, что та обстановка, в которой ребенок живет, отражается на психическом складе его в гораздо большей степени, нежели на взрослых. Ребенок, как губка, впитывает в себя все, что он видит, все, что он слышит, и потому-то Рёскин прав, проповедуя создание эстетической обстановки в детских, которая должна быть обязательна и в школе. Нечего говорить, что придется еще много человечеству поработать над тем, чтобы не только обставить детскую изящными картинами, но и дать соответствующие возрасту ребенка рассказы с изящными рисунками, а также дать ему подбор художественных игрушек.

Но эта эстетическая обстановка, выполняемая с помощью детской живописи, нуждается в естественном дополнении, в подборе подходящих для детей музыкальных пьес и песенок, которыми должен услаждаться слух ребенка с первых дней его жизни. Такие инструменты, как цимбалы и аристон, уже всегда были в обиходе детских, но этого мало, необходимо, чтобы все лучшее в музыкальных произведениях, что соответствует детскому слуху и что может облагораживать душу ребенка, было ему предоставлено, тем более что слух у детей вообще развивается очень рано. Особенно полезны в этом отношении специальный набор песен, а также некоторые из других музыкальных произведений; но, по моему мнению, решительно не подходят здесь романсы, возбуждающие не соответственно возрасту чувственность в ребенке.

Само собой разумеется, что большое значение для ребенка имеет музыкальность самих родителей или няни и воспитательницы. В таком случае они сумеют передать ребенку все доступное ему музыкально-художественное в своих песнях. Но так как музыкальность есть ничуть не общее свойство людей и к тому же музыкальные знания никогда не могут быть всеобъемлющими, то особенной помощью в этом деле может служить граммофон с тщательным подбором пластинок с детскими или доступными детскому слуху и соответствующими его возрасту песнями.

При этом нужно иметь в виду, что с музыкальным воспитанием достигается не одно только развитие слуха, что вообще чрезвычайно важно, а гораздо больше: этим достигается и лучшее настроение, и опоэтизирование окружающей природы, равно как и облагораживание взаимоотношений между людьми, что возвышает нравственную сторону будущей личности.

Чрезвычайно жаль, что до сих пор на эту сторону воспитания мало обращают внимания и в школах, и в дошкольном семейном и общественном воспитании, а между тем к созданию детских музыкальных пьес нужно бы привлечь лучших композиторов мира, ибо нет более значительной цели музыки, как облагораживание души, а она достигается легче всего в детском возрасте.

Но раньше и прежде всего должен быть лучший пример для ребенка в окружающих лицах, особенно же в наставниках. Пример для ребенка все, и он, естественно, является подражателем и повторителем всего, что видит и слышит.

Вот почему живая среда или товарищество в воспитании приобретают особенно важную роль. Благодаря товариществу легко прививается непосредственно путем внушения все: и хорошее и дурное; к сожалению, чаще всего этим путем прививаются самые дурные привычки. Здесь, между прочим, сказывается импонирующее влияние массы лиц на отдельных воспитанников.

Особенно сильно это сказывается в отношении половой сферы, которая в школьном возрасте начинает впервые заявлять о себе и, не будучи предметом воспитания, служит объектом поразительного и грубого извращения.

В этом отношении всем известно повальное распространение онанизма в закрытых школах, где товарищеское воздействие в форме внушения прямого и косвенного играет особенно видную роль. В этом отношении раскрываются из жизни интернатов поразительные явления, которым трудно было бы поверить, если бы они не были действительностью.

Против этого зла надежными средствами являются соответственное половое воспитание и своевременное ознакомление детей со значением половой функции и с последствиями нарушения в области половых отправлений и, наконец, моральное влияние самого воспитателя, которого авторитет может победить влияние товарищества и в то же время может подействовать и на всю массу облагораживающим образом.

Устранение дурного влияния массы на отдельных лиц и облагораживание самой массы возможны при том условии, если в свободное от занятий время дети будут находиться в присутствии и по возможности под руководством старших. Необходимо, однако, чтобы присутствием последних они не были стеснены и чтобы старшие в этом случае были не их начальниками, а их друзьями.

Личность воспитателя в известных случаях вообще имеет еще большее значение, нежели влияние среды. Авторитет его представляет во всяком случае один из важных факторов в школьной жизни и даже преобладает над авторитетом родителей.

Личность учителя для детей обыкновенно оказывает больше влияния, нежели родители, которых дети знают не только с хороших, но и со слабых сторон, тогда как сла-

бые стороны учителя для них остаются скрытыми или малоизвестными. По Плечеру, три главных условия внушения: подражание, утверждение и повторение — действуют в личности учителя. Дитя принимает слова учителя в большинстве случаев за безусловную истину. Если же они будут достаточно часто повторяться, то не может быть больше для него никакого сомнения. Самая личность учителя обнаруживает влияние, особенно в истории, Библии, в рассказах и чтении. В этих случаях настроение учителя часто непосредственно передается ученикам.

На этом пункте мы сталкиваемся с вопросом о роли внушения в самом преподавании. Нет надобности говорить, как много зависит внушающий элемент в преподавании от самого учителя, от его авторитетности, умения влиять на учеников и своим примером и способом изложения. Но, без сомнения, известная роль принадлежит и самой методе преподавания.

Прежде всего остановимся на отрицательных сторонах преподавания, нарушающих благоприятные условия непосредственного воздействия на учеников в школе.

Само собой разумеется, что из системы преподавания должно быть прежде всего устранено все то, что угнетает впечатлительность ребенка и не дает ему правильно воспринимать преподаваемое. Такими угнетающими моментами в преподавании является страх. Вот почему строгость учителя, переходящая границы, никогда не может быть полезным педагогическим условием.

Равным образом нельзя не признать в этом отношении существенный вред экзаменационной системы в низших и средних школах. Экзамен, в особенности в условиях той обстановки, как он обыкновенно производится, не может не сопровождаться сильной эмоцией, которая у огромного большинства детей переходит в состояние страха, и одна мысль о возможном провале на многих уже действует парализующим образом, и они пасуют на экзамене,

тогда как на те же вопросы они могут дать вполне соответствующие ответы несколько времени спустя при нормальных условиях.

Plecher, подробно разбирая вопрос об экзаменах с этой стороны, между прочим, задал непосредственно после испытаний сочинение на тему «Наши школьные испытания», причем все ученики, кроме одного, писали о том страхе, который они испытывали и который нарушал возможность с их стороны правильного исполнения задач.

О других неблагоприятных сторонах экзаменационной системы здесь не место распространяться. В этом отношении периодическая проверка знаний в течение года, как лишенная необычных условий, связанных с экзаменами, имеет несомненное преимущество пред экзаменационной.

Далее, в отношении преподавателя следует иметь в виду, что общеупотребительная форма преподавания, вопросная, является возбудителем бодрости у детей, но имеет и дурные стороны, что зависит от формы вопросов. Последние в известных случаях могут быть так направляемы, что скорее ослабляют бодрость учеников. Лучшим средством против этого может быть только ограничение, развитие и усиление демонстрационного преподавания.

Далее, ожидание является одним из условий, содействующих внушению, и необходимо, чтобы каждый учитель принимал этот фактор во внимание.

Ожидание может быть полезным, если учитель предварительно подготавливает учеников к наиболее важному пункту своего изложения, но ожидание может быть и вредным, так как оно может содействовать ошибочному усвоению путем самовнушения.

Борьба с последним возможна только путем самостоятельной работы детей. Нужно приучать детей, чтобы они проверяли все сами и чтобы все сами видели и ко всему относились бы с критикой. В этом отношении особен-

но полезно введение такого принципа в школьном преподавании, чтобы в приобретении знания участвовали по возможности все органы чувств, а не только слух. Кроме того, полезно детей приучать к критическому обсуждению усвоенного.

Человек есть продукт среды, но человек есть и продукт воспитания, которое должно умерять неблагоприятное влияние внушения и в то же время должно пользоваться внушением, где оно полезно.

Самостоятельная работа делает также ученика независимым не только от самовнушения, но и от влияния учителя и учебного материала. Она развивает в ребенке самоопределение своей силы и создает доверие к себе, что влияет, в свою очередь, на характер и волю.

Своевременное поощрение словами и своевременное же устранение колебания путем внушения играет во всякой массовой работе также огромную роль.

Но как ни важно поддерживать и развивать самостоятельную работу мысли путем убеждения и развития критики, необходимо иметь в виду, что материал для той сферы психики, которая ложится в основу характера, дается внушением как непосредственным прививанием идей и чувств.

С другой стороны, во всех тех случаях, в которых дело идет уже о привившихся дурных привычках или других каких-либо ненормальных проявлениях, необходимо по возможности немедленно прибегнуть к систематическому врачебному внушению, которое может быть, смотря по случаю, гипнотическим внушением, или же просто внушением в бодрственном состоянии, или тем или иным видом психотерапии.

Что касается гипнотического внушения, то оно уже успешно применялось некоторыми авторами в случаях тех или иных ненормальных состоянию у детей.

Так, уже Бериллоб приводит случай излечения у 14,5-летней наследственно обремененной девочки онанизма,

начавшегося с четырех лет, и одновременно с тем упорного грызения ногтей. Тот же автор сообщает об излечении с помощью гипнотического внушения склонности к воровству у одного мальчика. В другом случае тем же путем был избавлен мальчик 12 лет от навязчивого страха, имевшего предметом смерть бабушки. Доктор Веттерстранд излечил девятилетнюю девочку гипнотическим внушением от непроизвольного недержания мочи (Руд). Доктор Льебо с успехом пользовал гипнотическим внушением мальчика от лености. Даже один идиот, не имевший возможности вследствие недостаточного внимания научиться ни читать, ни считать, благодаря систематическим гипнотическим внушениям, производимым Льебо, спустя два месяца мог выучиться читать и вместе с тем мог обходиться с четырьмя правилами арифметики.

Доктор Руд также сообщает о случае с мальчиком, у которого он путем гипнотического внушения возбудил не существовавший ранее интерес к химии, поддерживавшийся в течение нескольких дней; тому же мальчику автор с успехом путем внушения прививал также интерес к орфографии, к этимологии, к псалмам и к библейской истории.

Уже вышеизложенные примеры показывают, что гипнотическое и вообще врачебное внушение является существенным и даже необходимым пособием при исправлении ненормальных детских характеров, дурных привычек и других необычных и болезненных проявлений. В сущности говоря, в такого рода случаях простого воспитания, как бы старательно оно ни велось, недостаточно, чтобы достигнуть желаемых результатов. Неизбежность применения в подобного рода случаях специальных способов внушения тем именно и обусловливается, что эти случаи суть уже болезненные случаи, нуждающиеся не в воспитании только, но и в лечении.

Собственно, применение гипнотического внушения по отношению к детям, вообще говоря, легко осуществи-

мо. Необходимо только устранить волнение ребенка перед необычным для него приемом гипнотического внушения.

Поэтому, если ребенок волнуется, надо прежде всего его успокоить и лишь после того прибегать к внушению. Часто ребенок настолько волнуется, что применение гипнотического внушения возможно осуществить только в присутствии матери, против чего, конечно, нет основания возражать.

Глубина сна и степень внушаемости детей, как и у взрослых, неодинаковы. Поэтому нельзя предвидеть число необходимых сеансов в каждом данном случае, тем более что это зависит и от упорства и давности того или другого состояния, подлежащего исправлению. Но, во всяком случае, в подходящих случаях можно всегда рассчитывать на успех при систематическом применении гипнотического внушения.

Если применение гипноза почему-либо может оказаться нежелательным, следует пользоваться внушением в бодрственном состоянии, для чего ребенку предлагают лишь закрыть глаза и затем начинают с ним вести беседу, как и при обыкновенном гипнотическом внушении.

Я считаю крайне важным как в том, так и в другом случае не пользоваться формой приказания, а влиять скорее на чувство ребенка и действовать убеждением, представляя ребенку в доступной для него форме, с одной стороны, вред той привычки, с которой приходится бороться путем внушения, и необходимость во что бы то ни было от нее освободиться, чтобы он всемерно отвлекал от нее свое внимание, при этом необходимо укрепить его волю, внушив ему, что он может и должен воздерживаться от своей привычки во что бы то ни стало. Вместе с этим желательно дать ребенку идеалы хорошего поведения и хорошей жизни. В этом заключается способ лечения перевоспитанием[63].

Кроме того, в подходящих случаях надлежит внушение совмещать и с другими приемами лечения, действую-

щими против излишней возбудимости нервной системы, как, например, гидротерапия, бромиды и пр.

Лечение внушением у детей применимо в самых разнообразных случаях. Разберем их по порядку.

Крайне важно в воспитательных целях бывает устранить онанизм, который часто прививается к детям в очень раннем возрасте.

Само собою разумеется, что каждый случай онанизма должен быть подробно обследован, причем необходимо, чтобы были устранены те или другие физические состояния, приводящие к раздражению половых органов, например, мелкие глисты или экзема. Равным образом могут быть применены и другие содействующие устранению половой возбудимости средства (прохладные ванны, препараты камфары, брома и т. п.). Но за всем тем необходимо психическое воздействие, которое и должно состоять в применении внушения.

Последнее должно состоять в том, чтобы, разъяснив ребенку вред онанизма, отвлечь внимание его от половой сферы, чтобы он никогда не вспоминал о ней и не думал, чтобы не создавал в то же время никаких соблазнительных представлений и чтобы при всяком случае отклонял от себя все мысли, возбуждающие половую сферу. В то же время необходимо укрепить его волю, чтобы он ни в каком случае сам не допускал физического раздражения половой сферы и чтобы устранял даже возможность случайного ее раздражения, устраивая ночью свои руки подальше от половых органов.

Само собой разумеется, что эти внушения необходимо производить систематически в несколько сеансов, сначала чаще, со временем же все реже и реже, причем закончить лечение можно лишь тогда, когда явится уверенность, что онанизм устранен окончательно.

Кроме онанизма, могут быть и другие извращения с половым характером у детей даже раннего возраста, с ко-

торыми трудно бороться иначе, как психотерапией и внушением.

Я помню мальчика семи лет, который проявлял уклонения полового инстинкта, выражающиеся в том, что он обнюхивал тело своей мамы и няни с выражением особенного удовольствия или ощупывал у них мягкие части бюста. Этого мальчика, которого не удавалось отучить от нехорошей привычки никакими воспитательными усилиями, можно было исправить совершенно в течение нескольких сеансов внушений и психотерапии.

Далее заслуживают большого внимания различного рода нравственные уклонения, которые легко прививаются детям, особенно нервным. Так, могут быть случаи клептомании или наклонности к воровству, которые также обыкновенно неустранимы обыкновенными воспитательными усилиями и которые легко устраняются путем внушения. В этом отношении я мог бы привести несколько примеров полного устранения у детей клептоманических поступков, не поддавшихся обычным воспитательным приемам.

Очень нередки случаи детской лжи, которая прививается иногда детям с самого раннего возраста и с которой борьба опять-таки возможна главным образом путем психотерапии.

Равным образом и другие противонравственные склонности, не устраняемые путем обыкновенных воспитательных усилий, легко устраняются под влиянием систематически проводимого внушения и психотерапии.

Возьмем другие привычки, с которыми приходится считаться воспитателю.

Всем известно, что некоторые из детей приучаются грызть ногти, и эта привычка, не устраненная вовремя, может вкорениться столь прочно, что остается нередко на всю жизнь. Попробуйте ее искоренить обыкновенными воспитательными усилиями. Можно быть уверенным,

что в огромном большинстве случаев они не приведут ни к чему. Между тем достаточно нескольких сеансов внушения, чтобы эту привычку искоренить навсегда.

В других случаях дети благодаря дурному примеру приучаются к курению табака или даже к вину. И здесь при укоренившейся привычке обыкновенными воспитательными усилиями нелегко бывает добиться благоприятных результатов, тогда как систематически проведенное внушение и психотерапия устраняет вполне вкоренившуюся привычку.

Нужно, однако, иметь в виду, что отучение от курения табака, если оно сильно вкоренилось, правильнее и при внушениях отнимать не сразу, а в два, три или несколько приемов, предоставляя на каждый день все меньшее и меньшее количество папирос, тогда как вино предпочтительнее отнимать сразу, без малейших послаблений.

Далее, в известных случаях, мы встречаемся с нарушением речи в виде заикания, приобретенным вследствие подражания или испуга. Оно обыкновенно также поддается внушению, особенно не в запущенных случаях, и почти вовсе не поддается другим воспитательным усилиям.

Затем могут быть случаи застенчивости детей или особой конфузливости, которая вкореняется нередко в самый характер ребенка, становясь иногда упорным навязчивым состоянием, не поддающимся никаким воспитательным усилиям, тогда как под влиянием систематически примененного внушения и психотерапии и эти нарушения обыкновенно исчезают совершенно.

Спрашивается, могут ли внушения оказывать влияние на степень внимания к занятиям, на развитие к ним интереса и большую степень усвоения?

И в этом отношении, как показывает опыт, внушение и психотерапия могут оказать свое влияние. По крайней мере, я имел многих молодых людей, обращавшихся за укреплением их памяти и за большей продуктивностью и интереса к занятиям, и, поскольку это зависело не от

органических причин, успех всегда достигался в той или другой степени.

Наконец, и непослушание, этот бич учителей и воспитателей, имеющих дело с испорченными уже детьми, может быть исправляем путем психотерапии.

В этих и подобных им случаях было бы ошибочно думать, что дело исправляется путем простого внушения: «Слушайтесь своего учителя». Напротив того, психотерапия будет лишь тогда успешной, если соответственным образом подготовить ребенка к усвоению им мысли о необходимости послушания, убедить его, что от этого зависит все его будущее, и все с большей и большей настойчивостью укрепить идею о полезности и значении в жизни послушания. При этом нужно подробно изучить все индивидуальные особенности ребенка, вникнуть в причины непослушания и, сообразуясь с данными условиями, направить соответственным образом и психотерапию.

В заключение скажем, что применение внушения и психотерапии к воспитанию никогда не должно быть шаблонным. Везде и всюду требуется внимательное отношение к ребенку, к его складу ума и к условиям происхождения тех или иных уклонений и недостатков, дабы можно было с успехом воспользоваться психическим воздействием на ребенка в соответствующих случаях.

При этом нельзя упускать из виду, что лечение тех или иных ненормальных состояний, привившихся детям, относится, собственно, уже к медицине, которая в этих случаях приходит на помощь педагогике. Тем не менее в состояниях отсталости, зависящей от каких-либо индивидуальных условий, а также в случаях каких-либо психических отклонений у детей одно простое воспитание оказывается почти всегда бессильным и лишь психотерапия оказывается тем приемом, который исправляет иногда даже очень тяжелые и запущенные воспитанием случаи.

1911

Об опытах над «мысленным» воздействием на поведение животных

Доклад, сделанный в конференции Института по изучению мозга и психической деятельности в ноябре 1919 года. Печатается по: Вопросы изучения и воспитания личности. Вып. 2 (дается в сокращении).

Передача мыслей на расстоянии от человека к человеку, называемая телепатией, берет начало от спиритов, которые после выяснения вопроса о так называемом чтении мыслей при посредстве осязания, открытом впервые Брауном, стали доказывать возможность передачи мыслей при отсутствии соприкосновения двух лиц. С точки зрения спиритов, дело идет о существовании особой силы, или «духа», благодаря которой человек может вступать в сношения через расстояние и притом непосредственно, то есть без участия воспринимающих органов, с психическим миром другого человека и даже с духами умерших людей.

Для людей науки гипотеза в таком виде не может быть признана приемлемой, ибо, прежде всего, ни существование особой силы, ни существование духов умерших людей не было доказано, а самые опыты не представлялись убедительными.

С точки зрения чистого знания гипотеза может быть приемлемой для выяснения доказательств лишь в той ее части, которая касается непосредственного, или так называемого «мысленного», воздействия на расстоянии одного лица на другое или вообще со стороны человека по отношению к другому живому существу.

Но в таком виде эта гипотеза перестает быть спиритической и по существу, и в отношении своего происхождения, ибо она, несомненно, существовала в умах людей вне связи с учением спиритов и, между прочим, была картинно выявлена в некоторых из литературных произведений[64].

По учению спиритов, особой способностью воспринимать и передавать мысли через расстояние обладают будто бы главным образом исключительные по своим качествам люди, называемые медиумами. Они могут входить в особое психическое состояние, известное под названием транса, в котором они и проявляют вышеозначенную способность. Но эта «сила» не составляет исключительной принадлежности медиумов. Она дремлет и в других людях, ибо медиумы в состоянии возбуждать эту способность в других людях и действовать на эту способность усиливающим образом.

В этих суждениях нас могут интересовать, однако, не медиумы с их сверхъестественными явлениями в периоды транса, а сама гипотеза непосредственной передачи мысли от одного человека к другому человеку или какому-либо живому существу. Интригуя ученый мир своими уверениями и пользуясь ненаучными приемами для доказательства своих заявлений, спириты возбудили так или иначе интерес и со стороны научного мира к вопросу о непосредственной передаче мыслей. Мы видим, что целый ряд ученых, включая математиков, физиков, физиологов, психологов, невропатологов, между которыми мы назовем Цельнера, Крукса, Фере, Грассе, Ш. Рише, П. Жане, Фореля, Молля, Фогта, Флюрнуа, Бутлерова, Вагнера (старшего) и некоторых других, стал, таким образом, в число лиц, стремившихся выяснить означенный вопрос с научной точки зрения[65].

Исходным и в то же время центральным пунктом этих исследований явились опыты с отгадыванием задуманных предметов или, точнее, их местонахождения или с выполнением того или другого задуманного действия, например, взять какой-либо тон на музыкальном инструменте, сделать то или другие движение и т. п. При этом выяснилось, что такое отгадывание если и может быть осуществлено, то эта способность обнаруживается обыкновенно в особом состоянии человека, которое принято называть

гипнотическим, ибо и так называемый транс спиритов должен быть понимаем как состояние гипнотическое, или гипноидное.

В чем же тут дело?

Есть основание полагать, что в обыкновенном, то есть в бодрственном, состоянии человек беспрерывно проявляет процесс активного сосредоточения, которое возбуждается под влиянием тех или других внешних впечатлений, благодаря чему соотносительная деятельность человека находится в постоянном напряжении, а это в значительной степени мешает непосредственному воздействию одного человека на другого.

При всем том такое непосредственное воздействие, по-видимому, не исключено и у человека, находящегося в бодрственном состоянии, но проявляется лишь в исключительных случаях, как показывают примеры воздействия первого впечатления или случаи так называемого ясновидения у некоторых лиц нервного темперамента, но все это требует еще специальных исследований. Особенно ценно произвести всестороннее и систематическое исследование в этом направлении над теми из нервных лиц, которые сами над собой замечают способность ясновидения.

Такие исследования уже и производились, например, Ch. Richet, P. Janet и др., у нас — доктором Ховриным, Жуком и др., но эти исследования пока не привели к вполне убедительным результатам. Позднее же производственные опыты доктора Котика с отгадыванием мыслей над Софьей Штакер, как я показал в особой работе под заглавием «Как производятся опыты так называемого ясновидения на театральных подмостках?», не заслуживают нашего внимания, ибо есть полное основание полагать, что автор в этом случае сделался жертвой мистификации.

Факты, которыми в настоящее время обладает наука, показывают, что отгадывание мыслей, или ясновидение, основано на чрезвычайно повышенной восприимчивости отдельных лиц, которые так или иначе распознают

задуманное другими. В этом смысле повышенная восприимчивость, доказываемая для гипнотического состояния, поясняет нам, почему отгадывание мыслей происходит обычно в состоянии гипноза, хотя бы и неполного, а если дело идет о профессиональных отгадчиках мысли, то замечено, что они себя вводят самопроизвольно в состояние, которое можно назвать полугипнотическим, или даже в состояние автогипноза, каковое мы имеем в виде транса у медиумов.

Если люди, в бодрственном состоянии особенно восприимчивые и могущие легко освободиться от состояния активного сосредоточения по отношению к внешним впечатлениям, как это мы наблюдаем, например, у лиц, легко внушаемых в бодрственном состоянии, способны иногда к отгадыванию мыслей, то в этом случае способ этого отгадывания сводится будто бы к восприниманию неуловимых другими двигательных импульсов, производимых невольно индуктором при напряжении сосредоточения на определенном предмете, как допускают многие авторы. Этими незамеченными двигательными импульсами, между прочим, объясняются и известные опыты со столо- и блюдоверчением.

Имевшиеся ранее в круге моих наблюдений случаи, о чем я упоминаю в моей книжке «Гипноз, внушение и психотерапия», говорят в пользу такого же объяснения[66]. Но все же этот вопрос нельзя считать окончательно выясненным, и не исключена возможность в таких случаях непосредственной передачи нервной, или мозговой, энергии от одного человека другому.

Но если опыты так называемого мысленного внушения у людей до сих пор не привели к положительному решению вопроса, по крайней мере в такой степени, чтобы в пользу последнего способа передачи были приведены для непредубежденных людей вполне убедительные доказательства, и к тому же имеющаяся литература по этому вопросу, полная разнообразных сведений, несмотря на их

кажущуюся значительность, не дает возможности осуществить соответствующую проверку, то спрашивается, не разрешима ли эта задача с помощью эксперимента на животных?

Возможность использования в этом отношении животных мне представляется тем более осуществимой, что, как известно, они легко поддаются гипнозу, и мне самому неоднократно приходилось гипнотизировать с легкостью ящериц, свинок и кур на лекциях перед студентами. Как известно, даже дикие звери простым упорным взглядом могут быть в такой мере укрощаемы, что они, опуская взор, с опущенным хвостом отходят от человека.

К тому же животные, например собаки, могут быть легко приучаемы путем дрессировки к беспрекословному повиновению, а это условие весьма благоприятно для постановки такого рода опытов.

Надо заметить, что некоторые изумительные или, точнее, загадочные явления, описываемые за последнее время над животными, например краллевскими лошадьми, и служившие предметом исследования научных комиссий, хотя и не привели к согласным мнениям, уже были истолковываемы с точки зрения мысленного внушения. Эту гипотезу, между прочим, высказал доктор Котик в предисловии к книге «Мыслящие животные». Однако в своих воззрениях на этот предмет автор опирается на свои прежние работы, где он выдвигает, между прочим, гипотезу об N-лучах, с одной стороны, и опыты над передачей мыслей — с другой. Но N-лучи не доказаны, и, как известно, фактическая сторона, подавшая повод к признанию N-лучей их защитниками, подвергалась неоднократно сомнению. Между прочим, в моей лаборатории были произведены на этот счет опыты проф. М. П. Никитиным также с отрицательным результатом.

Что же касается опытов д-ра Котика, то, как упомянуто, в той части их, которая относится к Софье Штаркер,

автор сделался жертвой мистификации. Этого достаточно, чтобы исключить их из научного обихода.

Наконец, дело идет в этом случае о гипотезе, прилагаемой к объяснению фактов, устанавливаемых в опытах над краллевскими лошадьми, сам же д-р Котик таких опытов не производил и в проверке их не участвовал, а между тем это обстоятельство имеет существенное значение в отношении оценки самих опытов.

Вот почему по отношению к обоснованию гипотезы д-ра Котика, которую он подробно развивает в предисловии к книге «Мыслящие животные», возникает вполне естественный скептицизм. Тем не менее к этой гипотезе приходится отнестись совершенно безотносительно к каким-либо другим фактам и рассматривать ее с точки зрения большей или меньшей обоснованности в отношении объяснения загадочных явлений, обнаруживаемых при опытах с краллевскими лошадьми. А между тем, как известно, по отношению к краллевским лошадям, точнее говоря, к объяснению делаемых ими сложных математических вычислений, включая извлечение кубических и квадратных корней из больших цифр и самостоятельные высказывания, доказывающие логическое мышление животных, создавались разного рода гипотезы. Из них главными, если откинуть скептические взгляды по отношению к самим фактам, устанавливаемым исследованиями, являются следующие:

1) наличность действительных способностей, как то и допускает сам Крalль, с которым не без оговорок соглашается Клапаред;

2) гипотеза непроизвольных знаков, которых придерживается Пфунгст;

3) телепатическая гипотеза о мысленном внушении, которую развивает д-р Котик.

Однако Клапаред, наблюдавший сам опыты с краллевскими лошадьми, имел в виду эту последнюю гипотезу и тем не менее высказывается против нее, как и против

теории непроизвольных знаков, прежде всего вследствие того, что нам неизвестно, существует ли вообще телепатия. А затем, по заявлению Клапареда, допустив даже передачу мысли, нужно было бы еще выяснить, что именно передается — цифры или слова. Последнее предполагает ведь наличность у лошади того именно разума, для устранения которого прибегают к гипотезе телепатии. Или мы допустим, что передается лишь приказание прекратить отстукивание ногой. Но каким образом лошадь понимает это приказание? Против передачи мыслей в этом случае высказался также и проф. В. Баттел-Рипен.

Д-р Котик принял это возражение к сведению, но оспаривает главным образом довод относительно неизвестности телепатии, тогда как имеющиеся наблюдения, по его мнению, говорят, самое большее, о спорности или недосказанности передачи мыслей на расстоянии, и, в свою очередь, упрекает Клапареда за «огромный скачок в неизвестное, отдавая предпочтение той гипотезе, которая противоречит теории эволюции видов и наделяет лошадей способностью совершать сложные умственные операции и объясняться путем знаков на человеческом языке»[67].

Надо, однако, заметить, что оба автора не признают заявленную каждым из них гипотезу за окончательную и, очевидно, высказывают ее в виде только возможности, ничуть не более. Так, в заключение предлагаемой телепатической гипотезы д-р Котик говорит: «Не знаю, удовлетворятся ли нашим толкованием читатели, но когда нам предстоит выбор между двумя гипотезами, одна из которых старается объяснить все факты передачей психомоторной энергии, существование которой и передача на расстоянии доказаны во многих случаях, а другая гипотеза наделяет лошадей почти человеческим разумом и способностью логически мыслить, то уже одна необычайность второй гипотезы, опрокидывающей все наши представления и противоречащей всему нашему опыту и всем нашим научным наблюдениям над животными, должна заставить

нас отдать предпочтение первой гипотезе, на стороне которой и большая простота, и, мне кажется, большая обоснованность. Но, во всяком случае, я далек от того, чтобы считать вопрос в этом смысле разъясненным; наоборот, я вновь повторяю все высказанные мною вначале соображения, не позволяющие принципиально отрицать возможность разума и самостоятельного мышления животных, и я готов всецело примкнуть к точке зрения автора, если факты заставят меня это сделать».

Другой автор не менее определенно, закончив изложение своей гипотезы, заявляет: «Но к чему продолжать эти рассуждения, и без того уже затянувшиеся; ясно, что все то, что нам известно о психологии животных, не позволяет допускать наличность настоящей умственной деятельности у лошадей Кралля, но в то же время ничего решительно не говорит против подобной возможности». И далее: «Я охотно признаю, что в данном случае сила доказательств не соответствует необычайности фактов. Эти доказательства до сих пор, к сожалению, опираются лишь на субъективную оценку наблюдателя».

С моей точки зрения, ни та, ни другая гипотеза не применима к краллевским лошадям, ибо они не могут объяснить всех факторов, да и по другим соображениям не могут быть признаны достаточно обоснованными. Не нужно ни человеческого разума у лошадей, ни мысленного внушения, производимого нижним, а не верхним сознанием или подсознанием. Достаточно исходить из самих фактов и рассматривать их так, как они даны. Само упражнение ведется по методу, который мы применяем для других целей в нашей лаборатории, в форме воспитания двигательных сочетательных рефлексов у собак[68]. Разница лишь в том, что в наших опытах поднятие ноги у собаки вызывается электрическим раздражением, возбуждающим обыкновенный оборонительный рефлекс.

У краллевских лошадей дело идет о поднятии ноги, но самое движение по характеру то же самое. Это-то движе-

ние в наших опытах с собакой связывается с тем или другим внешним раздражением, а в опытах над краллевскими лошадьми — с азбукой, с цифрами и определенными формами цифровых соотношений. При достаточном упражнении и вырабатывается, точнее — воспитывается сочетательный рефлекс на буквы, цифры и цифровые соотношения, будь эти последние выражены в форме арифметического сложения в форме корней или возвышения в степень. Дело не в действии, а в той или иной форме знака, с которым связывается определенное действие после достаточного упражнения.

С точки зрения рефлексологической дело идет о развитии сочетательного двигательного рефлекса на данные знаки, и только. С точки зрения субъективистов здесь может быть речь только о хорошем развитии двигательной памяти у лошадей, у которых она действительно является прекрасной и по другим повседневным наблюдениям. Между прочим, в статье Клапареда приводится указание де Мадай состоящее в том, что лошади, совершавшие в одной угольной шахте 30 туров, после 30-го тура (но никогда не раньше) сами оставляли работу и направлялись в конюшню. По Мадай, здесь не было счета в буквальном смысле, а происходил бессознательный счет, или, скажем, словами рефлексологии, у лошадей воспитался определенный сочетательный двигательный рефлекс, произошла, если угодно, определенная двигательная установка. Если мы примем во внимание, что ноги в жизни лошади, можно сказать, всё, ибо они обеспечивают ей в диком состоянии спасение путем бегства от врагов и в то же время являются главным органом нападения при посредстве удара копытом, то можно не удивляться тому, что воспитание сочетательных рефлексов, или двигательная установка, у лошади должно быть развито в совершенстве и, вероятно, даже лучше, чем у человека.

Дело в том, что человек превосходит лошадь свои интеллектом, а не точностью двигательных рефлексов, ибо

интеллект предполагает способность самостоятельного оперирования числами для получения определенных математических выводов, а не самим даже счетом, который достигается в конце концов или по крайней мере может быть достигнут механической выучкой. Став на эту точку зрения, мы не будем становиться в тупик перед наблюдениями над краллевскими лошадьми, но не будем переоценивать самые факты. Скажем просто: в опытах Крал ля над лошадьми, так поражавших сторонних наблюдателей, нет ни разума, ни телепатии, и в этом вся суть. Не следует забывать, что и само счисление, то есть усвоение и совершенное пользование методом счисления, само по себе еще не говорит о способностях или разуме, ибо известны замечательные счетчики, например Иноди, Флери и др., которые, однако, ничем себя не проявили в качестве математиков, тогда как Пуанкаре, знаменитый математик, как он сам заявляет, не способен провести простое сложение без ошибки.

Но мы далеко уклонились от главной темы нашего доклада. Если мы заговорили о краллевских лошадях, то с исключительной целью осветить этот вопрос с точки зрения отношения его к мысленному внушению, а так как весь ход рассуждений нас приводит к выводу, что в этом случае мы не имеем ничего относящегося к мысленному внушению, то этим самым мы исчерпали нашу экскурсию в краллевские конюшни.

Как бы то ни было, вопрос о непосредственном, бессловесном, или так называемом мысленном, воздействии на животных заслуживает особого внимания, и я долгое время искал случая подвергнуть этот вопрос выяснению с помощью соответствующих экспериментов. Случай к этому мне представился несколько лет тому назад, незадолго до великой войны, и вот по какому поводу.

Совершенно случайно после долгих лет совершенного индифферентизма к цирковым представлениям я посетил цирк «Модерн» на Петроградской стороне. Оказалось,

что наряду с другими представлениями в этот вечер показывал публике своих дрессированных животных В. Дуров. Между прочим, им демонстрировалось небольшое животное свиной породы, которое под взглядом Дурова засыпало и по его же внушению начинало жевать и продолжало жевать столько времени, сколько ему внушалось. Далее была представлена большая собака из породы сенбернаров, которая считала до девяти. Собака по имени Лорд казалась очень спокойной и солидной по своему нраву.

Обстановка демонстрации заключалась в следующем: Дуров предлагает кому-нибудь из публики писать любые слагаемые с тем, чтобы цифра их не превышала девяти, ибо, по его заявлению, его Лорд не умеет правильно считать свыше девяти. Два или три слагаемых пишутся кем-либо на бумаге или на грифельной доске, что показывается Д., который при этом стоит к собаке спиной. После этого собака по внушению Д. тотчас же начинает лаем отмечать сумму слагаемых. Опыты производились много раз и всегда имели полный успех: собака мерно, точно и громко отлаивала сумму слагаемых. Не было сомнения, что собака в пределах задания выполняла свою роль безупречно.

Случилось так, что Д. заметил мое присутствие в цирке и, подойдя ко мне, заявил, что, будучи рад встретиться со мной, он просит моего участия в совместной разработке его опытов в дальнейшем. Мы условились осуществить сеансы на моей квартире.

В условленный день Д. привел ко мне двух собак: того же Лорда и другую маленькую собачку из породы фокстерьеров — Пикки. Пока я скажу об опытах с Лордом. Собака была усажена на диван, на котором она спокойно оставалась в обыкновенной сидячей позе собаки. Затем Д. предлагает показать собаке написанные на бумаге те или другие цифры, так чтобы их общая сумма не превышала девяти. Безразлично можно применить и вычитание, лишь бы разность была в пределах до девяти. Цифры

эти показываются Д., и тогда, немедленно отвернувшись от собаки и стоя к ней спиной, дается собаке сигнал словами: «Ну, Лорд, считай», и Лорд начинает лаять столько раз, сколько составляет сумма или разность двух чисел, будет ли это 5, 6, 7, 8 или 9. Опыты были повторены много раз и всегда с одинаковым успехом. Заметим, что самое показывание цифр собаке тут ни при чем, ибо Лорд считать и складывать цифры по письменным знакам на самом деле не умеет, в чем легко было убедиться путем проверочных опытов. Если же Лорд дает лаем в результате цифру, составляющую сумму или разность двух цифр, то лишь потому, что всегда за словами: «Ну, Лорд, считай», делается собаке соответствующее мысленное внушение. Если же такового внушения не сделать, то при одном показывании цифр опыты не могут быть удачными. И действительно, произведенные в этом отношении опыты привели к следующему: написанные втайне и показанные собаке две означенные цифры с крестом между ними хотя и вызывали у Лорда приступы лая, но число лаев ни в одном случае из трех раз не совпадало с суммой слагаемых. Моя попытка сопровождать цифры живым представлением самых написанных цифр также не дала соответствующих результатов, тогда как опыты, произведенные с так называемым внушением самого лая, были выполняемы собакой всегда вполне правильно. Отсюда ясно, что только сосредоточение экспериментатора на последовательном ряде лаев, начиная от одного до девяти, приводит к осуществлению правильного счета.

Надо заметить, что с собаками удаются и другие опыты «мысленного внушения». Сам Д. («Мои четвероногие и пернатые друзья») описывает эти и другие опыты следующим образом:

«Предположим, пред нами такая задача: внушить собаке, чтобы она подошла к столу и принесла лежащую на нем книгу.

Я подзываю Лорда, он подходит; я беру его голову в свои руки, как будто символически подчеркиваю ему, что он всецело в моей власти, что он должен стать автоматом, быть только нерассуждающим исполнителем моей воли. Для достижения этого я впиваюсь строгим взглядом в его глаза, которые словно срастаются с моими. Воля собаки парализована. Я собираю все силы своих нервов, сосредоточиваюсь до полного забвения окружающего меня внешнего мира на одной мысли. А мысль эта состоит в том, что я должен запечатлеть в своей голове очертание интересующего меня предмета (в данном случае стола и книги) до такой степени, что, когда я оторвусь взглядом от данного предмета, он все-таки должен стоять передо мной как живой. Я это и делаю. В течение приблизительно полминуты я буквально „пожираю" предмет глазами, запоминаю малейшие его подробности, складки на скатерти, трещины в переплете книги, узор скатерти и т. п. Довольно, запомнил!

Я властно поворачиваю к себе Лорда и смотрю ему в глаза, вернее, дальше глаз, куда-то внутрь, вглубь. Я фиксирую в мозгу Лорда то, что сейчас зафиксировано в моем мозгу. Я мысленно спокойно рисую ему часть пола, следующую к столу, затем ножку стола, затем скатерть и, наконец, книгу. Собака уже начинает нервничать, беспокоиться, старается высвободиться. Тогда я ей мысленно даю приказание, мысленный толчок: „Иди!". Лорд вырывается, как автомат, подходит к столу и берет зубами книгу. Задание исполнено. Лорд чувствует себя облегченным, как будто с него свалилась давившая его огромная тяжесть, и постепенно успокаивается».

Ряд такого именно рода опытов был произведен в моей квартире над небольшой собачкой Пикки мужского пола из породы фокстерьеров, очень бойкой и шустрой по натуре. Опыты были произведены в послеобеденное время в присутствии нескольких членов моей семьи, в том числе двух врачей — О. Бехтеревой-Никоновой и Е. Во-

робьевой. Всего было произведено шесть опытов, из которых четыре первых опыта были осуществлены Дуровым и два опыта произведены лично мною. Задание первого опыта состояло в том, чтобы Пикки подбежала к обеденному столу, который еще не был убран, и схватила зубами лежащую близ его края одну определенную салфетку, ничем в остальном не выделявшуюся из ряда других лежащих на том же столе салфеток. После установления этого задания собака приглашается вскочить на стул, стоящий около стены. Пикки немедленно выполняет приказание и усаживается на сиденье обыкновенного венского стула. Тогда Дуров, стоя спиной к обеденному столу, придерживает голову собаки обеими руками и сосредоточенно смотрит ей в глаза, думая о том, что она должна сделать. Так дело продолжается с полминуты, не более, после чего морда собаки, уже начинающей беспокоиться, освобождается от рук, и маленькая шустрая собака стремглав бросается к обеденному столу, схватывает условленную салфетку зубами и торжествующе несет к экспериментатору.

Второй опыт, по общему соглашению, должен был состоять в следующем: собака должна была снять зубами книгу с этажерки, стоявшей у стены комнаты. Снова Пикки на стуле. Опять Дуров придерживает своими руками ее мордочку, сосредоточивается на задуманном предмете не более полуминуты. После этого Пикки срывается с места, бежит прямо к этажерке, зубами берет задуманную книгу и тащит по назначению.

Третий опыт, по моему предложению, должен был быть выполненным следующим образом. Собака должна вскочить на предрояльный стул и ударить лапой в правую сторону клавиатуры рояля. Снова прежняя процедура. Пикки на стуле. Дуров сосредоточенно смотрит в ее глаза, некоторое время обхвативши ее мордочку ладонями с обеих сторон. Проходил несколько секунд, в течение которых Пикки остается неподвижным, но, будучи освобожден, стремглав бросается к роялю, вскакивает на круг-

лый стул, и от удара лапы по правой стороне клавиатуры раздается громкий трезвон нескольких дискантовых нот.

Четвертый опыт, по моему предложению, должен был состоять в следующем. Собака должна была после известной процедуры внушения вскочить на один из стульев, стоявших у стены комнаты позади собаки, и затем, поднявшись на стоящий рядом с ним круглый столик, должна была, вытянувшись вверх, поцарапать своей лапой большой портрет, висевший на стене над столиком. Казалось бы, это еще более сложное действие по сравнению с предыдущим нелегко выполнимо для собаки. А между тем после обычной процедуры сосредоточения и смотрения в глаза в течение нескольких секунд Пикки спрыгивает со своего стула, быстро подбегает к стулу, стоявшему у стены, затем с такой же быстротой вскакивает на круглый столик и, поднявшись на задние лапы, достает правой передней конечностью портрет, поцарапав его немножко своими когтями. Если принять во внимание, что оба последних опыта осуществлены по заданию, известному только мне и Дурову и никому больше, что я был все время рядом с Дуровым и неотступно следил как за самим Дуровым, так и за собакой и не мог при этом заметить ничего, объясняющего выполнение собакой задуманного задания, так нельзя было более сомневаться, что собака способна при вышеуказанных условиях опыта проделывать какие угодно сложные действия, доступные ее выполнению.

Чтобы иметь полную уверенность в этом, я решил сам проделать аналогичный опыт, не говоря никому о том, что я задумаю. Задание же мое состояло в том, чтобы собака вскочила на стоявший сзади меня в расстоянии около двух сажен неподалеку от рояля круглый стул и осталась на нем сидеть. Как и в предыдущих опытах, приглашается собака подняться на стул, я же, сосредоточившись на форме круглого стула, некоторое время смотрю собаке в глаза, после чего она стремглав бросается от меня и много раз кружится вокруг обеденного стола. Опыт я признал

неудачным, но я вспомнил, что я сосредоточился исключительно на форме круглого стула, упустив из виду, что мое сосредоточение должно начинаться движением собаки к круглому столу и затем вскакиванием собаки на самый стул. Ввиду этого я решил повторить тот же опыт, не говоря никому о своей ошибке и поправив лишь себя в вышеуказанном смысле. Я снова приглашаю собаку сесть на стул, обхватываю ее мордочку обеими ладонями, начинаю думать о том, что собака должна подбежать к круглому стулу, находившемуся позади меня в расстоянии около ¼ сажени, и, вскочив на него, сесть. Сосредоточившись так около ½ — ¾ минуты, я отпускаю собаку, и не успел я оглянуться, как собака уже сидела на круглом стуле. Задание, которое выполнила в этом случае Пикки, как упомянуто, не было известно никому, кроме меня самого, ибо я ни с кем по этому поводу не советовался, и тем не менее Пикки разгадала мой секрет без малейшего затруднения.

Этой серией опытов день был закончен. К сожалению, это был последний день, когда мы смогли осуществить совместные с Дуровым опыты, ибо на другой день он уезжал из Петербурга, а предполагаемое нами продолжение опытов по возвращении Дурова в Петербург не осуществилось ввиду того, что вскоре разразилась великая европейская война и встреча наша не могла состояться. Уже по окончании войны я посетил Дурова в Москве, где я вновь проделал несколько опытов над Пикки. Лорда я уже не застал. Он погиб от случайной травмы, нанесенной им самим себе случайно, после чего он долго болел и затем умер. Что же касается Пикки, то он пользовался прежним здоровьем и был, как прежде, очень бойкой и шустрой собачкой. Меня интересовало, конечно, самому проделать над последней несколько опытов с «мысленными» внушениями. Это и удалось осуществить в две различные мои поездки в Москву. Во время первой поездки я мог лично осуществить пять опытов, произведенных тем же самым методом и состоявших в подобных же задани-

ях, какие брались для первых опытов с Пикки. При этом каждый раз задание менялось в том или ином отношении и было известно только мне самому. Все пять опытов, из которых два произведены в присутствии Дурова, а другие три в его отсутствие, с заданием исполнения собакой задуманных действий должны быть признаны удачными, ибо собака неуклонно исполняла данное ей задание. Лишь в одном опыте собака была близка к цели, но ее не достигла, что, однако, могло зависеть от недостаточности моего предварительного сосредоточения на определенных действиях собаки. Все опыты, проделанные самим Дуровым в моем присутствии, были также удачными. Убедившись снова в действительности такого рода опытов, я решил при первой возможности во время следующей поездки в Москву снова проделать такого же рода опыты, но с тем, чтобы вводить в них те или другие контрольные условия для возможного выяснения механизма, с помощью которого достигается успешность в осуществлении задания при такого рода опытах.

На этот раз опыты производились мною с Дуровым в присутствии одного из моих сотрудников по Институту по изучению мозга и психической деятельности Н. М. Щелованова. Первый опыт я предоставил над Пикки сделать Дурову, дав ему от себя задание для опыта. Задание состояло в том, чтобы собака вскочила на диван и достала лежавшую на мягкой спинке дивана кружевную салфетку. Дуров берет собаку на стул, охватывается ее морду своими руками, пристально смотрит ей в глаза, все время думая сосредоточенно, что она должна сделать. Все это продолжается, как всегда, около полуминуты или несколько более, после чего собака, будучи отпущена, быстро бросается к дивану, вскакивает на него в направлении к салфетке, схватывает салфетку зубами, после чего ее оставляет. Исполнение опыта надо было признать удачным, но лишь не вполне завершенным. Другой опыт, произведенный Дуровым, имел следующее мое задание: собака должна была

наброситься на стоявшее в правом углу комнаты чучело небольшого волка. Опыт проделан обыкновенным порядком. Собака была взята на стул, мордочка взята в обхват руками, затем пристальный взор, направленный в ее глаза, продолжавшихся с полминуты, после чего собака, предоставленная самой себе, тотчас же набрасывается на чучело с лаем и так яростно, что, казалось, она разорвет его, вследствие чего пришлось даже собаку отнимать от чучела. Третий опыт принадлежал мне. Задание, лично мой придуманное и никому не переданное, состояло в том, что собака должна была подняться на стул и взять лежавший на его спинке платок. Те же условия опыта в отношении методики внушения путем сосредоточения над действием, долженствовавшим последовать, и на самом предмете при смотрении животному в глаза. После того как я выпустил голову собаки из своих рук, она тотчас же стремительно бросилась к задуманному стулу, но, поднявшись на него, повернулась к чучелу и, подбежав к нему, стала лаять и набрасывается на него с прежнею яростью. Было ясно, что прежнее внушение относительно чучела, как внушение эмоционального характера, оставило после себя столь глубокий след, что он еще недостаточно ослабел ко времени следующего за ним внушения. И действительно, оказалось, что и следующие два опыта с «мысленным» внушением привели к тому же результату, то есть собака вместо того, чтобы выполнять внушенное, направлялась к чучелу и начинала на него лаять с остервенением.

Следующий опыт должен был делать Дуров. Задание состояло в том, чтобы собака взяла лежавшую на окне сзади экспериментатора мокрую тряпку и принесла ему. После сделанного обычным путем внушения собака в точности исполнила задуманное. Следующий опыт был произведен мною. Задание для внушения состояло в том, чтобы собака вырвала из правой руки Щ., стоявшего поодаль сзади, носовой платок. Само задание было известно только мне одному. Внушение по обычному способу не более

как в течение полуминуты. После сделанного внушения собака мгновенно бросается к правой руке Щ. и вырывает удерживаемый им платок.

Предположено было, что собака в первом опыте с внушением броситься на чучело руководится выражением лица самого Дурова в период внушения. Поэтому решено было, чтобы этот опыт был повторен таким образом, что при внушении Дуров будет смеяться или, по крайней мере, будет сделана гримаса смеха. Это и было осуществлено Дуровым. Находясь под беспрерывным нашим наблюдением, Дуров, несомненно, во время внушения сделал гримасу смеха, и в то же время никакого шевеления губ, как и ранее, не производилось. Несмотря на это, собака тотчас же после сделанного внушения с прежнею яростью набросилась на чучело с громким лаем. Было сделано предположение, что собака при делаемых внушениях руководится движениями глаз внушающего лица. Ввиду этого предложено было Дурову повторить опыт с вырыванием платка из правой руки Щ., но с тем, чтобы внушение было произведено при завязанных глазах. С этим мы перешли в другую комнату. Опыт был сделан таким образом, что предварительно глаза Дурова были завязаны наглухо платком. Собака Пикки была им приглашена сесть на стул, и затем началось обычным путем сосредоточение на процессе действия, долженствующего состоять в том, чтобы животное подбежало к Щ. и взяло платок из его рук. Никакого шевеления губ при этом не производилось, и тем не менее внушение при завязанных глазах осуществилось, как и в первый раз. Собака тотчас же вскочила со стула, подбежала с быстротою молнии к Щ. и выхватила зубами платок из его рук.

К приведенным опытам я не делаю особых пояснений. Сами по себе эти опыты настолько поразительны, что они заслуживают внимания безотносительно к тем или иным комментариям.

Одно могу сказать, что после приведенных опытов мне не кажется более удивительным зачаровывание взглядом диких зверей, отступающих перед человеком, который легко мог сделаться их жертвой, как это бывало с христианскими мучениками в римском Колизее, и роковое стоическое подчинение своей участи мелких птиц, являющихся жертвами алчности змеи, в то время когда они спокойно могли от нее улететь.

Прежде всего, необходимо указать на некоторую аналогию опытов, произведенных с собакой Лордом, с теми опытами, которые производились над лошадьми. Аналогия заключается в том, что у Кралля лошади отбивали результат определенного арифметического действия соответствующим количеством постукиваний копытами, тогда как в опытах с Лордом дело шло о подсчете арифметического же действия с помощью лая. Разница, кроме этого способа обозначения, заключалась, однако, в том, что у Кралля дело шло не только о простых арифметических действиях, но и об извлечении корней, но нельзя не принять во внимание, что, при недоступности для собаки извлечения корней, она оказалась бы в одинаковом положении, как и при недоступности для нее счета, и потому, хотя опыты извлечения корней с Лордом не ставились, но более чем очевидно, что, если бы эти опыты были поставлены таким же точно образом, они, несомненно, удавались бы, как они удавались и в опытах с лошадьми Кралля, ибо самый результат задачи экспериментатору все равно был бы известен, количество же отбиваний копытами лошадьми в конце концов было сравнительно невелико, как невелико было и количество «отлаиваний» Лордом. Пока мы ограничимся этими сопоставлениями и не пойдем дальше в наших рассуждениях.

Что касается опытов, проделанных с собакой Пикки, то они представляют совершенно иную постановку. Дело идет здесь о выполнении животным определенных заданий в форме более или менее сложных действий, причем

ему делалось соответственное «мысленное» внушение, которое и выполнялось животным согласно заданию.

Разница ясна. Если в первом случае дело идет об опытах, в которых может идти речь о математических способностях животного (по отношению к краллевским лошадям это объяснение и применялось как самим Краллем, так и известным психологом Claparede'ом), то во втором случае опыты могут относиться только к «мысленному» внушению, если исключить гипотезу пользования теми или иными знаками, которое опять-таки исключалось соответствующими контрольными опытами, как, например, завязывание глаз экспериментатору и др. Вот почему эти опыты показалась мне с самого начала и более интересными как осуществляемые в новой обстановке, и более ценными в научном отношении. Сколько мне известно, других таких опытов над животными не производилось. И так как опыты «мысленного» внушения над лошадьми в общем были малоплодотворны и до сих пор дали, вообще говоря, не вполне решительные результаты, то естественно, что осуществление этих опытов на животных открывает новые возможности в исследовании вопроса о мысленном внушении чисто лабораторным путем.

Спрашивается, что следует сказать по поводу этих опытов, как следует их понимать? Прежде всего, я хотел бы установить, что разговорами о заданиях собака не могла руководиться, ибо, не говоря о том, что все разговоры на эту тему происходили с особыми предосторожностями и вообще мы избегали всего того, что дало бы возможность собаке руководиться в этом отношении какими-либо знаками или словесными указаниями, все опыты, произведенные лично мной, осуществлялись без всякого предварительного разговора о том или другом задании опыта и без посвящения в сущность задания ни Дурова, ни кого-либо другого. Таковы, например, два опыта, произведенные первоначально на моей квартире, и все опыты, осуществленные мною же в Москве и даже в отсутст-

вие самого Дурова за время двух моих поездок. Таким образом, это объяснение отпадает само собой.

После первой серии опытов мне представлялось возможным допустить лишь одно объяснение — это то, что собака Пикки отличается поразительной способностью примечать. Так, возможно было предположить, что собака приучена к опытам исполнения задуманного действия после того, как в ее глаза всматривался в течение известного времени экспериментатор; думая о подходе собаки к предмету, о форме самого предмета и т. д., он невольно соответственным образом смещал свои глазные оси, что и улавливалось собакой. Последняя, будучи приучена ранее дрессировкой к исполнению и послушанию, еще оставаясь под взором экспериментатора, начинает проявлять некоторые признаки беспокойства, а освободившись, тотчас же приступает к выполнению задания. Интересно при этом отметить, что собака Пикки по исполнении внушения бросается стремглав со стула и проявляет все признаки волнения в своих действиях, пока не выполнит задания, после чего тотчас же успокаивается.

На самом деле вышеуказанные автоматические движения глаз вполне допустимы, ибо, например, при опытах со сосредоточиванием на определенном действии, связанном с известным интересом, как доказано у нас опытами, могло быть констатировано автоматическое смещение пальца руки в приборе Sommer'a в сторону представляемого движения, хотя для самого лица это смещение остается незамеченным. Отсюда казалось бы естественным признать такое объяснение вполне удовлетворительным для вышеуказанных опытов. Под это объяснение можно было бы, пожалуй, подвести и проделанные у меня опыты с собакой Лордом. Что эта собака простого счета в смысле сложения показываемых цифровых знаков не знала, это факт, который вытекал из сделанных мною проб в этом отношении, не давших никаких положительных результатов. Но стоило только сосредоточиться экспериментатору на

умственном счете, хотя бы обратясь к ней спиной, как собака начинает считать верно. Можно предположить, что сосредоточение на умственном счете приводит к не замечаемым самим считающим лицом движениями головы, которые без особого обращения внимания на этот предмет не замечаются посторонними, тогда как дрессированная собака, готовая к выполнению определенного ей знакомого задания, их легко могла бы приметить.

При этом нельзя не принять во внимание особой чуткости и наблюдательности собак вообще, быть может, значительно более выраженной, нежели у человека. Словом, дело могло идти здесь о тех же явлениях, которые известны при условиях опытов с так называемым отгадыванием мыслей при соприкосновении индуктора с отгадчиком. Разница лишь в том, что при последних опытах дело идет об улавливании движений с помощью осязания, когда как при опытах с «мысленным» внушением дело сводилось бы к улавливанию движений с помощью зрения.

Не отрицая допустимости такого объяснения, однако, нельзя забывать, что этим путем нельзя объяснить обстоятельства, что собака Лорд не могла считать более девяти, а между тем, казалось бы, вполне естественно, что если бы собака в этом случае руководилась едва улавливаемыми движениями головы, то она должна бы считать таким же образом и далее девяти, чего, однако, не происходило. С другой стороны, приняв во внимание это объяснение, нельзя было бы понять, каким образом собака Пикки, не имевшая возможности пользоваться подобными знаками в форме не замечаемых самим экспериментатором движений глав в том опыте, который производился с завязанными глазами экспериментатора, тем не менее выполняла задание вполне удачно. Необходимо при этом исключить и предположение о том, что в опыте с внушением наброситься на чучело собака руководилась мимикой лица индуктора, ибо тот же опыт был повторен спустя некоторое время таким образом, что Дуров намеренно во

время внушения искажал свое лицо искусственной улыбкой, и, несмотря на это, опыт оказался вполне удачным, ибо собака в точности выполнила внушаемое задание.

То, что все мои опыты были произведены по заданию, известному только мне одному, некоторые же были произведены в отсутствие Дурова и других сторонних лиц, должно быть, в свою очередь, учтено скептиками соответственным образом.

1919

Взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция как объединяющие факторы

Публикуется по: Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии / Коллективная рефлексология. М.; Наука, 1994. С. 105—118.

В числе факторов объединяющего характера должны быть более подробно выяснены такие, как взаимовнушение, взаимоподражание и взаимоиндукция. По отношению к взаимовнушению все необходимое содержится в моей специальной работе, и потому я не считаю нужным здесь вновь останавливаться на этом предмете. Ниже, однако, мы еще к нему вернемся.

Что касается подражания, то по этому предмету имеется уже довольно обширная литература, которая представлена работами Михайловского, Тарда, Росси, Лебона, Гарднера, Сигеле, Сидиса, моими, Вигуру и Жукелье и др.

Общий результат этих исследований сводится к тому, что уже собрание лиц в толпу располагает к развитию взаимной заразы, что и приводит к объединению их деятельности.

По Binet, производившему опыты над детьми, оказывается, что уже в силу одного факта собрания детей в одну группу они становятся более подверженными внушению.

По Вигуру и Жукелье, уже одно восприятие зевания вызывает у других повторение того же акта. Рефлекс зевания наиболее заразительный. «Мы присутствовали при подлинной эпидемии зевания, вызванной в омнибусе одним фактом восприятия зевания одного из пассажиров»[69].

Но возможно, помимо заразы, и непосредственное индуцирование одной личности другою, как то доказывают наши опыты с так называемым мысленным внушением.

Дело идет в таком случае о таких формах воздействия в толпе, где отдельные лица становятся как бы взаимными резонаторами одних по отношению к другим.

Как известно, всякое движение, не возбуждающее противодействия в целях обороны, возбуждает к подражанию, а это уже само по себе приводит к объединению масс. Есть что-то непосредственно заражающее в тех движениях, которые являются для нас более или менее привычными и выполнение которых не вызывает труда. Таковы, например, движения зевания, смеха, танцев и т. п.

Тард много посвящает в своих трудах вопросам подражания, понимая под этим термином не одно только индивидуальное подражание в форме так называемой «психической» заразы, но и расширяя его до степени межклассового и международного подражания. В сущности, дело сводится к объединяющему значению взаимоотношений, устанавливающихся в каждом коллективе, ибо коллектив не будет чем-то целым, коль скоро личность не воспримет общие свойства коллектива, и, с другой стороны, достижения одной личности, будучи признаны общеполезными, не сделаются общими достижениями.

В этом именно заключается нивелирующее начало всякого более или менее организованного коллектива: будет ли он представлять собою профессиональное общество, народ или государство. Речь идет здесь вообще о распространении индивидуальных достижений на весь коллектив путем заимствования и усвоения их другими членами того же коллектива, а это заимствование и усвоение про-

исходит путем простой индукции, подражания, внушения и убеждения.

Таким образом, роль указанных факторов в социальных условиях огромна, ибо благодаря им устанавливается взаимоотношение между людьми и достигается коллективное объединение, иначе говоря, благодаря им становится возможным образование коллектива людей, или собирательной личности. Из этих факторов наиболее ранним по развитию, если исключить индукцию, является подражательность, свойственная, как мы знаем, и обширному классу животных. Ее можно наблюдать у детей вскоре после их рождения, и, очевидно, с помощью ее устанавливаются первые социальные отношения дитяти. Когда ребенок произносит первый подражательный звук, когда он улыбается в ответ на улыбку матери, когда он повторяет виденное движение — это начало его социальности, а все это может быть обнаружено уже в первые недели и месяцы жизни ребенка.

Подражание следует понимать вообще шире, нежели это принято думать. Подражание может зависеть и от воспроизведения, и в этом случае оно может быть рассматриваемо между прочим с точки зрения исторической перспективы. Манускрипт о республике Цицерона находят 2000 лет спустя после того, как он был написан, его отпечатывают, им вдохновляются; мы получаем посмертное подражание, которое не имело бы места, если бы молекулы пергамента перестали существовать и вибрировать и если бы, кроме того, размножение не шло своим порядком, начиная с Цицерона до наших дней.

«Воспроизведение есть свободное волнообразное колебание, волны которого составляют отдельные миры. Подражание идет еще дальше: оно действует не только на весьма больших расстояниях, но и через громадные промежутки времени. Оно устанавливает богатое последствиями соотношение между изобретателем и подражателем, отделенными друг от друга тысячами лет, между Ли-

кургом и членом народного конвента, между римским живописцем, нарисовавшим фреску на стенах Помпеи, и современными художниками, вдохновляющимися ею. Подражание есть, воспроизведение на расстоянии»[70].

Отсюда понятно, что подражание может быть причиной эпидемии или восстания, когда революционное движение перебрасывается из одного города в другой, или может быть причиной воспроизведения исторических событий. Не воскресли ли вновь благодаря подражанию древние олимпийские игры, некоторые состязания в виде метания копья или марафонского бега и не оживляются ли вновь благодаря подражанию старинные созвучия в виде гекзаметра, а также ритмическая гимнастика и другие формы древнего искусства.

Тард, объясняющий всю социальную жизнь законами подражания, между прочим, по поводу их значения высказывается следующим образом: «Известны законы Мальтуса и Дарвина относительно тенденции индивидов данного вида размножаться в геометрической прогрессии — истинные законы лучистого воспроизведения живых индивидов. Таким же образом местное наречие, употребляемое несколькими семействами, мало-помалу благодаря подражанию превращается в национальный язык. При возникновении первобытных обществ искусство тесать камни, приручать собак, делать луки, а несколько позже — печь хлебы, работать бронзу, извлекать железо и т. д. должно было распространяться путем заразного подражания, причем каждая стрела, каждый кусок хлеба, каждый бронзовый крючок, каждый отесанный камень составляли одновременно и копию, и модель. Так и в наше время совершается лучеобразное распространение разных полезных сведений с тою лишь разницею, что увеличившаяся плотность населения и вообще совершившийся за это время прогресс поразительным образом ускоряют это распространение подобно тому, как скорость

распространения звука находится в прямой зависимости от плотности среды»[71].

Нет основания сомневаться в особом значении подражания как выдающегося фактора социальной жизни, столь талантливо разъясненного Тардом в его книге, но нельзя забывать, что общество состоит не только из подражателей, но и созидателей, а это обусловливает существование конкурирующих друг другу индивидов, в силу чего подражание не всегда достигает своей цели ввиду конкуренции, обнаруживающейся со стороны других соперничающих индивидов. Таким образом, жизнь общественного организма состоит из подражания и конкуренции, или соперничества, между которыми устанавливается своего рода взаимодействие, приводящее к подвижному равновесию.

Уже ранее было говорено, что подражание осуществляется в большей мере по отношению к руководящим лицам. Таким образом, дети подражают родителям, ученики учителям, младшие старшим и т. п. То же имеет значение по отношению к коллективной среде, где мода начинается всегда с руководящих слоев населения и передается к низшим слоям. Обратное заимствование, конечно, не исключается, но оно происходит всегда в меньшей мере и лишь в известные периоды и не иначе как по особым условиям достигает значительной степени выраженности. Такова распространяющаяся время от времени проповедь опрощения, заставляющая рядиться в простой покрой платья, есть простую пищу, трудиться наподобие простого народа и т. п.

Обычно «плебс» подражает «патрициям» в большей мере, чем наоборот, деревня подражает городу больше, чем наоборот, сельские жители городским больше, чем городские сельским, побежденные — победителям, любящие подражают в большей мере любимым существам, нежели наоборот; аристократия подражает монарху или президенту и придворным больше, чем обратно и т. п. Язык, обладающий литературными достоинствами, язык

более богатый оборотами, особенно если он является еще и языком народа-победителя, распространяется среди некультурного народа путем подражания в большей мере, нежели язык малокультурного народа среди народов высокообразованных.

По Тарду, «всякие сходства социального происхождения, замечаемые в мире общественном, представляют прямое или косвенное следствие подражания во всевозможных его видах: подражания-обычая или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания сознательного и т. д.». «Великим проводником» всех этих подражаний Тард признает, конечно, язык.

Сам язык есть подражание. Происхождение европейских языков из санскритского говорит о бесконечном подражании, где каждое отступление или изменение представляет собою своего рода открытие или изобретение неизвестного автора, в свою очередь, вызывающее подражание.

«…Необычайное развитие всякого рода моды, моды по отношению к одежде, пище, жилищу, потребностям, идеям, учреждениям, искусствам ведет к превращению всего населения Европы в людей, представляющих собою издание, набранное одним и тем же шрифтом и выпущенное в нескольких сотнях миллионов экземпляров».

Нельзя, однако, упускать из виду, что подражание и в коллективах встречается с тормозящими условиями, стоящими на его пути и являющимися в результате жизненного опыта отдельных индивидов того или другого коллектива. В самом деле, если русские подражают немцам, англичанам и французам, то ясно, что они подражают в том, что не противоречит их укладу жизни и что соответствует в данное время их интересам и их пользе; все же, что признается несоответствующим их укладу жизни и их интересам, встречает естественные тормозы и отвергается. То

же мы имеем и со стороны японцев, подражающих западноевропейским странам и нам, русским. Таким образом, подражание встречает известное ограничение, которое сводится к коллективным тормозам, вырабатываемым жизненным опытом и определенным укладом жизни, и к противодействию всему тому, что не соответствует вкусу, привычкам, установившимся обычаям народа и т. п.

Как мы знаем, подражание встречает тормоз и в личном опыте, благодаря чему подражание всегда обнаруживается в большей мере в детском возрасте по сравнению со взрослыми. То же явление, как мы знаем, обнаруживается в коллективах. Более молодые коллективы берут пример с более старых, и молодые нации подражают более старым нациям в большей мере, нежели наоборот. Таким образом, русские подражают во многом более старым в культурном отношении западным державам, которые если кое-что и заимствуют от русских, то в гораздо меньшей мере, нежели сами русские от них. Японцы же как нация, выступившая на арену общественной жизни позднее русских, подражают в значительной мере западной Европе и русским, тогда как им подражают менее всего как европейцы, так и мы, русские.

Нельзя при этом упускать из виду, что подражание есть важный фактор прогресса, ибо всякое поступательное движение общества, как и отдельных индивидов, основано на подражании всякому усовершенствованию, где бы оно ни оказалось, а достигнутое усовершенствование, приобретенное коллективом или отдельным лицом, обязательно приводит благодаря особенностям индивида к дальнейшему усовершенствованию, которое, передаваясь путем подражания третьему коллективу или индивиду, вновь приводит к дальнейшему усовершенствованию.

Помимо этого подражание сокращает и облегчает работу подражающего. Когда один объект достигает усовершенствования путем личного опыта, другой, подражающий ему, ничуть не нуждается в производстве того

же опыта, но воспринимает лишь результат, достигнутый опытом другого, опуская всю предварительную работу. К тому же подражание действует на всех стадиях развития и совершенствования, благодаря чему оно дает возможность дело, начатое одним, передавать другому еще в начальном периоде формирования его, а это дает возможность продолжать его далее, внося в него свои индивидуальные особенности, что опять-таки может оказаться продуктивным.

В социальной жизни закон подражания проявляется в том, что ни одно изобретение не остается принадлежностью одного индивида, а непременно становится общим достоянием коллектива через то или другое время. Вот почему наряду с дифференциацией идет, хотя и постепенно, нивелировка всех народов как залог их объединения, ибо ни один народ не создал полностью своей культуры, а заимствовал различные стороны культуры от других народов. Это заимствование путем подражания, прямого или косвенного, является неизбежным для всякого вообще коллектива и для всякого народа, каким бы оригинальным творчеством он ни обладал. Можно лишь сказать, что народ, которому больше подражают другие народы, обладает более оригинальным творчеством по сравнению с народами, возбуждающими подражание в меньшей степени. С другой стороны, можно считать установленным, что народ, который умеет заимствовать хорошее у других народов, всегда выигрывает перед остальными народами. Само собой понятно, что все то, что представляется оригинальным в ком-либо, так или иначе воздействует на других, возбуждая в них стремление к заимствованию и подражанию. Собственно, уже распространение мифов, сказок, легенд, определенных форм искусства, научных открытий и изобретений основано на заимствовании и подражании. Особенно замечательно заимствование народами один от другого мифов, приобретающих вследствие этого обширное распространение.

Точно так же формы национального искусства, в сущности, заимствованы от других, более старых форм искусства и составляют, в свою очередь, предмет заимствования другими нациями.

Наука подтверждена тому же закону социального уравнения. Как ни высоко развивается наука у тех или других народов, ее завоевания неизбежно получают тенденцию к распространению всюду, где существуют благоприятные условия для ее развития. При этом, само собою разумеется, дело идет часто лишь о простом заимствовании, но тем не менее научное творчество не остается обособленным и имеет тенденцию к распространению путем заимствования же, в результате чего происходит и в этом отношении социальное уравнение в той или другой мере.

То же самое необходимо сказать о технике и индустрии.

Если один народ достигает известной высоты в развитии своей техники и индустрии, плоды этого развития непременно получают распространение и среди других народов, уравнивая их в большей или меньшей степени в использовании достигнутыми усовершенствованиями.

Само собою разумеется, что эти тенденции к уравниванию идут то быстрее, то медленнее в зависимости от условий социальной среды и других обстоятельств, но ни один коллектив не остается в обособленном положении среди других, ибо все народы, все общества и кружки находятся в общении друг с другом. Конечно, местные условия, большая или меньшая географическая обособленность и свойственная обществам рутина как выражение закона инерции оказывают противодействие такому уравниванию в той или другой степени, но все же это уравнивание проявляется везде и всюду, где лишь созидаются к тому подходящие условия.

Так, в древней истории римляне заимствовали высшие проявления культуры от греков, а побеждаемые ими варвары заимствовали культуру от римлян, причем впо-

следствии они даже и в отношении военного искусства достигли такой степени, что могли сломить упорство римских когорт.

В новейшее время японцы как морская держава быстро восприняли плоды европейской культуры и сделались в короткое время одной из цивилизованных стран востока.

Каждое вообще изобретение, способное улучшить условия человеческого существования и оказывающее человечеству те или другие материальные блага, как земледелие, приручение животных, изобретение пороха, книгопечатание, открытие силы пара, знание электричества и т. п., а равно и все завоевания человеческого гения в области литературы, искусства и науки, явившись первоначально в том или другом месте, быстро становятся достоянием широких масс населения и получают почти всеобщее распространение.

В результате всякая цивилизация является продуктом приобретений, сделанных человеческим гением где бы то ни было и лишь воспринятых данным народом, который, впрочем, и сам вносит в цивилизацию те или другие результаты своего творчества.

Заслуживает внимания, что заимствование только тогда дает прочные результаты, когда оно идет от общего к частному, ибо ранее всего заимствуются одним народом от другого установленные принципы, а затем только учреждения, являющиеся выразителями этих принципов. Так, Возрождение в Западной Европе было подготовлено предварительным изучением греческой литературы, а ознакомление с трудами английских мыслителей подготовило заимствование английских учреждений другими странами; знакомство с французскими политическими учениями дало почву для развития революций в других странах.

С другой стороны, если к тем или другим учреждениям умы окажутся недостаточно подготовленными, то в конце концов и вводимые вместе с ними или вслед за ними учреждения окажутся непрочными. Этим объясняется, напри-

мер, гибель парламентаризма в Турции до периода великой войны. Этим же объясняется неустойчивость парламентского строя в республиках Южной Америки. По той же самой причине и заимствования обыкновенно распространяются в каждом народе от высших или интеллигентных слоев, постепенно передаваясь, к низшим, ибо первые скорее усваивают общие принципы и новые мысли, установившиеся в других странах, и переносят их на родную почву. К тому же благодаря особым условиям заимствование облегчается в силу более легкой возможности ознакомиться высшим слоям общества с новыми особенностями в жизни других стран.

Возьмем моды. Они раньше всего воспринимаются высшими слоями населения и затем постепенно переходят к низшим слоям, после чего они оставляются первыми, для того чтобы заимствовать и ввести у себя новую моду. Здесь, конечно, сказывается в то же время влияние господствующего класса, пользующегося известным престижем и авторитетностью в населении и возбуждающего подражание в других классах населения.

В больших коллективах национализм является выразителем единства его, и все, что поддерживает национальные особенности и традиции в жизни данного народа, поддерживает и единство. Даже классовые элементы, эти хранители кастовых особенностей, поддерживают национализм, олицетворяющий единство данного народа, несмотря на то, что в самом своем существе они отгораживают себя от других коллективных групп того же народа.

Когда мы говорим о подражании, то вопрос наиболее существенный заключается не в том, что социальность обусловливает подражание и что социальный динамизм есть подражательный динамизм, а в том, почему именно он является таковым. В чем заключается причина того, что два существа или две группы существ начинают подражать друг другу.

По словам Бордье, каждый человек предрасположен к подражательности, но эта способность достигает своего апогея в собраниях людей: доказательством служат общественные собрания, где достаточно аплодисмента или свистка, чтобы возбудить залу в том или другом направлении.

Сигеле, признавая подражание врожденной способностью, замечает, что эта способность у человека не только увеличивается в силе, удваивается, но делается во сто крат интенсивнее в среде толпы, где у всякого возбуждается воображение и где единство времени и места удивительным образом почти с быстротой молнии способствует обмену впечатлениями и чувствами.

О предрасположении к подражанию говорит и Sully. Но вопрос, в чем заключается сущность предрасположения, остается невыясненным.

Тард, а за ним и целый ряд других авторов, сводит общественную заразу на явления гипнотического внушения.

Говоря о воздействии одной личности на другую, лежащем в основе социальной жизни и обусловливающем подражание, что было известно еще Эспинасу и даже Cabanis'у, Тард очень много распространяется насчет гипнотического влияния и целым рядом примеров и сопоставлений пытается убедить читателя, что это воздействие вообще ничем по существу не отличается от воздействия гипнотического и уподобляется состоянию сомнамбулизма вследствие гипноза. «Представите себе сомнамбулу, простирающую подражание своему медиуму до такой степени, что сам он становится медиумом для третьего, подражающего в свою очередь ему и т. д… Не в этом ли состоит социальная жизнь? Такой каскад последовательных, сцепляющихся взаимно магнетизаций есть общее правило, а взаимная магнетизация, о которой я сейчас говорил, — только исключение. Обыкновенно какой-нибудь обаятельный действующий человек дает импульс, отра-

жающийся тотчас же на тысячах людей, копирующих его во всем и заимствующих у него его обаятельность, благодаря которой они сами действуют на миллионы дальше стоящих людей. И только тогда, когда это действие, направленное сверху вниз, истощится, можно будет заметить — в демократические времена — возникновение нового действия: миллионы людей начинают обмораживать своих старых медиумов, заставляя их слушаться. Вовсе не страх, не насилие победителя, а удивление, блеск ощущаемого властного превосходства производит социальный сомнамбулизм». Общество — это подражание, а подражание — род гипнотизма, так окончательно выражает свои мысли автор.

Если бы дело шло о фигуральном сравнении, то можно было бы не возражать против этого. Но если принять во внимание, что внушение в бодрственном состоянии есть явление более распространенное и более широкое, нежели гипнотическое, нужно ли доказывать, что воздействие одного человека на другого в обществе не может быть равносильным гипнотическому воздействию. Можно ли согласиться с тем, что «социальный человек есть настоящий сомнамбул» и что «социальное состояние как состояние гипнотическое есть не что иное, как сон, сон по приказу и сон в деятельном состоянии»? В этом мы видим лишь дань увлечению, свойственному вообще этому писателю, проявлявшему вообще немало увлечения и при обосновании его «законов подражания». Однако за Тардом и Сидис признает, что «я» толпы образуется из подбодрствующих, то есть подсознательных «я», чем и объясняется повышенная внушаемость толпы. Еще ранее того и другого автора говорит о том же предмете и в том же духе наш Михайловский, которому, без сомнения, принадлежит первенство этой гипотезы.

Вслед за упомянутыми авторами и целый ряд других трактует этот вопрос с чисто субъективной точки зрения, признавая основным условием внушаемости в толпе на-

ряду с ограничением произвольных движений, суждение сознания и моноидеизм или заполнение сознания одной идеей. Мы не последуем за субъективистами и попробуем выяснить объективные условия внушаемости в толпе. Условия эти сводятся к трем основным: продолжительное пребывание в одном и том же положении, что помимо ограничения активных движений приводит к физическому утомлению; продолжительное же сосредоточение на одном и том же предмете (обычно на самом вожаке и его речи) приводит к утомлению сосредоточения. С другой стороны, подготовка, обусловленная демагогическими приемами вожака, сопровождаясь соответствующими жестами и мимикой, обусловливает однородный характер настроения, что, в свою очередь, определяет направление активного отношения толпы, ибо подъем настроения обязательно сопряжен с готовностью к действованию. Как известно, при таких условиях бывает достаточно одного слова или даже жеста, действующего наподобие приказа, чтобы толпа совершила известное деяние. Наоборот, упадок настроения есть благоприятная почва для паники, которая наступает иногда в одно мгновение под влиянием какого-либо, иногда даже вздорного, заявления или крика.

Не следует, однако, забывать, что подражание наблюдается и не в толпе только, а везде, где имеется то или иное общение людей, где о гипнозе не может быть и речи. И так как мы знаем, что внушение действует и в бодрственном состоянии, то это обстоятельство, без сомнения, должно быть здесь принято во внимание, вследствие чего гипнотическая теория должна быть признана по меньшей мере односторонней[72]. Но нельзя упускать из вида, что и словесное внушение не может объяснять явлений подражательности полностью, ибо во многих случаях о словесном внушении не может быть и речи. Да и у животных примеры подражательности общеизвестны.

Еще Эспинас пришел к выводу, что если стерегут и оберегают подходы к гнезду и в случае опасности преду-

преждают о том других, то это происходит единственно вследствие вида разъяренного индивида, ибо существует «общий закон в области интеллектуальной жизни, что вид возбужденного состояния вызывает проявление того же самого состояния у его свидетеля». Этот закон, однако, не новый. Указания на него можно найти у Кабаниса, а по Сигеле он известен был даже Горацию.

Здесь дело идет, таким образом, о непосредственном подражании или о заразе в настоящем смысле слова, о котором говорят также Жукелье и Вигуру в сочинении под заглавием «Le contagion mentale».

По теории Рамбассона, подражание основывается на том, что каждому «психическому» явлению соответствует движение мозгового характера, выражающееся внешним образом в изменении физиономии, в жестах и осанке.

Это движение распространяется и в пространстве, передаваясь другому лицу, и возбуждает в нем те же движения. В силу этого распространения движения через расстояние осуществляется смех, зевота, печаль и другие явления, как простые, так и более сложные[73]. И здесь дело идет, таким образом, не о чем ином, как о непосредственной заразе, но ее причина все же остается невыясненной.

Первоисточник подражания, с нашей точки зрения, в филогенетическом процессе развития лежит в соперничестве и борьбе в социальных условиях жизни. Когда найден источник питания каким-либо одним из ряда совместно живущих животных и оно бросается на пищу, все другие бросаются к тому же источнику пищи, воспроизводя тот же поступательный рефлекс; животные же, не выработавшие этого рефлекса непосредственного подражания, проигрывают в питании и борьбе и должны, по закону естественного отбора, вымирать. В данном случае дело идет, таким образом, о подражательном рефлексе наступательного характера. В других случаях животное, встречаясь со своим естественным врагом, отвечает на нападение с его стороны аналогичным ему актом нападения или же

актом пассивной и активной обороны опять-таки потому, что всякое животное, не проделывающее этого акта, погибло бы, вследствие чего акт оборонительного подражания является для всякого живого существа в условиях соперничества и борьбы жизненно необходимым. Таково же происхождение и других оборонительных подражательных реакций в животном царстве, ибо, когда средства нападения истощены и остается только спасаться бегством, всякое животное, отстающее в этом от своих соседей, неизбежно погибает. Что это так, показывают и примеры миметизма низших животных, где подражательный акт производится по отношению к неодушевленным предметам. Здесь, в свою очередь, выявляется жизненная необходимость подражательной реакции вообще.

Сверх того, должно быть принято во внимание то обстоятельство, что всякий подражательный акт облегчается тем, что он, по существу, воспроизводящий акт и потому сравнительно легко осуществим, как всякая копия легче осуществима, нежели самый творческий акт. При этом лишь с помощью подражания оказывается возможным коллективное действие, всегда требующее известной согласованности, а следовательно, коллективный опыт без подражания были бы вообще невозможен. Отсюда также становится ясным биологическое значение способности подражать.

Возможна ли, спрашивается, непосредственная передача энергии нервных центров от одного индивида другому? До сих пор это представлялось фактом ничуть не доказанным, ибо все известные мне попытки найти научное подтверждение телепатической передаче на расстоянии, так художественно представленной еще Лермонтовым в его известном стихотворении «Сон», пока не дали вполне убедительных результатов.

Необходимо иметь в виду, что целый ряд ученых, и в том числе математиков, физиков, физиологов, психологов, невропатологов и психиатров, между которыми

мы можем назвать имена Цельнера, Крукса, Фере, Грассе, Рише, Жане, Дюреля, Молля, Флюрнуа, Фогта, Вагнера (старшего) и некоторых других, старался подойти с той или другой стороны к выяснению этого вопроса. Но все имевшиеся в этом отношении данные не дали окончательного разрешения проблемы. Предпринимавшиеся в этом направлении опыты сводились главным образом к отгадыванию задуманных предметов или указанию их местоположения, к выполнению того или иного действия и т. п. При этом выяснилось, что эта способность отгадывания если и может обнаруживаться, то обыкновенно у лиц нервных, особенно впечатлительных и между прочим легче всего в гипноидном состоянии, у медиумов, способных впадать в так называемый транс или особое гипноидное состояние, развивающееся путем самовнушения.

Но такое непосредственное воздействие одного индивида на другого не исключено и у людей с нервным темпераментом в бодрственном состоянии и проявляющих способность так называемого непосредственного восприятия. Между прочим делались и специальные опыты в этом отношении за границей Ch. Richet, Lehmann'ом и многими другими, у нас — д-ром Ховриным, Жуком, Котиком и др. Не все из этих опытов одинаковой ценности, и во всяком случае они не дали вполне убедительных результатов в отношении передачи мыслей на расстояние. Опыты Richet, как известно, не оказались вполне убедительными, по крайней мере для других. Опыты д-ра Жука, быть может, еще могли бы лучше быть использованы в смысле положительного решения вопроса. Что же касается опытов д-ра Котика, то несмотря на то, что его исследования, произведенные с Софьей Штаркер, несомненно явились плодом недостаточной осмотрительности в отношении профессиональных проделок испытуемой и ее отца, как я показал это в одной из своих работ[74], другие опыты автора намечают выводы, которые могут удовлетворять самое пылкое воображение. Но о них можно бу-

дет говорить лишь тогда, когда они получат подтверждение со стороны других авторов.

В данном случае нас, собственно, интересует простой факт: возможно ли непосредственное индуцирование одного индивида, то есть влияние одного лица на другое без посредства каких-либо знаков или других посредников в этом деле. Вопрос, поставленный таким образом, как мне кажется, удалось разрешить в положительном смысле, и притом как путем особых экспериментов на собаках, так и на основании экспериментов на человеке.

Первые опыты производились мною на дрессированных В. Дуровым собаках как в Петербурге в моей квартире в 1914 году, так и позднее в Москве в квартире Д. и в так называемом его «Уголке», и притом производились мною лично в присутствии и совместно с Д. и в отсутствие Д., с участием или в присутствии целого ряда ассистентов: Воробьевой, Никоновой-Бехтеревой, Щелованова, Флексора, Триродова-Казаченко, проф. Фольдберга, И. Лева и др.

Опыты эти затем были в разное время продолжены моими учениками — д-рами Перепелем и Кармановым, затем д-ром Флексором совместно с д-ром Эйнгорн, и д-ром Ивановым-Смоленским совместно с д-ром Флексором; причем они осуществлялись с известной планомерностью каждый раз согласно устанавливаемому мною плану. Затем они были повторяемы и мною самим и в разных условиях.

Общее число сделанных таким образом в разное время опытов над собаками достигает от 50 до 75. Они были произведены над тремя собаками: Лордом, Пикки и Дэзи. Все эти собаки предварительно путем дрессировки приручались Д. к «обезволиванию» или послушанию («доместикации»), благодаря чему, когда собака взята на опыт, она остается спокойной и сосредоточивается в готовности осуществить то задание, которое ей предстоит выполнить. Так, Лорд, из сенбернаров, под влиянием мысленно-

го внушения экспериментатора лаял столько раз, сколько задумывал экспериментатор. Число, однако, не должно быть большим (не свыше девяти), ибо иначе собака начинала путать вследствие развивающегося автоматизма в лае. Эту же способность лаять определенное число раз, согласно задуманному количеству, я открыл и у бульдога Дэзи, с которым проделывались удачные опыты с «мысленным» внушением или индуцированием даже из другой комнаты при закрытых дверях. Пикки, из фокстерьеров, выполняла задуманные действия, отличавшиеся иногда довольно значительной сложностью, например, вскочить на стул, стоящий у стены, со стула на столик, со столика подняться на задние лапы и поцарапать своей лапой висящий у стены портрет, или вскочить на стоящий у рояля стул и ударить лапой в правую сторону клавиши рояля, или, например, побежать в другую комнату и направиться к одному из многих бумажных шаров, разложенных в разных местах комнаты, и т. п.

Опыты эти подробно описаны мною и моими учениками (д-ром Ивановым-Смоленским и д-ром Флексором) и представлены конференции Института по изучению мозга психической деятельности в ряде докладов за 1920 год[75]. Здесь же я хотел бы сказать кратко, что в части опытов с Пикки и Дэзи было сделано все, чтобы устранить возможность предположения, что животное при выполнении задания руководится какими-либо знаками, производимыми хотя бы невольно экспериментатором при этих опытах. Позднейшие опыты делались так, что было известно только самому экспериментатору (из врачей), который был разобщен с собакой, то есть к ней не прикасался, а лишь на расстоянии фиксировал ее взор, думал про себя задание, которое собака должна выполнить, после чего он закрывался дверьми от собаки; за действиями же последней следил ассистент, не знавший самого задания. В результате «мысленное» внушение и при этих условиях выполнялось с достаточной степенью точности.

С бульдогом Дэзи опыты делались в отношении воспроизведения того или другого количества лая путем «мысленного» внушения. Эти опыты производились даже таким образом, что самое внушение или индуцирование производилось из другой комнаты при закрытых дверях и, несмотря на то, опыты дали положительные результаты.

Что касается опытов над человеком, то объектом их была на первое время избрана 18-летняя девушка, никогда раньше такими опытами не занимавшаяся, но отличавшаяся нервною впечатлительностью, необычайно обостренной зрительной памятью (может повторить до 75 прочитанных слов, воспроизвести 25 двухзначных цифр и т. п.) и, по-видимому, также двигательной памятью (она прекрасная танцовщица). Самые опыты с нею производились следующим образом: на столе, перед которым она сидела, раскладывались в один ряд самые обыкновенные предметы, например спичка, коробочка, папироса, гребенка, раковина и т. п., причем в одних опытах предметов было 7, а других — 12, в третьих — 8. Экспериментаторы — я и Д. — сидели на двух рядом стоящих креслах сзади от нее, обращенные к ней, на расстоянии около пяти саженей и, за исключением первых шести опытов, были отделены от нее еще высокими плотными ширмами.

Предметы, которые были расположены на столе, были перенесены на билетики в свернутом виде в шляпу, из которой их вынимал затем один из врачей, следивший в то же время за всеми условиями опытов, и, не раскрывая, передавал их мне. Развернув билет и увидев написанное на нем обозначение предмета, я либо сам брал осуществление опыта, никому не говоря о задании, либо передавал билетик для осуществления опыта своему соседу. Самый опыт заключался в том, что каждый из нас усиленно представлял себе лежавший на столе предмет, соответствующий обозначению в полученном билетике; девушка же должна была обозначать, какой предмет был задуман. Вот результаты опытов: на столе разложены семь про-

стых предметов. Задумывает Д. Последовательно сделано шесть опытов, из них все были вполне удачны, то есть предмет каждый раз отгадывался девушкой безошибочно, и только в одном случае он был отгадан не сразу, а после первого неверного отгадывания было предложено тотчас же повторить опыт, который и привел на этот раз к положительному результату.

В другой серии опытов мы взяли 12 предметов столь же простых, как и в первом случае (спичка, карандаш, крючок, зубная щетка, бумажка, чернильница, ключ, раковина, папиросы, коробка, электрическая лампочка, пепельница). Шесть новых опытов произведены Д; из них в первых трех он был отделен большим металлическим экраном ½ арш. высоты и 1 арш. ширины), причем в обоих случаях я сидел непосредственно рядом с ним. Закрытые бумажки с названиями предметов, как и ранее, складывались в шляпу и затем каждый раз непосредственно перед опытом вынимались научным сотрудником И. Левом и непрочитанными передавались предварительно мне. После того, как я проглядел данную мне записку, она молча передавалась мною Д., который сосредоточивался на ней, усиленно представляя соответствующий предмет и намерение взять его со стороны девушки. Результаты на этот раз оказались следующие. В трех первых опытах было дано три задания: коробка, бумажка и щетка; из низ коробка и бумажка были отгаданы сразу, а щетка тоже была отгадана, но после первого неудачного обозначения и предложения повторить опыт. Из других трех опытов с заданием — раковина, щетка, ключ — все три последовательно были отгаданы с первого же разу.

Следующие мои пять опытов были во всяком случае также достаточно убедительны. Постановка опытов с той же изоляцией ширмами, на том же расстоянии около трех сажен и с лицом, обращенным в обратную сторону. Подаваемые мне билетики я развертывал, чтобы сосредоточиться мысленно на предмете; после же опыта я переда-

вал записку для контроля третьему лицу. Из упомянутых пяти опытов два были неудачны, остальные три удачны, то есть были отгаданы девушкой, причем в двух случаях со второго раза, а в одном с первого раза.

При удалении на десять шагов в другую комнату, при закрытых дверях, были сделаны опыты при восьми предметах, разложенных на столе, с тою же девушкой; причем из четырех опытов, сделанных Д., удачных было два при задании — лампочка и окурок, — причем окурок был отгадан не совсем сразу, а после того, как девушка спросила — «не лампочка ли?», когда же ей сказали «нет», то она тотчас же определенно ответила «тогда — окурок». Из моих же двух опытов один опыт оказался удачным, другой же неудачным. Надо заметить, что в этих опытах избегалось их повторение при неудаче. Таким образом, и в этих опытах с внушением из другой комнаты при закрытых дверях приблизительно наполовину результаты оказались положительными, что, без сомнения, не может быть объяснено ни теорией вероятности, ни чем-либо иным.

Интересно отметить, что на вопрос, почему отгадчица берет при опытах тот или другой предмет, она пояснила, что ей предмет представляется со всею ясностью; в другой раз она заявила, что ей представляется ясной одна половина всех разложенных пред ней предметов и из нее один особенно ясно и что ее как будто толкает его взять.

Обращает при этом внимание тот факт, что, если экспериментатор первоначально остановился на одном предмете, а затем перешел на другой, то ей часто представляется первый предмет.

Аналогичные опыты были производимы и над другими объектами при одинаковой обстановке и дали также положительные результаты. Они будут опубликованы в другом месте.

Все вышесказанное приводит к выводу, что опыты с так называемым «мысленным» внушением, или, точнее, с непосредственным индуцированием удаются как на нерв-

ных людях, так и на животных. А это убеждает нас в том, что и в толпе кроме взаимовнушения и так называемой заразы, вызывающей непосредственное подражание, должен действовать еще особый фактор в виде прямого воздействия путем непосредственной передачи возбуждения центров одного индивида соответствующим центрам другого индивида. Входить в выяснение самого способа передачи мы здесь не будем, ибо это выходит за пределы нашей задачи, но все же иные намечаются уже пути, по которым надо идти, чтобы найти правильное объяснение возможности упомянутой передачи в форме непосредственного воздействия.

Я имею здесь в виду новейшее исследование академика *Е. Лазарева* («Recherches sur la théorie ionique de l'excitation») относительно ионической теории возбуждения, а также относительно доказанного еще ранее у нас колебания токов действия мозговой коры при ее функционировании[76]. При этом колебания электрической энергии, которыми сопровождается возбуждение коры и проводников, должны неизбежно сопровождаться развитием герцевских лучей, которые, как известно, передаются в разных направлениях.

Итак, убеждение словом, взаимовнушение, зараза путем подражания и прямая индукция — вот факторы, которые действуют в каждом собрании как в едином коллективе, объединенном одним общим настроением или одним лозунгом.

В заключение мы остановимся еще на некоторых факторах, имеющих особое значение при образовании коллективов.

Общеизвестно, что биологические факторы, как, например, потребность питания, приводят к социализации в интересах добывания пищи. Такую же цементирующую роль представляют собой потребность самосохранения, которая сплачивает разных людей и разные группы в це-

лях сотрудничества и в интересах самообороны и нападения. Половая функция равным образом приводит на почве телесной связи к связи «духовной», которая обычно даже предшествует физической связи. За союзом брачным может последовать семья, которая образует естественное единство в силу и материальной, и «духовной» зависимости членов семей друг от друга, являясь для детей до полного их возраста по преимуществу односторонней. В дальнейшем дело идет о кровной, или племенной, связи, поддерживающей «духовное» родство и образующей родственный, или племенной, коллектив.

Не следует забывать, что привычка к общению с людьми, создаваемая условиями самой жизни, переходит в органическую потребность, которая время от времени влечет нас в общество для взаимообмена рефлексами. «Идея, как бы примитивна она ни была, — говорит П. Сорокин — повелительно толкает человека сообщить ее сочеловеку. Переживания радости, горя, печали, страха требуют отклика со стороны других. Радость заставляет человека „излить“ ее другому, горе требует утешения, страх, колебание требует успокоения и одобрения, ненависть толкает к отмщению. Желание что-либо сделать толкает к другому, чтобы привлечь его к работе по осуществлению поставленной цели. Все эти переживания стремятся „выйти“ за пределы индивидуальной души и делают необходимыми обмен с другими индивидами. И чем они острее, чем интенсивнее, тем сильнее тяга к сочеловеку, возбуждаемая ими. Невидимыми, но действенными связями эти потребности объединяют людей и притягивают их взаимно, подобно невидимой, но действенной силе магнита, притягивающего железо»[77].

Следует иметь в виду, что все члены каждого коллектива взаимодействуют между собою либо непосредственно, либо опосредствованно. Это значит, что индивид *а* действует как раздражитель на индивида *б,* а индивид *б,*

в свою очередь, является раздражителем для *a.* Само собой разумеется, что это взаимодействие может оказаться и действительно нередко оказывается неравносильным, ибо один индивид может оказывать большее воздействие на другого, нежели этот другой на первого.

Взаимодействие устанавливается также между вожаком и толпой, между актером или актерами и публикой, между руководителем митинга и собравшимися на митинге и между председателем собрания и самим собранием. И здесь это взаимодействие может быть непосредственное и опосредствованное.

Благодаря посредникам коллективное объединение может осуществляться независимо даже от пространственных и временных условий: то или другое общество может быть разбросано по разным частям света и даже по всему земному шару, не теряя известного единства между своими сочленами. Равным образом «духовное» единство путем традиций и других посредников, например писаний и устной передачи, может существовать в коллективе индивидов, живущих в разные периоды времени. Таковы религиозные общины, государственные и иные коллективы.

Вообще благоприятствующим условием для развития взаимодействия в образовании единства личности является, таким образом, не одна пространственная близость, которая сближает людей как бы механически, то есть вынуждает их к взаимному обмену между собою, но и существование посредников, к каковым относятся все предметы, которые могут интересовать многих индивидов, будут ли то памятники старины, литературные или научные произведения, технические сооружения, различного рода изобретения, методы обучения и воспитания, даваемые школой, события того или другого рода и т. п. и, наконец, общие интересы, возбуждаемые тем или другим явлением, — вот что, собственно, является главным посредником к образованию единства между людьми.

1921

Внушения и чудесные исцеления

Печатается по: Вестник знания. 1925, № 5.

— Напрасно, все напрасно! Мне не изгнать душевных мук! И вот лежу, хотелось мне смеяться, и слышу конки звон и дребезжанье рам. — «Вы погрузились в сон, теперь вы в гипнотизме. Страданья прекратятся, пусть не вдруг». — И что же? Тяжесть век, неменье рук мне говорят о силе месмеризма…

Такими или приблизительно такими словами описывал свое состояние один из больших скептиков, подвергавшихся словесному внушению, пожелавший обрисовать в стихах воздействие на себя внушающего лица.

Внушение представляет собою один из способов воздействия одного лица на других, которое намеренно производится со стороны воздействующего лица, и притом незаметно для внушаемого или же с его ведома и согласия. Испытуемый же может воспринимать воздействие на него другого лица непосредственно, без всякого размышления, критики и сосредоточения на предмете, а, так сказать, пассивно, в состоянии рассеянности и отвлечения. В таком способе воздействия одного лица на другое заключается сущность того влияния, которое оказывает на человека применение внушения. Поэтому последнее можно определить как прививание внушаемых лицу тех или других состояний и поступков помимо активного отношения самого внушаемого к предмету внушения и, что заслуживает особого нашего внимания, при отсутствии суждения и критики. Внушенное, будучи пассивно воспринятым, большей частью осуществляется затем без сопротивления, иногда даже с непреодолимой навязчивостью.

О силе внушения, зависящей и от умения внушающего лица, и от степени восприимчивости к внушениям стороннего лица, можно составить себе представление по ряду фактов из жизни прошлой и настоящей.

Целебное значение внушения известно со времен глубокой древности. В древние времена им пользовались жрецы при храмах, связывая силу внушения с религиозными церемониями. В евангельские времена на каждом шагу производились исцеления бесноватых и одержимых, которых наука признает ныне за больных истерическим психозом. Такие больные среди религиозно настроенного населения, верящего в силу дьявола, встречаются и у нас в деревнях под названием порченых и кликуш.

Литература средневековья, особенно XV и XVI веков, изобилует тяжелыми картинами «бесоодержимости». Приведем одно из наиболее ярких описаний этого рода, оставленных нам очевидцем Лабертоном. Речь идет о пятнадцати «одержимых» лувьевских монахинях.

«Эти пятнадцать девушек, — пишет Лабертон, — обнаруживают во время причастия строгое отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительною смелостью и бесстыдством.

По несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают свои телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук так, что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе; они долго находятся в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение четырех часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких летних дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи, и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходи-

ло. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ним в то время, когда их лицо наиболее взволновано, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжавшегося полчаса и больше, у них не заметно ни малейшего признака жизни.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ног, потом ступни и самые ноги, а за ними живот, грудь и шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец, оно начинает искажаться, и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Что касается порчи и кликушества, равно как и бесноватости, то, как я писал в одной из своих работ, «психическая» их сторона черпает свои особенности в своеобразных суевериях и религиозных верованиях народа[78]. Этим объясняется не только характер бредовых идей о порче и о вселении нечистой силы вовнутрь тела, но и все другие характерные явления в поведении кликуш, порченых и бесноватых. Таковы, например, их своеобразная боязнь всего, что верою народа признается святым, наступление припадков в церкви при пении «херувимской», при известных молитвословиях во время служения молебнов и при отчитывании, склонность некоторых из кликуш к прорицанию и т. п.

Сюда же нужно отнести и отвращение к табаку, наблюдаемое у некоторых кликуш и, несомненно, заимствованное от сектантов. Известно, что курение табака, по взгляду многих сектантов, которых народ вообще именует еретиками, есть дело рук антихриста, а потому они не только не употребляют табака, но и не допускают в своих жилищах. Поэтому боязнь табака у кликуш выражает как бы принадлежность их к ереси, что в глазах простого народа почти равносильно богоотступничеству.

Чтобы исцелить от бесоодержимости, порчи и кликушества, обычно прибегали к религиозным воздействиям,

а именно: отчитывали подобных «одержимых» молитвами, произносили в церкви заклинания дьяволу — поклониться богу и оставить «одержимую», на что обыкновенно со стороны последней получался или ряд кощунственных слов и движений, еще более резких, или новый припадок с конвульсиями.

Если мы зайдем в современную психиатрическую больницу, то встретим там больных под названием истеричных, или страдающих истеро-эпилепсией. Болезненные проявления их совершенно сходны с теми проявлениями, какие описаны у бесоодержимых — с тою только разницею, что демон уже не фигурирует в бреду больной. Но мы видим у больных ту же типичную «арку», когда истеричка выгибается в виде дуги так, что больная касается постели только пятками и теменем, и контрактуру, проявляющуюся в верхних и нижних конечностях.

Лечение здесь уже иного, конечно, рода, вместо заклинаний — научная терапия.

В прежние времена подобные случаи исцелялись силой внушения, связанной с религиозным подъемом. В настоящее время они поддаются лечению внушением же, производимым со стороны врача, умеющего вселить веру в грядущее исцеление. Точно так же в начале нашей эры производилось исцеление «сухоруких» и «расслабленных», иначе параличных и «мнимоумерших». Есть полное основание утверждать, что под общим названием сухоруких и расслабленных в древние времена понимались все вообще параличные, в том числе и пораженные истерическим параличом рук или ног, вообще, как известно, поддающиеся целительному внушению.

Секрет целительного внушения был известен также и многим лицам из простого народа, в среде которого он передавался из уст в уста в течение веков под видом знахарства, колдовства, заговоров и т. п. Особенно известны заговоры крови знахарями.

Далее, в истории последних столетий известны так называемые магнетизеры, заявлявшие обыкновенно об особой присущей им силе, часто именуемой животным электричеством, и пользовавшиеся внушениями с корыстными для себя целями. Сюда относится, например, Калиостро, подвизавшийся в конце XVIII века, Месмер — в начале XIX века и Ганзен — в 70-х годах XIX века. Особой популярностью и до сих пор пользуется имя Месмера, слава которого в Париже дошла было до того, что он не успевал принимать всех обращавшихся к нему больных. И чтобы освободить себя от притока неимущих пациентов, он однажды заявил, что им заворожено растущее на улице дерево, к которому должны были прикасаться бедняки, чтобы получить исцеление.

Парижская Академия, запрошенная по поводу происходивших явлений, будто бы обусловленных особою флюидической силою и получивших название месмеризма, не увидала ничего необыкновенного в достижениях Месмера, приписав новые для того времени, оказавшиеся чудесными явления и случавшиеся вместе с тем исцеления силе воображения. Месмер, потеряв с этого времени всякий кредит в сферах, вынужден был покинуть Париж, и удивлявшие публику явления не подверглись дальнейшему исследованию. Но в 1841 году английский доктор Бред, намеревавшийся было разоблачить проделки подобного же гипнотизера в Женеве Лафонтена, присутствуя на его магнетических сеансах, признал подлинность показываемых явлений и ввел впервые в науку понятие об искусственно вызываемом сне, назвав самое явление гипнотизмом (гипнос — по-гречески сон).

Вполне естественно, что долго еще в умах ученых продолжалась неуверенность в действительности «чудесных явлений», пока наконец во второй половине 70-х годов истекшего столетия работами проф. Шарко над явлениями гипноза истеричных и исследованиями проф. Бернгейма не было установлено огромное научное значение вну-

шения и гипнотических явлений. Справедливость требует сказать, что еще лет за двадцать до этих научных исследований д-р Льебо в Нанси (небольшой университетский город около Парижа) уже ввел внушение в свою медицинскую практику, изложив свой метод лечения в особой книге. Так возникло научное изучение и применение во врачебной практике внушения и гипноза, оказывающие благодетельное влияние на весьма многие нервные расстройства, особенно из числа тех, которые относятся к так называемым общим неврозам, в частности к истерии.

Врачебное применение внушения в бодрственном состоянии осуществляется с большою легкостью у некоторых лиц, особенно впечатлительных и обладающих повышенной внушаемостью. Благодаря этому достаточно с ними говорить повелительным тоном, чтобы вызывать у них этим путем и параличи, и судороги, и другие нервные явления и таким же образом освобождать или исцелять их от того и другого. Но чтобы внушаемое возымело свое действие, необходимы и благоприятные к тому условия, и первым из них является вера в грядущее исцеление со стороны самого больного. При данных условиях последнее отражается соответственным подъемом энергии, а в этом заключается залог успеха. Затем ввиду склонности человека преклоняться перед всем таинственным при внушении могут иметь значение, с одной стороны, соответственная обстановка, с другой — те или иные приготовления или приспособления. Так, например, Ventra, изучая вопрос о внушении, имел в руках железную дугу, мнимо изображавшую магнит, не действовавшую электрическую машину, двояковыпуклую чечевицу и игральные карты, и ему удавалось не только внушать мнимые мышечные, осязательные и зрительные впечатления (например, заставлять через линзу видеть на простой чистой бумаге целые здания), но и излечивать неврастению, нервную рвоту и приступы грудной жабы.

Наряду с внушением нередко действует и самовнушение, когда человек и сам уверует в чудодейственную силу какого-либо средства. Так, путем самовнушения объясняется, например, действие многих так называемых симпатических средств, оказывающих нередко то или другое целительное действие. Ferrarus, например, излечивал лихорадку с помощью бумажки, на которой были начертаны два слова: «Против лихорадки», и больной должен был каждый день отрывать по одной букве. Известны случаи целебного свойства «хлебных пилюль», «невской воды», просто «наложения рук» и т. п. И это объясняется тем, что у некоторых лиц благодаря их необычайной внушаемости по одному слову, произнесенному достаточно внушительным тоном, можно производить все те превращения в паралличных, хромых, конвульсионерах и бесноватых, которыми так богата история древних и особенно средних веков благодаря распространенной в то время вере в бесовскую силу. Поэтому у внушаемых лиц легко производить и исцеления теми или другими безразличными по существу средствами.

Однако следует иметь в виду, что, хотя внушаемость при некоторых условиях, например в толпе и при соответствующей обстановке, может повышаться, все же легкая внушаемость в бодрственном состоянии составляет исключение из общего правила. В силу этого современная медицина пользуется для внушения гипнотическим состоянием, в котором, как показывает опыт, внушаемость всегда повышается до значительной степени, причем делаемые в этом состоянии внушения могут оказывать и оказывают соответствующее воздействие и на послегипнотическое время, осуществляя нередко так называемые чудесные исцеления.

Под гипнотическим состоянием, или, проще, гипнозом, понимают состояние, близкое к сну и напоминающее в природе живых существ, с одной стороны, так называемую мнимую смерть, или, лучше было бы сказать, «зами-

рание», или, еще вернее, оцепенение, обнаруживающееся у всех вообще животных при внезапных внешних воздействиях, а с другой стороны, всем известное засыпание при нежных или слабых, но однообразных и длительных раздражениях (например, журчание ручья, тиканье часов, шум мельничного колеса и т. п.).

Дело в том, что после соответствующего изучения оказалось возможным вызывать искусственно гипнотическое состояние как у животных, так и у человека различными приемами. Наиболее употребительными для человека приемами гипнотизации в настоящее время считаются, при условии полной неподвижности гипнотизируемого, так называемые пассы в виде легких поглаживаний руками гипнотизирующего врача по лицу и конечностям, сосредоточивание его взора на блестящем предмете и словесное внушение, состоявшее в прививании процесса засыпания словами: «Думайте о сне, веки ваши тяжелеют, вы засыпаете» и пр. По прошествии нескольких минут таких воздействий результат обыкновенно не замедляет выразиться развитием гипнотического состояния той или другой глубины, начиная от состояния, близкого к дремоте, до глубокого гипноза без возможности давать затем отчет о всем испытанном, бывшем во время последнего. Это различие степени гипноза зависит главным образом от свойств личности самого гипнотизируемого, отчасти же и от искусства гипнотизирующего — довести гипноз до возможно большой глубины.

Когда усыпление достигнуто, врач делает соответствующие лечебные внушения, действие которых рассчитано не только на время гипноза, но и, что особенно важно, на послегипнотическое состояние. Такого рода сеансы могут быть повторяемы то или другое число раз по случаю и в зависимости от внушаемости данного лица, стоящей, в свою очередь, в некоторой зависимости от глубины гипноза.

Если гипноз глубок, то внушения могут быть воспринимаемы заснувшим только от гипнотизирующего лица (так называемый раппорт), причем загипнотизированный буквально становится как бы машиной, заводные ключи от которой находятся в руках гипнотизатора. Это-то состояние и дает возможность осуществлять в клиниках и даже в частной врачебной практике те поразительные исцеления, которые практиковались жрецами, так называемыми святыми и церковнослужителями вообще и которые ранее признавались за чудеса, обусловленные будто бы особой сверхъестественной силой. Между тем с развитием учения о гипнозе эти так называемые чудеса сделались прочным достоянием науки и осуществляются в клиниках врачами в виде исцеления от параличей, судорог, слепоты и других расстройств, главным образом истерического происхождения.

В целях пояснения примерами приведем лишь некоторые из многих случаев исцелений таким путем в клиниках.

Пролежавший полтора месяца в клинике больной, не имевший возможности вследствие внезапно развившегося вслед за истерическим припадком паралича передвигаться на ногах в течение более девяти месяцев, однажды был привезен в тележке для осмотра ко мне в аудиторию. Здесь достаточно было закрыть ему глаза, внушить ему, что он спит, затем, путем внушения же, поставить его на ноги и провести по комнате, сказав, что паралича больше уже нет и он может ходить свободно и по пробуждении. Пробужденный от гипноза больной в восторге пошел в свою палату, чем привел в изумление всех соседей-больных, наполнявших данное отделение клиники и признавших в факте его выздоровления совершившееся «чудо». Тому же больному в другой раз в совершенно бодрственном состоянии было произведено внушение о прекращении бывавших с ним еще судорожных истерических приступов, после чего он от них окончательно освободился.

Другой случай — девушка, бегавшая во время игры по комнате, случайно наткнулась боковой частью живота на рояль, и с тех пор у нее развилось сведение соответствующей ноги с параличом ног. Это состояние держалось несколько месяцев без перемен, несмотря на применяемые врачебные меры (электризация, лекарственное лечение и др.). Но достаточно было эту девушку подвергнуть гипнозу, заставить в последнем встать на ноги, провести по комнате, внушив, что паралич ее исчез, и затем разбудить, чтобы девушка стала совершенно здоровой.

Далее, у больной крестьянки было длительное сведение руки (так называемая контрактура). Когда же в гипнозе я выправил руку, эта «сухорукая» крестьянка по пробуждении, перебегая от одних лиц к другим, показывала всем поднимаемую ею вверх руку с неудержимыми от радости возгласами: «А ведь здоровая, глядите, глядите, совсем здоровая!».

Наконец, укажу еще на недавно происшедший факт излечения внушением наследственной слепоты. Случай этот, бывший в моей практике, поразил даже опытных врачей по глазным болезням, не допускавших возможности устранения слепоты в этом случае какими-либо лекарственными средствами.

Нет надобности умножать здесь другие примеры. Но мы скажем обще, что из болезненных состояний можно с успехом излечивать гипнотическими внушениями.

Прежде всего внушением излечиваются, как видно и из вышеприведенных примеров, истерические нервные состояния, как истерические припадки, параличи, сведения (контрактуры) и судороги, а также разнообразные нарушения чувствительности и т. п. Из других нервных расстройств внушением с успехом излечиваются заикание, развивающееся на почве истерии или неврастении, затем часто наблюдаемые при неврозах раздражительность, головные и иные невралгические боли, развивающиеся не на

почве органических поражений нервной системы, головокружения, нервные расстройства, сердцебиения, нервная одышка, нервная рвота, ночное недержание мочи, припадки сомнамбулизма, недостаток и отсутствие аппетита, половая слабость нервного происхождения, бессонница, в некоторых случаях маточные кровотечения, нервные сыпи и многое другое. До какой степени поразительны могут быть результаты внушения в нервных состояниях, видно, между прочим, кроме вышеуказанных случаев из следующего примера. Проф. Бернгейм, располагая небольшим количеством минут до отхода поезда, успел загипнотизировать обратившуюся к нему больную крестьянку и вылечить ее внушением от истерического сведения руки. Точно такой же случай был описан и мною[79].

Внушение в гипнозе крайне благотворно действует и на различные приобретенные в силу привычки болезненные влечения, как-то: пьянство, морфинизм и все вообще виды наркомании, не исключая и привычного употребления табака. Много есть уже примеров излечения от клептомании (страсти к воровству), и не только временного, но и прочного. Можно привести затем целый ряд благоприятного действия внушения на онанистов и при разнообразных формах полового извращения, против которых почти нет иных действительных врачебных средств.

Из так называемых психических расстройств могут быть излечиваемы с помощью гипнотических внушений все навязчивые состояния (мания счета, бродяжничества, боязни острых предметов и т. п.). Затем существенную пользу приносит внушение при болезненно удрученном состоянии, в особенности вследствие тяжелых потрясений и вследствие тех или других мнимых или болезненных состояний, а также при многих других болезненных процессах, связанных с нарушением деятельности нервной системы.

Сам гипноз как сноподобное состояние применяется ныне с лечебною целью при операциях, родах и в некото-

рых других случаях, но этот вопрос не входит в наше рассмотрение в данный момент.

В заключение заметим, что так как гипноз является далеко не безразличным средством, то пользование гипнозом как лечебным средством допустимо только врачами, и притом врачами, знакомыми с нервными болезнями, ибо лечение болезни требует предварительно точного распознавания ее природы и характера, притом же самое гипнотизирование, как и применение гипнотических внушений, требует известной осторожности, особенно у лиц, отличающихся большою нервностью, а также и у сердечных больных.

1925

Примечания

[1] Сообщение было заслушано в Обществе нормальной и патологической психологии. Опубликовано в журнале «Обозрения психиатрии». 1902. № 8.

[2] Нравственное умопомешательство *(англ.).*

[3] *Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека. Москва. 1997. Основу работы «Личность и условия ее развития и здоровья» составляет речь, произнесенная ученым 4 сентября 1905 году на II съезде русских психиатров в Киеве. В этой работе Бехтерев дает определение личности с опорой на понятие «отношения человека», рассматривает широкий перечень факторов развития личности, включая природную и социальную среду. Достаточно детально Бехтерев обсуждает вопрос о необходимости создания благоприятных социально-экономических и гигиенических условий полноценного развития личности, сохранения психического здоровья.

[4] Эндемический — местный, свойственный данной местности.

[5] *Сикорский И. А.* Вопросы нервно-психической медицины, 1904.

[6] Mens sana in corpore sano (*лат.*). — Здоровый дух в здоровом теле.

[7] *Бехтерев В. М.* Проблемы развития и воспитания человека. М., 1997.

[8] Речь, сказанная на торжественном акте Психоневрологического института в феврале 1916 года и первоначально напечатанная в «Вестнике знания».

[9] *Соловьев В.* Оправдание добра. Предисловие.

[10] *Лебон Г.* Эволюция материи. СПб., 1911.

[11] См.: *Бехтерев В. М.* Вестн. Психологии. 1904. Объективная психология. Вып. I. (1907), вып. II. (1910) и вып. III (1911).

СПб. Общие основания Рефлексологии; Обозр. Психиатрии. 1916 и 1917 гг. и отд. изд. — Вестн. Знания. 1916.

[12] См.: *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. 2-е перераб. и доп. изд. СПб., 1904. L'activité psychique et la vie. Paris. — Psyche und Leben. Wiesbaden.

[13] Заслуживают внимания новейшие исследования, которые устанавливают соотношения между принятой пищей и производимой человеком механической работой (на велосипеде). Для этой цели человека помещали в замкнутое пространство с неизменной температурой. Производимая им механическая работа передавалась тем или другим механизмам, например динамо-машине. При этом путем учета потребляемой пищи и производимой полезной работы доказано, что человек дает работой своих мышц около 21% потребляемой им энергии, тогда как паровая машина, как известно, дает не более 13% полезной работы. Люди с большей физической силой дают еще больший процент полезной работы, а именно до 36%. Здесь, конечно, не принята в расчет та энергия, которая идет на работу желез и других внутренних органов (потоотделение, усиление сердцебиения и пр.). Только что приведенные факты объясняются, с одной стороны, большим совершенством человеческой машины, преимущество которой состоит в том, что изнашивание человеческой машины чинится самой же машиной, с другой — тем обстоятельством, что энергия наших центров, дающая импульс движению, образуется, собственно, не столько путем трансформации питательного материала — крови, сколько путем трансформации разнообразных внешних влияний на воспринимающие органы и постоянно присутствующего запаса энергии в центрах.

[14] *Бехтерев В. М.* Обозрение психиатрии. 1896. Neurol. Centr. 1896.

[15] *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. СПб.

[16] Энергетическое учение в применении к нервно-психической деятельности за последнее время кроме меня развивалось с различных точек зрения Лассвицем, Гротом, Краинским и др.

[17] О том же предмете сделан доклад профессором Хвольсоном в Петроградском Философском обществе в марте 1916 года.

[18] *Друммонд Г.* Прогресс и эволюция человека. С. 373.

[19] *Бехтерев В. М.* Психика и жизнь. СПб. Psuche und Leben. Wiesbaden. L'activité psychique et la vie. Paris. Мысли, изложенные в этом сочинении об эволюционном монизме, а также и мои взгляды, изложенные мной в прениях по тому же предмету в данных обществах, особ. в Р. Общ. норм. и пат. психологии, нашли свое отражение и в философской литературе. (См. по этому поводу у К. Ф. Жакова в позднейших его работах.)

[20] *Друммонд Г.* Op. cit. С. 273—274.

[21] Может быть, этот кругооборот, понятие о котором было доступно и народам древности, и послужил к созданию учения о переселении душ.

[22] *Фрейхтерслебен.* Гигиена души. С. 21.

[23] См.: *Бехтерев В. М.* Обозрение психиатрии. 1896; а также Neur. Centralbl. Тот же год.

[24] «Deus ex machina» (*лат.*) — «Бог из машины». — Выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора.

[25] Кроме сделанных уже выше указаний о социальной наследственности см. мой труд «Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности». СПб. Отд. изд. 1912.

[26] Ортобиоз (*греч.* orthos — прямой, правильный и bios — жизнь) — здоровье, разумный образ жизни; ортобиоз включает заботу о физическом здоровье, оптимальный ритм работы и отдыха, двигательную активность, организованное рациональное питание, культуру общения и личную гигиену.

[27] См.: *Бехтерев В. М.* Значение гормонизма и социального отбора в эволюции организмов // Природа. 1916. Там же упомянуты и другие мои работы в этом направлении.

[28] *Бехтерев В. М.* Социальный отбор и его биологическое значение. Вестник здания; Nord und Sud. 1912.

[29] Dr. *L. Lefèvre.* Les phénomènes de suggestion et d'auto-suggestion etc. Paris, 1903. С. 101 и 102.

[30] См. *Лоуэнфельд.* Гипнотизм. Пер. д-ра Лясса. Саратов, 1903.

[31] См. *Лоуэнфельд,* loco cit. С. 31.

[32] *Б. Сидис.* Психология внушения, 1902.

[33] *Б. Сидис.* Психология внушения, перев. д-ра М. Колоколова. СПб. 1902. С. 19.

[34] См. *В. Бехтерев.* Роль внушения в общественной жизни. СПб., 1898. С. 2.

[35] *Б. Сидис.* Психология внушения. С. 10.

[36] См. *В. Бехтерев.* Гипноз и его значение как врачебного средства. Нервные болезни в отдельных наблюдениях, 1894; Лечебное значение гипноза. СПб., 1900.

[37] *Бине и Фере.* Животный магнетизм. СПб., 1890. С. 15 и 16.

[38] *Б. Сидис.* Психология внушения. С. 302.

[39] Folie a deux (*фр.* «психоз у двоих») форма индуцированного бреда, при котором одинаковые по содержанию бредовые идеи наблюдаются у двух лиц.

[40] Место не позволяет долее останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почве уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь, бесспорно, крупную роль. Подробное описание терновских событий кроме газет можно найти в статье проф. И. А. Сикорского «Вольные смерти в Терновских хуторах» (Вопросы нервно-психической медицины за 1897 год).

[41] *Реньяр.* Психические эпидемии.

[42] *Реньяр.* Психические эпидемии.

[43] *Рише.* Сомнамбулизм. 1895. Луденская община урсулинок, посвятивших себя делу образования, состояла из дочерей знатных лиц.

[44] Д-р *Яконенко.* Эпидемия истерических судорог в Подольском уезде Моск. губ. Вести. Общ. гигиены, т. XXV, кн. III, отд. III.

[45] Д-р *Геника.* Вторая эпидемия истерических судорог в Подольском уезде Московской губернии. Невр. Вести. 1898, т. VI, вып. 4.

[46] Вестн. Европы, окт. 1903, с. 738.

[47] *Sierke.* Schwärmer und Schwindler zu Ende des XVIII Jahrhunderts. Leipzig. 1874; *Ebel.* Der Mucker von Konigsberg; *Stall.* Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. Leipzig. 1894; *F. Rosenfeld.* «Der Messias von Berlin»; *Schlichtegroll.* Der Messias von Berlin. Wochenschrift fur Geschichte tc. 1899; *R. Henneberg.* Beitragz. Forens. Psychiatric. Charite-Aunalen. XXVI Jahrg.

[48] *Б. Сидис.* Психология внушения. С. 347—349.

[49] *Б. Сидис.* Психология внушения. С. 325—327.

[50] Проф. *И. А. Сикорский.* Психопатическая эпидемия 1892 г. в Киевской губ. Киев, 1893.

[51] Малеванцы — группа духовных христиан, течение в баптизме, возникшее в Российской империи в конце 80-х годов XIX века и распространённое, в основном, в Киевской, Херсонской и Минской губерниях.

[52] См. *В. Бехтерев.* О внушающем влиянии слуховых обманов чувств. Обозрение психиатрии № 11, 1896. Centr. f. Nervenheilkunde, 1897.

[53] См. Невр. Вестн., 1897, вып. 4. С. 123 и след.

[54] См. *П. Якобий.* Религиозно-психическая эпидемия. «Вестник Европы», октябрь 1903.

[55] См. *Кутепов.* Секта хлыстов и скопцов. Казань, 1882.

[56] См. Вестн. Евр. Ноябрь, с. 156 и 157.

[57] См. *Кельсиев.* Сборн. прав. распоряжений о расколе. 1862, т. 3—4.

[58] Д-р *И. Воскресенский.* Русский Врач, № 1, 1902.

[59] *Бине и Фере.* Животный магнетизм. СПб., 1890. С. 10—13.

[60] *Тард.* Преступления толпы. Невр. Вестник. Т. 1, вып. 1.

[61] *Бехтерев В.* Психика и жизнь. 2-е изд. 1906. С. 167—168.

[62] Описание этих эпидемий см.: *Plecher.* Die Suggestion im Leden d. Kindes. Beitrage z. Kinderforschung und Heilerziehung. Heft 63; *Monroe.* Chorea unter d. Kinder. Öffentlicher Schulen. Die

Kinderfehler. 3 Jahrg. S. 158; *Бехтерев В.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб. 3-е изд.

[63] *Бехтерев В.* Гипноз, внушение и психотерапия. СПб., 1911.

[64] См., напр., известное стихотворение Лермонтова «Сон», повесть Тургенева «Песнь торжествующей любви» и др.

[65] Лица, интересующиеся данным предметом, могут найти много интересного для себя в сочинении *Flournoy Th.* Des Indes a la planète Mars. 1900.

[66] *Бехтерев В. М.* Гипноз. Внушение. Психотерапия. М.: «Мысль», 1911.

[67] *Кралль.* Мыслящие животные.

[68] *Бехтерев В.* Значение двигательной сферы и пр. // Русский врач. 1912. Не следует упускать из виду, что опыты, аналогичные тем, которые известны относительно краллевских лошадей, имеются и относительно собак (см. *Jerks.* The behavior of groger // Century, magaz. Febr. 1908).

[69] См.: Доклады к конференциям Института по изучению мозга за 1919 и 1920 гг. // Вопросы изучения и воспитания личности. Пг., 1920, № 2.

[70] *Тард Г.* Законы подражания.

[71] *Тард Г.* Законы подражания.

[72] См.: *Бехтерев В. М.* Внушение и его роль в общественной жизни.

[73] См.: *Сигеле С.* Преступная толпа.

[74] См.: *Бехтерев В. М.* Как производятся опыты так называемые на подмостках театров? // Русский врач. 1914.

[75] *Бехтерев В. М.* Об основных законах мира в связи с рассмотрением социальной жизни с точки зрения рефлексологии. С. 171—204; *Он же.* Болезни личности с точки зрения рефлексологии // Вопросы изучения и воспитания личности. 1920. № 2. С. 279—318; *Иванов-Смоленский А. Г.* Галлюцинации при травматическом психоневрозе // Там же. С. 327—347; *Он же.* Опыты мысленного воздействия на животных // Там же. С. 266—271; *Флексор П.* Опыты так называемого мысленного внушения животным // Там же. С. 272—278.

[76] См.: *Тривус С. А.* Токи действия в коре полушарий головного мозга под влиянием периферических раздражений: Дис. д-ра мед. наук. СПб., 1900 и работу д-ра Ларионова, вышедшие из моей лаборатории.

[77] *Сорокин П. А.* Система социологии. Т. 1. С. 310—311; см. также *Ross.* Social control. S. 1., S. a. P. 14.

[78] Предисловие к книге Краинского «Порча, кликуши и бесноватые».

[79] См.: *Бехтерев В.* Лечебное значение гипноза // Гипноз, внушение и психотерапия.